

Абэ Кобо. Женщина в песках

Перевод: Гривнин В., 1964, 1966.

Без угрозы наказания
нет радости побега

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

В один из августовских дней пропал человек. Он решил использовать свой отпуск для поездки на побережье, до которого поездом было полдня пути, и с тех пор о нем ничего не слышали. Ни розыски полиции, ни объявления в газетах не дали никаких результатов.

Исчезновение людей – явление, в общем, не такое уж и редкое. Согласно статистике, ежегодно публикуется несколько сот сообщений о пропавших без вести. И, как ни странно, процент найденных весьма невелик. Убийства и несчастные случаи оставляют улики; когда случаются похищения, мотивы их можно установить. Но если исчезновение имеет какую-то другую причину, напасть на след пропавшего очень трудно. Правда, стоит назвать исчезновение побегом, как сразу же очень многие из них можно будет, видимо, причислить к этим самым обыкновенным побегам.

В данном случае тоже не было ничего необычного в отсутствии каких-либо следов. Примерно было известно место, куда отправился этот человек, но оттуда не поступило сообщения о том, что обнаружен труп. Работа его не была связана с какими-либо секретами, из-за которых его могли бы похитить. А во всех его действиях, в поведении не было и намёка на то, что он замышляет побег.

Сначала все, естественно, предположили, что здесь замешана женщина. Узнав от жены, что пропавший уехал собирать насекомых для своей коллекции, полицейские чиновники и сослуживцы были даже несколько разочарованы. Действительно, тащить банку с цианистым калием, сачки для ловли насекомых – и все только для того, чтобы скрыть побег с женщиной, – это было бы излишним притворством. А главное, станционный служащий сообщил, что в тот день на станции из поезда вышел мужчина, похожий на альпиниста на его плечах крест-накрест висели деревянный ящик, напоминавший те, которыми пользуются художники, и фляга; он точно помнил, что человек был совершенно один. Таким образом, и это предположение отпало.

Появилась версия о самоубийстве на почве мизантропии. Ее высказал один из сослуживцев, большой любитель психоанализа. Уже одно то, что взрослый человек способен увлекаться таким никчемным делом, как коллекционирование насекомых, доказывает психическую неполноценность. Даже у ребенка чрезмерная склонность к коллекционированию насекомых часто является признаком эдипова комплекса. Чтобы как-то компенсировать неудовлетворенное желание, он с удовольствием втыкает булавку в погибшее насекомое, которое и так никуда не убежит. И уж если став взрослым, он не бросил этого занятия значит, состояние его ухудшилось. Ведь довольно часто энтомологи одержимы манией приобретательства, крайне замкнуты, страдают клептоманией, педерастией. А от всего этого до самоубийства на почве мизантропии – один шаг. Мало того, среди коллекционеров есть и такие, которые испытывают влечение не столько к

самому коллекционированию, сколько к цианистому калию в своих банках, потому-то они не могут отказаться от своего занятия... А то, что у него ни разу не возникало желания откровенно рассказать о своем увлечении разве не доказывает, что и сам он сознавал всю его постыдность?

Но поскольку труп не был обнаружен, все эти казавшиеся такими стройными умозаключения рухнули.

Действительной причины исчезновения так никто и не узнал. И по прошествии семи лет на основании статьи 30 Гражданского кодекса человек был признан умершим.

Однажды в августе после полудня на платформе станции появился человек в серой пикейной панаме. На плечах у него крест-накрест висели большой деревянный ящик и фляга, брюки были заправлены в носки, как будто он собирался идти в горы. Однако поблизости не было ни одной горы, на которую стоило бы подниматься. И станционный служащий, проверявший у выхода билеты, подозрительно посмотрел ему вслед. Человек без колебаний вошел в автобус, стоявший около станции, и занял сиденье сзади. Автобус шел в сторону, противоположную горам.

Человек доехал до конечной остановки. Выйдя из автобуса, он увидел, что вся местность здесь представляет собой бесконечное чередование возвышенностей и впадин. Низины были сплошь заняты нарезанными на узкие полосы рисовыми полями, и между ними, подобно островкам, возвышались небольшие рощицы хурмы. Человек миновал деревню и пошел дальше по направлению к побережью. Почва постепенно становилась все светлее и суше.

Вскоре дома исчезли, лишь изредка попадались группы сосен. Постепенно твердая почва сменилась мелким, липнувшим к ногам песком. Кое-где темнели островки сухой травы и виднелись, точно по ошибке попавшие сюда, крохотные участки чахлых баклажанов. Но вокруг не было ни души. Впереди, очевидно, было море, к которому он и направлялся.

Наконец человек остановился, огляделся, отер рукавом куртки пот с лица. Не спеша открыл деревянный ящик и из верхней крышки вынул связку палок. Соединил их вместе, и в руках у него оказался сачок для ловли насекомых. Он снова двинулся вперед, раздвигая палкой попадавшиеся ему редкие кустики травы. От песка пахло морем.

Но время шло, а моря все не было видно. Может быть, это пересеченная местность не позволяла видеть, что делается впереди, но, насколько хватало глаз, ландшафт не менялся.

Неожиданно перед ним выросла деревушка. Это была обычная бедная деревушка: вокруг пожарной вышки теснились тесовые крыши прижатые небольшими камнями. Несколько домов было крыто черной черепицей, а некоторые - даже железом, окрашенным в красный цвет. Дом с железной крышей, стоявший на углу единственного в деревне перекрестка, был, по-видимому, правлением рыболовецкой артели.

За деревней уж наверняка и море и дюны. Но что-то деревушка раскинулась чересчур широко. Вокруг нее несколько участков плодородной земли, все остальное - белая песчаная почва. Виднелись небольшие поля земляного ореха и картофеля; запах моря смешивался с запахом скотины. На обочине твердой, как бы цементированной песком и глиной дороги возвышались белые горы колотых ракушек. Пока человек шел по дороге и дети, игравшие на площадке перед правлением артели, и старик, чинивший сеть, и растрепанные женщины толпившиеся у единственной в деревушке мелочной лавки - все на миг замирали и с удивлением смотрели ему вслед. Но человек не обращал на них никакого внимания. Его интересовали только дюны и насекомые.

Однако странным был не только размер деревушки. Дорога вдруг пошла вверх. Это тоже было совершенно неожиданно. Ведь если она ведет к морю, то, естественно, должна идти под уклон. Может быть, он ошибся, когда смотрел по карте? Он попытался спросить повстречавшуюся как раз девушку. Но она опустила глаза и прошла мимо, сделав вид, что не слышит вопроса. Ладно, пойдем дальше. Что ни говори, и цвет песка, и рыболовные сети, и горы ракушек - все указывает на близость моря. В общем, причин для беспокойства нет.

Дорога становилась все круче, и кругом уже не было ничего, кроме песка.

Но странно, там, где стояли дома, уровень земли несколько не повышался. Лишь дорога шла вверх, сама же деревушка все время оставалась как бы в

низине. Впрочем, вверх шла не только дорога - выше становились и промежутки между домами. Поэтому казалось, будто деревня идет в гору, а дома остаются на одном уровне. Это впечатление все усиливалось по мере выдвижения вперед, к вершине дюны, и вскоре ему показалось, что дома стоят в огромных ямах, вырытых в песке. Наконец дорога, по которой он шел, и промежутки между домами оказались выше крыш. А дома все глубже погружались в песчаные ямы. Склон неожиданно стал почти отвесным. Теперь до верхушек крыш было метров двадцать, не меньше. "Ну что там может быть за жизнь?" - подумал он, с содроганием заглядывая в глубокую яму. Вдруг бешеный порыв ветра перехватил дыхание, и человек поспешил отойти от края ямы. Далеко внизу он увидел мутное пенящееся море, лижущее прибрежный песок. Он стоял на гребне дюны - именно там, куда стремился.

Склон дюны, обращенный к морю, откуда дуют муссоны, как обычно был отвесным и голым. Но на более пологих местах пробивались кустики узколистой травы. Оглянувшись, он увидел, что огромные ямы, все более глубокие по мере приближения к гребню дюны, несколькими ярусами сходятся к центру деревушки, напоминая пчелиный улей в разрезе. Деревня, казалос, взбиралась на дюну. А может быть, дюна взбиралась на деревню? Во всяком случае, вид деревни раздражал, удручал человека.

Ну ладно, до желанных дюн дошел, и все в порядке. Он отпил большой глоток воды из фляги, глубоко вздохнул, но воздух, казавшийся таким чистым, обжег горло, словно наждак.

Человек хотел пополнить свою коллекцию насекомыми, которые водятся в песке.

Песчаные насекомые невелики, с тусклой окраской, но того, кто одержим манией коллекционирования, не привлекают яркокрылые бабочки или стрекозы. Он не стремился украсить свои коллекции какими-то экзотическими образцами, не проявляет особого интереса к систематизации, не занимается поисками сырья для приготовления лекарств, используемых китайской медициной. У энтомолога есть свои бесхитростные и непосредственные радости - обнаружение нового вида. Удастся это - и в энтомологическом атласе рядом с длинным ученым латинским названием найденного насекомого появится и твое имя, и не исключено, что оно останется там на века. А если твое имя, пусть даже благодаря насекомому, надолго сохранится в памяти людей, - значит, старания не пропали даром.

Огромное число видов насекомых, почти не различающихся на первый взгляд, дает богатые возможности для все новых открытий. Вот и он тоже много времени отдал двукрылым и даже обыкновенным домашним мухам, которых так ненавидят люди. Виды мух на удивление многочисленны. Но поскольку мысль всех энтомологов развивается примерно в одном направлении они почти завершили изучение большинства этих видов, включая и редчайший восьмой мутант, обнаруженный в Японии. Может быть, потому, что жизнь людей тесно переплетена с жизнью мух.

Прежде всего следует обратить внимание именно на песчаную среду. Многочисленность видов мух, возможно, объясняется их большой приспособляемостью. Он просто подпрыгнул от радости, сделав это открытие. Мысль не так уж глупа. высокой приспособляемостью мух как раз и объясняется то обстоятельство, что они легко переносят самые неблагоприятные условия, в которых другие насекомые не могут существовать. Они приспособились, например, к жизни даже в пустыне, где все живое погибает...

Придя к этому выводу, он стал проявлять особый интерес к пескам. Результат не замедлил сказаться. Однажды в высохшем русле речки неподалеку от дома он увидел малюсенькое желтоватое насекомое, напоминавшее шпанскую мушку, принадлежащую к семейству жесткокрылых (*Cieindela Japonica*, Motschulsky). Как известно, шпанские мушки бывают разной окраски и величины. Но передние лапки у них различаются весьма незначительно. Они-то и служат возможным критерием для классификации, так как различные формы передних лапок означают и видовое различие. Второй сустав передней лапки насекомого, попавшегося ему на глаза, действительно имел примечательные особенности.

Передние лапки у шпанских мушек обычно тонкие, черные и весьма подвижные, а у этой мухи были круглыми, толстыми, как бы покрытыми прочным панцирем и ярко-желтого цвета. Возможно, на них налипла пыльца. Может быть, у насекомого было даже особое приспособление - вроде волосков, - чтобы собирать пыльцу. Если тогда его не обманули глаза, то, должно быть, он

сделал важное открытие.

Но, к сожалению, поймать это насекомое не удалось. Он был слишком взволнован, да и муха летала как-то совершенно необычно. Она улетела. Потом вернулась и стала ждать его приближения, словно хотела сказать: "попробуй поймай меня". Когда он доверчиво подошел, она улетела, вернулась и снова стала ждать. Она как будто дразнила его, а потом окончательно скрылась в траве.

Так он стал пленником этой шпанской мушки с желтыми передними лапками.

Обратив внимание на песчаную почву, он еще больше утвердился в своем предположении. Ведь шпанская мушка – типичное насекомое пустыни. Согласно одной из теорий, необычный полет этих мушек – просто хитрость, которой они выманивают из нор мелких животных. Мыши, ящерицы, увлекаемые мушками, убегают далеко от своих нор в пустыню и погибают там от голода и усталости. Мушки только этого и ждут и пожирают погибших животных. Японское название этих мушек изящное – "письмоносец". Хотя на первый взгляд они кажутся грациозными, на самом деле у них острые челюсти и они настолько кровожадны, что пожирают друг друга. Он не знал, верна эта теория или нет, но, несомненно, был пленен загадочным полетом шпанской мушки.

Естественно, возрос и его интерес к песку, который создавал условия для жизни шпанской мушки. Он стал читать литературу о песке, и чем больше читал, тем больше убеждался в том, что песок – очень интересное явление. В энциклопедии, например, в статье о песке можно прочесть следующее:

"Песок – скопление разрушенной горной породы. Иногда включает в себя магнитный железняк, каситерит, реже – золотой песок. Диаметр от двух до одной шестнадцатой миллиметра".

Ну до чего же ясное определение! Короче говоря, песок образуется из разрушенной горной породы и представляет собой нечто среднее между мелкими камешками и глиной. Но назвать песок промежуточным продуктом еще не значит дать исчерпывающее объяснение. Почему из трех элементов – камней, песка и глины, – из которых в сложных сочетаниях состоит почва, только песок может находиться в изолированно состоянии и образовывать пустыни и песчаные местности? Если бы это был просто промежуточный продукт, то благодаря эрозии между голыми скалами и областями глины можно было бы обнаружить бесчисленное количество промежуточных продуктов, образованных путем их взаимного проникновения. Но ведь на самом деле существует только три ясно различимых вида пород: скальные песчаные, глинистые. Удивительно также и то, что величина песчинок почти всегда одинакова, будь то песок на побережье острова Эносима или в пустыне Гоби, – она равна в среднем одной восьмой миллиметра, и располагаются песчинки по кривой, близкой к Гауссовой.

В одном исследовании давалось весьма упрощенное объяснение разрушения почвы вследствие эрозии: легкие элементы разносятся на большие расстояния. Но в нем совершенно не объяснялась особенность размера песчинок, равного одной восьмой миллиметра. В другом труде по геологии давалось противоположное объяснение:

"И потоки воды, и потоки воздуха создают турбуленцию. Наименьшая длина волны турбуленции эквивалентна диаметру песка в пустыне. Благодаря этой особенности из почвы извлекается только песок, причем извлекается он под прямым углом к потоку. Если сила сцепления отдельных компонентов почвы невелика. Песок может подниматься в воздух даже очень слабым ветром, неспособным увлечь камни и глину. Затем он снова опускается на землю дальше по движению ветра. Особенности песка должны, видимо, рассматриваться аэродинамикой".

Продолжалось объяснение так:

"Песок – частицы разрушенных горных пород такой величины, которая делает их наиболее подвижными".

Поскольку на земле всегда существует ветер и потоки воды, образование песков неизбежно. И до тех пор пока будут дуть ветры, течь реки, катить свои волны моря, из земли будут извлекаться все новые и новые массы песка и, подобно живому существу, расползаться повсюду. Песок не знает отдыха. Незаметно, но упорно он захватывает и разрушает землю...

Эта картина вечно движущегося песка невыразимо волновала и как-то подхлестывала его. Бесплодность песка, каким он представляется обычно, объясняется не просто его сухостью, а непрерывным движением, которого не может перенести ничто живое. Как это похоже на унылую жизнь людей, изо дня в

день цепляющихся друг за друга.

Да, песок не особенно пригоден для жизни. Но является ли неизбежность абсолютно необходимой для существования? Разве от стремления утвердить неизбежность не возникает отвратительное соперничество?

Если отбросить неизбежность и отдать себя движению песка, то кончится и соперничество. Ведь и в пустыне растут цветы, живут насекомые и звери... Все это живые существа, вырвавшиеся за рамки соперничества благодаря огромной силе приспособляемости. Вот как его шпанские мушки...

Он рисовал в своем воображении движение песка, и у него уже начинались галлюцинации – он видел себя самого в этом нескончаемом потоке.

Опустив голову, человек снова пошел вперед по гребню дюны, огибавшей деревню полумесяцем, подобно крепостному валу. Он почти не замечал того, что делалось вдали. Для энтомолога важно сосредоточить все свое внимание на пространстве в радиусе трех метров вокруг своих ног. И одно из важнейших правил – не становиться спиной к солнцу. Если солнце окажется сзади, то своей тенью можно спугнуть насекомое. Поэтому лоб и нос охотников за насекомыми загорают дочерна.

Человек размеренно и медленно продвигался вперед. При каждом шаге песок обрызгивал его ботинки. Вокруг не было ничего живого, кроме неглубоко сидевших кое-где кустиков травы, готовой хоть сейчас зацвести, будь чуть побольше влаги. Если и появлялось здесь что-нибудь летающее, то это были окрашенные, как панцирь черепахи, мушки, привлеченные запахом человеческого пота. Но как раз в такой местности надежды часто сбываются. Правда, шпанские мушки не любят жить стаями, и бывают даже случаи, когда одна мушка захватывает целые километры в округе. Ничего не поделаешь – нужно упорно продолжать поиски.

Вдруг он остановился – в траве что-то зашевелилось. Это был паук. Пауки ему ни к чему. Он присел, чтобы выкурить сигарету. С моря все время дул ветер внизу рваные белые волны вгрызались в основание дюны. Там, где западный склон дюны сходил на нет в море выдавался небольшой скалистый мыс. На нем подобно острым иглам были рассыпаны лучи солнца.

Спички никак не зажигались. Десять спичек извел – и все впустую. Вдоль брошенных спичек почти со скоростью секундной стрелки двигались струйки песка. Он заметил небольшую волну песка и, как только она докатилась до каблука его ботинка, поднялся. Из складок брэк посыпался песок. Он сплюнул – во рту как будто теркой провели.

Однако не слишком ли мало здесь насекомых? Может быть, движение песка чересчур стремительно? Нет отчаиваться еще рано. Ведь и теоретически здесь не может быть насекомых.

Вершина стала более ровной, кое-где дюна далеко отступала от моря. Подгоняемый надеждой на добычу, он стал спускаться по пологому склону. Кое-где торчали остатки бамбуковых щитов для задержания песка, и виднелась расположенная несколько ниже терраса. Мужчина пошел дальше, пересекая песчаные узоры, прочерченные ветром с точностью машины. Неожиданно все исчезло из поля его зрения, и он увидел, что стоит на краю глубокой ямы.

Яма была неправильной овальной формы, больше двадцати метров в ширину. Противоположная ее стена казалась сравнительно отлогой, а та, где он стоял, обрывалась почти отвесно. Ее вогнутый край, гладкий, как у фарфоровой чашки, был очень скользким. Осторожно упершись в него ногой, он заглянул вниз. И только теперь понял, что, хотя кругом светло, уже приближается вечер.

На самом дне ямы в мрачной глубине стояла погруженная в молчание лачуга. Крыша одним концом вдавалась в отлогую песчаную почву.

"Ну совсем как раковины устрицы, – подумал он. – Что тут ни делай, а против закона песка не пойдешь..." Только он начал прилаживаться с фотоаппаратом, как песок из-под ног его шурша пополз вниз. В испуге он отдернул ногу, но песок еще какое-то время продолжал течь. Как неустойчиво это равновесие песка! Задышавшись от волнения, он вытер взмокшие ладони о штаны.

За его спиной кто-то кашлянул. Рядом, почти касаясь его плеча, стоял неизвестно откуда взявшийся старик, судя по всему, рыбак из деревни. Посмотрев на фотоаппарат, а потом на дно ямы, он сморщил в улыбке продублированное лицо. Что-то липкое скопилось в углах его налитых кровью глаз.

- Что, обследование?

Голос относил ветром, он звучал глухо, бесцветно, как будто из транзисторного приемника. Но выговор был ясный, понять нетрудно.

- Обследование? - Человек в замешательстве прикрыл ладонью объектив и стал поправлять сачок, чтобы старик заметил его. - Что вы хотите сказать? Я что-то не понимаю... Я, видите ли, коллекционирую насекомых. Моя специальность - насекомые, которые водятся вот в таких песках.

- Что? - старик как будто ничего не понял.

- Кол-лек-ци-о-ни-ру-ю на-се-ко-мых! - повторил он громким голосом. - На-се-ко-мых, понимаете, на-се-ко-мых! Я их ловлю!

- Насекомых? - Старик, явно не поверив, отвел глаза и сплюнул. Или, лучше сказать, на губе у него повисла слюна. Подхваченная ветром, она вытянулась в длинную нить. Собственно, что его так беспокоит?

- А в этом районе проходит какое-нибудь обследование?

- Да нет, если вы не из обследователей, делайте что хотите, мне все равно.

- Нет, нет я не из инспекции.

Старик, даже не кивнув, повернулся к нему спиной и медленно пошел по гребню дюны, загребая носками соломенных сандалий.

Метрах в пятидесяти, видимо ожидая старика, неподвижно сидели на корточках трое одинаково одетых мужчин. Когда они появились? У одного из них, кажется, был бинокль, который он все время вертел на коленях.

Старик подошел к ним, и все четверо начали о чем-то совещаться, яростно отгребая песок друг у друга под ногами. Казалось, они заспорили.

Он совсем уже было собирался продолжать поиски своей мухи, как, запыхавшись, прибежал старик.

-Постойте, вы правда не из префектуры?

- Из префектуры?.. Да нет, вы обознались.

"Ну хватит", - решил он и протянул навязчивому старику визитную карточку. Шевеля губами, тот долго читал ее.

- А, вы учитель...

-Видите я совсем не связан с префектурой.

- Угу, значит, вы учитель...

Наконец-то он, кажется, уразумел; сощурившись и держа карточку в вытянутой руке, старик вернулся к остальным. Визитная карточка как будто и их успокоила. Они поднялись и ушли.

Однако старик снова возвратился.

- Ну а теперь что вы собираетесь делать?

- Да вот искать насекомых буду.

Но ведь вы опоздали на последний автобус.

- А здесь я нигде не мог бы переночевать?

- Переночевать? В этой деревне? - В лице старика что-то дрогнуло.

- Ну, если здесь нельзя, пойду в соседнюю.

- Пойдете?..

- А я, в общем, никуда особенно не тороплюсь...

- Нет, нет, ну зачем же вам затрудняться... - Старик стал вдруг услужливым и продолжал словоохотливо: - Сами видите, деревня бедная, ни одного приличного дома нет, но, если вы не против, я помогу, амолвлю за вас словечко.

Не похоже, что он замышляет дурное. Они, наверное, чего-то опасаются, - может быть, ждут чиновника из префектуры, который должен приехать с проверкой. Теперь страхи их рассеялись, и они снова простые, приветливые рыбаки.

- Буду чрезвычайно признателен. Конечно, отблагодарю вас. Я вообще очень люблю останавливаться в таких вот крестьянских домах.

Солне село, ветер немного утих. Мужчина бродил по дюне до тех пор, пока были различимы узоры, прочерченные на песке ветром.

Улов, в общем, небогатый.

Сверчок и белоусая ухвертка из отряда прямокрылых.

Солдатики и еще одно насекомое - он точно не помнил названия, но тоже разновидность солдатиков.

Из жесткокрылых, которых искал, - только долгоносики.

И не попалось ни одного экземпляра из семейства мух, которые,

собственно, и были целью поездки. может быть, завтрашние трофеи принесут радость...

От усталости перед глазами у него плавали какие-то тусклые блики света. Вдруг он непроизвольно остановился и стал всматриваться в поверхность темной дюны. Тут уж ничего не поделаешь: все, что двигалось, казалось ему шпанской мушкой.

Старик, как и обещал, ждал его около правления артели.

- Прошу прощения...

- Да ну что вы. Только бы вам понравилось...

В правлении, по-видимому, о чем-то совещались. Четверо или пятеро мужчин сидели кружком, слышался смех. Над крыльцом висело большое полотнище с надписью: "Будь верен духу любви к родине". Старик буркнул что-то - смех сразу прекратился. Как бы нехотя он пошел вперед, мужчина - за ним. Покрытая ракушками дорога ярко белела в стужающихся сумерках.

Наконец подошли к одной из ям, расположенных у самого гребня дюны. Здесь деревня кончалась.

Они свернули вправо на узкую тропинку, ведущую от гребня вниз, через некоторое время старик нырнул в темноту, хлопнул в ладоши и громко крикнул:

- Эй, бабка, где ты?

Внизу, прямо под ногами, в крошечной тьме появился фонарь и послышалось:

- Здесь, здесь... Лестница возле мешков.

Действительно, эту кручу без лестницы не одолеешь. Три дома, как тот, внизу, можно, пожалуй, поставить один на другой; даже с лестницей нелегко туда добраться, склон почти отвесный, а ведь днем, он это ясно помнит, казался почти пологим. Лестница ненадежна, связана из разных веревок, и, если потеряешь равновесие, она запутается где-нибудь посередине. Все равно что жить в естественной крепости.

- Не беспокойтесь ни о чем, отдыхайте...

Старик не стал спускаться вниз, постоял немного и ушел.

Мужчина с ног до головы был обсыпан песком, и ему вдруг почудилось, что он вернулся в свое детство. женщину, которая встретила его с фонарем, называли бабкой, и он уже успел представить себе старуху, но она оказалась приятной, совсем еще молодой, лет тридцати, невысокого роста. Она, видимо, пудрилась - для женщины, живущей у моря, лицо ее было слишком белым. В общем он был благодарен ей за то, что она встретила его приветливо, с непритворной радостью.

Но если бы не радушный прием, он не смог бы заставить себя переступить порог этой лачуги. Он бы, наверное, сразу же сбежал, решив, что его дурачат. Стены облупились, вместо фусума висели циновки, опоры, поддерживавшие крышку, покосились, все окна забиты досками, соломенные маты, устилающие пол, готовы рассыпаться и, когда на них ступаешь, хлюпают, будто мокрая губка. И ко всему этому - отвратительный, какой-то прельный запах спекшегося песка.

Но ведь все зависит от настроения. Он был обезоружен приветливостью женщины. Ничего, говорил он себе, такое случается раз в жизни. А вдруг повезет, и какое-нибудь интересное насекомое удастся встретить... Во всяком случае, в такой среде насекомые живут и радуются.

Предчувствие не обмануло его. Не успел он сесть на предложенное ему место у очага, вырытого прямо в земляном полу, как послышался шорох, будто дождь пошел. Это было скопище блох. Но его этим не запугаешь. Энтомолог всегда подготовлен к подобным неожиданностям. Нужно только изнанку одежды засыпать ДДТ, а открытые части тела перед сном натереть мазью от насекомых.

- Я приготовлю поест, и поэтому пока... - женщина нагнулась и взяла лампу, - потерпите немножечко в темноте.

-А у вас что, всего одна лампа?

- Да, к сожалению...

Она улыбнулась виновато - на левой щеке появилась ямочка. У нее очень привлекательное лицо, подумал он. Только выражение глаз какое-то странное. Номожет быть, они у нее большие. Воспаленные веки не могла скрыть даже пудра. Не забыть бы перед сном закапать в глаза капли...

- Но до еды мне хотелось бы выкупаться.

- Выкупаться?

- А что, это невозможно?

- Очень жаль, но придется подождать до послезавтра.

- До послезавтра? Но ведь послезавтра меня уже здесь не будет, - засмеялся он непроизвольно громко.

- Разве?..

Женщина отвернулась, плечи ее задрожали. Расстроилась, наверное. Эти деревенские жители даже не пытаются притворяться. Чувствуя неловкость он смущенно пожевал губами.

- Ну, если негде выкупаться, достаточно будет просто облиться водой. А то я весь в песке...

- Воды, вы уж простите, осталось одно ведро... До колодца ведь очень далеко...

Какая-то она забитая. Ладно, ничего больше не буду говорить. Но вскоре он убедился, что купание здесь совершенно бессмысленно.

Женщина принесла вареную рыбу и суп из моллюсков. В общем, пища морского побережья, и это было неплохо. Как только он принялся за еду, она раскрыла над ним большой бумажный зонт.

- Зачем это?

(Наверное, какой-то местный обычай).

- Иначе песок попадет в еду.

- Почему? - Он посмотрел на потолок и, к своему удивлению, не обнаружил там ни одной щели.

- Песок, понимаете... - Женщина тоже взглянула на потолок. - Он летит отовсюду... Не метешь день, его собираются на три пальца.

- Может быть, крыша прохудилась?

- Да нет, когда она совсем новой была, песок все равно сюда попадал... И вправду нет ничего страшнее этого песка. Он похуже точильщика.

- Точильщика?

- Это такие жучки, которые точат дерево.

- Наверное, термиты?

- Нет, такие, знаете, тверденькие.

- А-а, тогда это жуки-дровосеки.

- Дровосеки?

- Красноватые, с длинными усами. Они?

- Нет, нет, эти как зернышки риса и цветом коричневые.

- Вот оно что! В таком случае это радужный жук.

- Если не следить, то он такую вон балку в два счета стноит.

- Кто, радужный жук?

- Нет, песок.

- Почему?

- Он проходит сквозь все. А когда ветер дует с плохой стороны, песок наматывает на чердак, и, если не убирать, его набьется там столько, что доски на потолке не выдержат.

- Да, не годится, чтобы песок скапливался на чердаке... Но не кажется ли вам немного странным говорить, что песок может стноить балку?

- Почему же? Стноит.

- Но ведь песок отличается как раз тем, что очень сухой.

- Все равно стноит... Говорю же вам, поставьте новенькие гэта и не сметайте песок - через полмесяца от них ничего не останется.

- Не понимаю почему.

- Дерево гниет, и вместе с ним гниет и песок... Попробуйте откопать потолочные доски дома, который асыпало песком, - там будет жирная земля, хоть огурцы выращивай.

- Чепуха! - презрительно поморщился мужчина. Ему показалось, что его представление о песке оскверняется ее невежеством. - Я ведь и сам кое-что о песке знаю... Видите ли, этот самый песок вот так и движется круглый год... В движении его жизнь.. Он нигде не задерживается - ни в воде, ни в воздухе, - он движется сам по себе... Вот почему не всякое живое существо может обитать в песке.. Это относится и к бактериям, вызывающим гниение... Песок, если хотите, олицетворение чистоты, он может скорее предотвратить гниение, и считать, что он может что-то стноить, просто нелепо... А вы еще говорите, что он сам гниет... Начать хотя бы с того, что песок вполне допорядочный минерал.

Женщина растерянно молчала. Мужчина под зонтом, который она все еще держала под ним, торопливо доел обед, не проронив больше ни звука. Зонт

покрылся таким слоем песка, что на нем можно было писать пальцем.

Просто невыносимая сырость. Нет, песок не сырой, само тело пропитано сыростью. Над крышей завывал ветер. Полез за сигаретами – и в кармане полно песка. Еще не закурив, мужчина ощутил во рту горечь табака.

Выну, пожалуй, насекомых из банки с цианистым калием. Пока они еще не засохли, наколю их на булавку и расправлю хоть лапки. Слышно, как женщина под навесом у дома моет посуду. Наверное, здесь больше никто не живет.

Женщина вернулась и молча стала расстилать постель в углу. Если здесь лягу я, где же тогда устроится на ночь она? Ну конечно, в той дальней комнате за циновкой. Других как будто нет. Но как странно – положить гостя в проходной комнате, где дверь на улицу, а самой спать в дальней. Но, может быть, там лежит тяжелобольной, который не может двигаться... Да, это, пожалуй, верное предположение. Во всяком случае, самым естественным было бы думать именно так. Вряд ли одинокая женщина будет ухаживать за первым встречным прохожим.

– Здесь кто-нибудь еще есть?

– Кто-нибудь?..

– Из семьи...

– Никого, я совсем одна. – Женщина, казалось, прочла его мысли и неожиданно смущенно засмеялась. – Из-за этого песка все отсырело, даже одеяло...

– А ваш муж где?

– В прошлогодний тайфун... – Она снова и снова разглаживала и взбивала уже приготовленную постель, в общем занималась совершенно ненужным делом. – А тайфуны у нас страшные... Песок обрушивается сюда с грохотом, как водопад. Не успеешь оглянуться, за вечер наметет дзэ, а то и два.

– Но ведь два дзэ – это шесть метров...

– В такое время сколько ни отгребай песок, все равно за ним не угнаться. Так вот, муж крикнул мне: "Курятник в опасности!" – и вместе с дочкой, она в среднюю школу уже ходила, выскочил из дому... А сама я выйти не могла – следила, чтобы хоть дом цел остался... Когда стало светать, ветер утих, – и я вышла. Курятника и след простыл. Их я тоже не нашла...

– Засыпало?

– Да, начисто.

– Это ужасно... Страшное дело. Песок – и такое... Это ужасно...

Лампа неожиданно начала гаснуть.

– Опять этот песок. – Женщина встала на четвереньки, протянула руку и, засмеявшись, схватила пальцами фитиль. Лампа сразу ярко загорелась. Оставаясь в том же положении, она пристально смотрела на огонь, на лице ее застыла заученная улыбка. Наверное, это она нарочно, чтобы показать свою ямочку на щеке. Мужчина невольно весь напрягся. Это было чересчур цинично, ведь только что она рассказывала о гибели своих близких.

– Эй, там, мы привезли лопату и бидоны еще для одного.

Голос, доносившийся издалека, был слышен отчетливо – вероятно, говорили в рупор – и рассеял возникшую между ними неловкость. Потом послышался грохот каких-то жестяных предметов, летящих вниз. Женщина поднялась.

Он почувствовал раздражение: за его спиной происходило что-то непонятное.

– В чем дело? Значит, здесь еще кто-то есть!

– Не нужно, прошу вас... – Женщина сжалась вся, как от щекотки.

– Но ведь только сейчас сказали: "Еще для одного".

– А-а-а. Это... Это они о вас.

– Обо мне?.. Какое отношение я имею к лопате?

– Ничего, ничего, не обращайтесь внимания... Вечно они суются не в свое дело.

– Наверное, они просто ошиблись?

Однако женщина не ответила и, повернувшись на коленях, спустила ноги на земляной пол.

– Вам еще нужна лампа?

– Пожалуй, обойдусь... А вам она не понадобится?

– Да нет, эта работа мне привычная.

Надев большую соломенную шляпу, в каких обычно работают на поле, женщина скользнула в темноту.

Мужчина закурил новую сигарету. Вокруг творится что-то необъяснимое. Встал и заглянул за циновку. Там действительно была комната, но вместо постели возвышалась горка песка, набившегося сквозь щели в стене. Он застыл, пораженный... И этот дом тоже почти мертв... Его внутренности уже наполовину проникающий всюду своими щупальцами, вечно текущий песок... песок, не имеющий собственной формы, кроме среднего диаметра в одну восьмую миллиметра... Но ничто не может противостоять этой сокрушающей силе, лишенной формы... А может быть, как раз отсутствие формы и есть высшее проявление силы...

Однако мужчина быстро вернулся к действительности. Постой, если эту комнату использовать нельзя, где же тогда будет спать женщина? Вот она ходит взад-вперед за дощатой стеной. Стрелки его ручных часов показывали две минуты девятого. Что ей там нужно в такое время?

Мужчина спустился на земляной пол в поисках воды. Ее в баке осталось на доньшке, и плавает ржавчина. Но все равно это лучше, чем песок во рту. Он плеснул воду на лицо, протер шею и сразу приободрился.

По земляному полу тянул холодный ветер. На улице его, наверное, легче переносить. С трудом мужчина открыл засыпанную песком дверь и выбрался из дома. Ветер, дувший со стороны дороги, и правда стал значительно свежее. Он донес тарахтение пикапа. Если прислушаться, можно различить голоса людей. Может быть, это только кажется, но там сейчас оживленнее, чем днем. Или это шум моря? Небо было усыпано звездами.

Увидев свет лампы, женщина обернулась. Ловко орудуя лопатой, она насыпала песок в большие бидоны из-под керосина. За ней, нависая, возвышалась темная стена песка. Это примерно то место, над которым он днем ловил насекомых. Наполнив бидоны, женщина подняла сразу оба и понесла их к стене. Проходя мимо него, подняла глаза и сказала сипло: "Песок..." Она опорожила бидоны около того места, где висела веревочная лестница, а наверху была тропинка, которая вела к этой яме. Ребром ладони стерла пот с лица. Песок, который она уже перенесла сюда, возвышался внушительной горой.

- Отгребаете песок?

- Сколько ни отгребай, конца все равно нет.

Проходя мимо него с пустыми бидонами, женщина слегка толкнула его в бок свободной рукой, как будто пощекотала. От неожиданности он отскочил в сторону, чуть не уронив лампу. Может быть, поставить ампу на землю и ответить женщине тем же? Он заколебался, не зная, как себя вести. В конце концов мужчина решил, что то положение, в котором он находится, самое выгодное. Изобразив на лице подобие улыбки, значения которой и сам не понимал, он неловкой походкой стал приближаться к женщине, снова взяв лопату. Когда подошел, его тень захватила всю песчаную стену.

- Не нужно, - сказала она не оборачиваясь, тяжело дыша. - До того как спустят корзины для песка, надо еще шесть бидонов перетаскать.

Мужчина нахмурился. Было неприятно, что с него как будто специально сбили, в общем-то наигранное, бодрое настроение. Но независимо от его воли что-то хлынуло в вены. Казалось, песок, прилипший к коже, проник в вены и изнутри погасил его возбуждение.

- Может, я вам немного помогу?

- Ничего... Не годится заставлять вас работать в первый день, даже немного.

- В первый день?.. Опять о том же... Я пробуду здесь только одну ночь!

- Да?

-Ну конечно, я ведь работаю... Давайте, давайте лопату!

- Ваша лопата вон там, но, может, не нужно...

Действительно, под навесом недалеко от входа отдельно стояла лопата и два бидона из-под керосина с перевязанными ручками. Это наверняка их недавно сбросили сверху, когда кричали: "Еще для одного". Все было заранее приготовлено, и у него даже создалось впечатление, что они предугадали его намерения. Но ведь тогда он еще и сам не знал, что захочет помочь женщине.

Все же он почувствовал себя униженным, и у него испортилось настроение. Ручка у лопаты была толстая, сучковатая, темная от долгого употребления - никакого желания за нее браться.

- Ой, корзины уже у соседей! - воскликнула женщина, будто и не заметив его колебаний. Голос был радостный и доверчивый, совсем не такой, как раньше. В это время оживленные голоса людей, уже давно доносившиеся

издалека, слышались совсем близко. Подряд повторялись ритмичные выкрики, иногда прерываемые громким шепотом вперемежку со сдавленным смехом. Ритм труда неожиданно приободрил его. В этом безыскусном мирке, наверное, не видят ничего особенного в том, что гость, остановившийся всего лишь переночевать, берет в руки лопату. Скорее даже его колебания показались бы здесь странными. Чтобы лампа не упала, он каблуком сделал для нее углубление в песке.

- Копать, пожалуй, можно где угодно, лишь бы копать, верно?

- Да нет, не где угодно...

- Ну, вот здесь?

- Здесь можно, только старайтесь не подкапывать стену.

- По всей деревне отгребают песок в это время?

- Ну да. Ночью песок влажный, и работать легче... А когда песок сухой... - она посмотрела вверх: - Никогда не знаешь, в каком месте и в какую минуту он обвалится.

Действительно, над краем обрыва, подобно снежному наносу, выдавался набухший песчаный козырек.

- - Но ведь это же опасно!

- Э-э, ничего, - насмешливо и чуть-чуть кокетливо бросила она. - Смотрите, туман начинает подниматься.

- Туман?..

Пока они разговаривали, звезды на небе поредели и стали постепенно расплываться. Какая-то мутная пелена клубилась там, где была граница между небом и песчаной стеной.

- Это потому, что песок берет в себя очень много тумана... А когда соленый песок набирается тумана, он становится тугим, как крахмал...

- Ну и ну...

- Верно, верно. Так же как морской берег, с которого только сошла волна, - по нему спокойно хоть танк предет.

- Вот это да!..

- Я правду говорю... Вот потому-то за ночь тот карниз и нарастает... А в дни, когда ветер дует с плохой стороны, правда, он свисает вот так, как шляпка гриба... Днем песок высыхает, и весь этот навес сваливается вниз. И если он упадет неудачно - ну, там, где столбы, подпирающие крышу, тонкие или еще что, - тогда конец.

Интересы этой женщины крайне ограничены. Но как только она касается близких ей понятий и вещей, то оживает до неузнаваемости. Здесь, наверное, и лежит путь к ее сердцу. И хотя путь этот не особенно его привлекал, была в интонациях женщины какая-то напряженность, пробуждавшая в нем желание ощутить ее тело, упрятанное в грубую рабочую одежду.

Мужчина изо всех сил стал раз за разом втыкать зазубренную лопату в песок.

Когда он оттащил бидоны из-под керосина второй раз, слышались голоса и вверху на дороге закачался фонарь.

Тонем, который мог показаться даже резким, женщина сказала:

- Корзины! Здесь хватит, помогите мне там!

Мужчина только сейчас понял назначение засыпанных песком мешков около лестницы наверху. По ним ходила веревка, когда поднимали и спускали корзины. С каждой корзиной управлялись четыре человека, и таких групп было, по-видимому, две или три. В основном это была, как ему показалось, молодежь, работавшая быстро и споро. Пока корзина одной группы наполнялась, другая корзина уже ждала своей очереди. В шесть заходов куча песка в яме исчезла без следа.

- Ну что за ребята, огонь!

Рукавом рубахи он вытирал пот, тон его был полон добродушия. Мужчина проникся симпатией к этим парням, которые, казалось, целиком отделились своей работе и не проронили ни одного насмешливого слова о его помощи.

- Да, у нас строго придерживаются заповеди: "Будь верен духу любви к родине".

- А что это за дух?

- Дух любви к тому месту, где ты живешь.

- Это очень хорошо.

Мужчина засмеялся. Вслед за ним засмеялась и женщина. Но она,

по-видимому, и сама не знала толком, чему смеется.

Наверху послышалось тарахтение отъезжающего пикапа.

- Ну что, перекурим?..

- Нельзя, когда они объедут всех, сразу же вернутся со своими корзинами...

Ничего, остальное можно и завтра... Он махнул рукой, встал и направился к дому, но женщина и не подумала идти вслед за ним.

- Так не годится. Надо хоть разок пройтись с лопатой вокруг всего дома.

- Вокруг дома?

- Ну да. Разве можно позволить, чтобы дом рушился?.. Ведь песок сыплется со всех сторон...

- Но так мы провозимся до самого утра!

Женщина, как будто бросая вызов, резко повернулась и побежала. Собирается, наверное, вернуться к обрыву и продолжить работу. Ну точно шпанская мушка, подумал он. Все понятно, теперь его этим не возьмешь.

- Ужас! И так каждую ночь?

- Песок не отдыхает и не дает отдыха... И корзины и пикап всю ночь в работе.

- Да, видимо, так...

Да, это безусловно так. Песок никогда не отдыхает, никогда не дает отдохнуть. Мужчина растерялся. У него было такое чувство, будто он вдруг обнаружил, что змея, которой он наступил на хвост, легкомысленно считая ее маленькой и безобидной, оказалась неожиданно огромной и ее ядовитая голова угрожает ему сзади.

- Что же получается? Вы живете только для того, чтобы отгрести песок?!

- Но нельзя же взять и сбежать ночью.

Мужчина был потрясен. Он не испытывал никакого желания быть втянутым в такую жизнь.

- Нет, можно!.. Разве это так уж и трудно?.. Вы сможете все, если только захотите!

- Нет, так нельзя... - Женщина, дыша в такт ударам лопаты, продолжала безразличным тоном: - Деревня еще как-то может жить только потому, что без усталости отгребает песок. А если мы перестанем копать, ее занесет песком меньше чем за десять дней - и ничего от деревни не останется... Ну и потом... Ой, кажется, очередь уже до соседей дошла...

- Весьма вам признателен за интересный рассказ... По этой же причине и носчики корзин работают так усердно?

- Да, но они, правда, по-прежнему получают что-то от сельской управы...

- Если у деревни есть такие деньги, почему же не ведутся посадки лесных полос для защиты от песка?

- Если посчитать, то выйдет, наверное, что наш способ намного дешевле...

- Способ?.. Разве это способ?! - Мужчина вдруг разозлился. Разозлился на тех, кто привязал женщину к этому месту, и на женщину, позволившую привязать себя. - Если так, то зачем цепляться за эту деревню? Ну не понимаю я причины... Песок не такая уж пустячная штука! Большой ошибкой было бы думать, что ваши старания могут противостоять песку. Нелепость!.. С этим вздором нужно покончить... покончить раз и навсегда. Я даже не могу сочувствовать вам!

Отбросил лопату к валявшимся поодаль бидонам и, не взглянув на женщину, вернулся в дом.

Не спалось. Мужчина прислушался к тому, что делает женщина. Ему было немного стыдно: ведь такое его поведение в конечном счете - это ревность к тому, что ее здесь удерживает, это понуждение бросить работу и украдкой прийти к нему в постель. Действительно, то, что он остро ощущал, было не просто возмущением глупостью женщины. Все было гораздо глубже. Одеяла становились влажными, песок сильнее лип к телу. Как это несправедливо, как это возмутительно! И поэтому нечего винить себя за то, что бросил лопату и вернулся в дом. Такую ответственность он на себя не возьмет. У него и без этого обязательств более чем достаточно. И то, что его увлек песок и насекомые, в конце концов было лишь попыткой, пусть хоть на время, убежать от нудных обязанностей бесцветного существования...

Никак не заснуть.

Женщина без отдыха ходит взад и вперед. Несколько раз звук спускавшихся

корзин приближался. Потом снова удалялся. Если так будет продолжаться, завтра он не сможет работать. Ведь нужно встать, как только рассветет, и провести день с пользой. Чем больше он старается заснуть, тем бодрее становится. Появилась резь в глазах – они слезились, моргали, но не могли справиться с непрерывно сыпавшимся песком. Он расправил полотенце и накрыл им лицо. Стало трудно дышать. Но так все же лучше.

Подумаю о чем-нибудь другом. Закрываешь глаза – и начинают, колеблясь, плавать какие-то длинные нити. Это песчаные узоры, бегущие по дюне. Полдня неотрывно смотрел на них. И, наверное, они отпечатались на сетчатке. Такие же потоки песка погребали, поглощали процветающие города и великие империи. А города, воспетые Омаром Хайямом... В них были портняжные мастерские, были лавки мясников, базары. Их опутывали, густо переплетаясь, дороги, которые, казалось, ничто не затронет.

Сколько лет нужно было бороться с властями, чтобы изменить направление хотя бы одной их них... Древние города, в незыблемости которых не сомневался ни один человек... Но в конце концов и они не смогли противостоять закону движущегося песка диаметром в одну восьмую миллиметра.

Песок...

Если смотреть сквозь призму песка, все предметы, имеющие форму, нереальны. Реально лишь движение песка, отрицающего всякую форму. Но там, за тонкой стеной в одну доску, женщина продолжает копать. Ну что она может сделать такими тонкими, хрупкими руками? Все равно что пытаться вычерпать море, чтобы на его месте построить дом. Спуская корабль на воду, нужно знать, что представляет собой вода.

Эта мысль неожиданно освободила его от чувства подавленности, вызванного шуршанием песка, который копала женщина. Если корабль пригоден для воды, он должен быть пригоден и для песка. Если освободиться от сковывающей идеи неподвижного дома, то отпадет необходимость бороться с песком... Свободный корабль, плывущий по песку... Плывущие дома... Лишенные формы деревни и города...

Песок, естественно, не жидкость. Поэтому на его поверхности ничто не удержится. Если, к примеру, положить на него пробку, имеющую меньший удельный вес, чем песок, то через некоторое время она утонет. Чтобы плыть по песку, корабль должен обладать совершенно иными, особыми качествами. К примеру, дом, имеющий форму бочки, который может двигаться перекачиваясь... Если он будет хотя бы немного вращаться, то сможет стряхивать наваливающийся на него песок и вновь подниматься на поверхность... Конечно, при непрерывном вращении всего дома живущие в нем люди не могут чувствовать себя устойчиво... Нужно будет, наверное, проявить изобретательность – ну хотя бы одну бочку вложить в другую... сделать так, чтобы центр тяжести внутренней бочки оставался неизменным и пол всегда был внизу... Внутренняя бочка всегда остается неподвижной, и только внешняя – вращается... Дом, который будет раскачиваться, как маятник огромных часов... Дом-люлька... Корабль песков...

Деревни и города в непрерывном движении, состоящие из скоплений этих кораблей...

Незаметно для себя он задремал.

Мужчину разбудило пение петуха, похожее на скрип заржавевших качелей. Беспокойное, неприятное пробуждение. Казалось, только что рассвело, но стрелки часов показывали одиннадцать часов шестнадцать минут. Действительно, солнце светит, как в полдень. А сумеречно здесь потому, что это дно ямы и солнечные лучи еще не проникли сюда.

Он поспешно вскочил. С лица, с головы, с груди шурша посыпался песок. Вокруг губ и носа налип затвердевший от пота песок. Отирая его тыльной стороной руки, мужчина растерянно мигал. Из воспаленных глаз безостановочно текли слезы, как будто по векам провели чем-то шершавым. Но одних слез было недостаточно, чтобы смыть песок, забившийся во влажные уголки глаз.

Он пошел к баку, стоявшему на земляном полу, чтобы зачерпнуть хоть немного воды, и вдруг заметил женщину, посапывающую около очага. Забыв о рези в глазах, он затаил дыхание.

Женщина была совершенно обнаженной.

Сквозь застилавшую глаза пелену слез она показалась ему неясной, расплывчатой тенью. Она лежала на циновке без всякой подстилки, навзничь,

все ее тело, кроме головы, было как будто выставлено напоказ, левая рука чуть прикрывала низ упругого живота. Укромные уголки тела, которые люди обычно прячут, – на виду, и только лицо, которое никто не стесняется держать открытым, обернуто полотенцем. Это, конечно, чтобы предохранить от песка глаза, рот, нос, но все же подобный контраст еще резче подчеркивал ее наготу.

Все тело покрыто тонким налетом песка. Песок скрыл детали и подчеркнул женственность линий. Она казалась скульптурой, позолоченной песком. Неожиданно из-под языка у него побежала липкая слюна. Но он не мог проглотить ее. Песок, забившийся в рот между губами и зубами, впитал в себя слюну и расплылся по всему рту. Он нагнулся к земляному полу и стал выплевывать слюну, смешанную с песком. Но сколько ни сплевывал, ощущение шершавости во рту не исчезало. Как он ни вычищал рот, песок там все равно оставался. Казалось, между зубами непрерывно образуется все новый и новый песок.

К счастью, бак был снова наполнен до краев водой. Ополоснув рот и вымыв лицо, мужчина почувствовал, что возвращается к жизни. Никогда еще он не испытывал так остро чудодейственность воды. Так же как и песок, вода – минерал, но это настолько чистое, прозрачное неорганическое вещество, что оно соединяется с телом гораздо легче, чем любой живой организм... Давая воде медленно вливаться в горло, он представил себе ощущение животного, питающегося камнями...

Мужчина снова повернулся и посмотрел на женщину. Но приблизиться к ней ему не захотелось. На женщину, припорошенную песком, приятно смотреть, но касаться ее едва ли приятно.

Возбуждение и злость, испытанные им ночью, сейчас, при свете дня, казались ему неправдоподобными. Ему будет что порассказать. Как будто для того чтобы закрепить в памяти все увиденное, он еще раз посмотрел вокруг и стал быстро собираться. Рубаху и брюки не поднять – столько в них набилось песка. Из-за такого пустяка нечего волноваться. Но вытряхнуть песок из одежды оказалось труднее, чем вычесать перхоть из головы.

Ботинки тоже были засыпаны песком. Прежде чем уйти, нужно, наверное, сказать что-нибудь женщине? Но если разбудить спящую, ей будет стыдно. Да, но как же быть с платой за ночлег?.. А может быть, лучше на обратном пути зайти в правление артели и передать деньги старику, который вчера привел его сюда?

Потихоньку, стараясь не шуметь, он вышел из дома. Солнце, как кипящая ртуть, коснулось края песчаной стены и постепенно разлилось по дну ямы. От неожиданно ударившего в лицо ослепительного света он вздрогнул и прикрыл глаза. Но в следующее же мгновение забыл обо всем, растерянно глядя на высившуюся перед ним стену песка.

Невероятно! Висевшая здесь ночью веревочная лестница исчезла.

Мешки, которые он приметил, наполовину засыпанные песком, виднелись на старом месте. Значит, он ничего не путает. Может ли быть, чтобы в песок ушла одна только лестница?.. Он ринулся к стене и стал разгребать ее руками. Песок, не сопротивляясь, рушился и сыпался вниз. Но ведь он ищет не иголку, и если ничего не нашел сразу, то сколько ни рой – результат будет тот же... Стараясь заглушить растущее беспокойство, мужчина, недоумевая, стал снова осматривать песчаный обрыв.

Нет ли такого места, где можно взобраться? Несколько раз он обошел вокруг дома. Если влезть на крышу у северной стены, обращенной к морю, то здесь, пожалуй, ближе всего до верха, но все равно это метров десять, а то и больше, и к тому же стена эта самая обрывистая. Да еще свисает тяжелый козырек песка, на вид очень опасный.

Сравнительно более пологой кажется западная стена, напоминающая слегка вотнутую внутренность конуса. По самым оптимистическим предположениям, угол здесь пятьдесят или сорок градусов. Для пробы надо осторожно сделать первый шаг. Поднялся на один шаг – съехал на полшага. Но все же, если постараться, влезть можно.

Первые пять-шесть шагов все шло как он и предполагал. Потом ноги начали тонуть в песке. Не успев еще толком понять, продвинулся ли он вперед, мужчина по колени ушел в песок, и уже не было сил идти дальше. Он сделал попытку одолеть склон, карабкаясь на четвереньках. Горячий песок обжигал ладони. Все тело покрылось потом, на пот налип песок, залепило глаза. А

потом судорогой свело ноги, и он уже совсем не мог двигаться.

Мужчина остановился, чтобы отдохнуть и перевести дыхание. Думая, что значительно продвинулся вперед, он приоткрыл глаза и, к своему ужасу, обнаружил, что не поднялся и на пять метров. Чего же ради он бился все это время? Да и склон в два раза круче, чем казался снизу. А тот, что над ним, еще страшнее. Нужно было карабкаться вверх, но вместо этого все силы, как видно, ушли на то, чтобы вгрызться в стену. Песчаный выступ, нависавший прямо впереди, преградил ему путь.

Мужчина дотронулся до пересохшего выступа над головой, и в тот же миг песчаная почва ушла у него из-под ног. Неведомая сила выбросила его из песка, и он упал на дно ямы. В левом плече хрустнуло, как будто сломалась палочка для еды. Он ощутил слабую боль, и словно чтобы унять эту боль, мелкий песок еще некоторое время бежал шурша по склону. Потом остановился. К счастью, повреждение плеча оказалось совсем пустяковым.

Падать духом еще рано.

С трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, он медленно вернулся в дом. Женщина спала в прежнем положении. Сначала тихо, потом громче и громче он стал звать ее. Вместо ответа она, как будто проявляя неудовольствие, перевернулась на живот.

С ее тела ссыпался песок, слегка обнажив местами плечи, руки, бока, поясницу. Но ему было не до этого. Подойдя, он сорвал у нее с головы полотенце. Ее лицо, все в каких-то пятнах, было неприятным, грубым, не то что припорошенное песком тело.

Странная белизна этого лица, поразившая его вчера, при свете лампы, несомненно, была достигнута при помощи пудры. Сейчас пудра кое-где стерлась и лежала кусками. На память пришли дешевые, приготовленные без яиц котлеты, на которых белыми пятнами проступает пшеничная мука.

Наконец женщина приоткрыла глаза, шурясь от яркого света. Схватив ее за плечи и тряся изо всех сил, мужчина заговорил быстро, умоляюще:

- Послушайте, лестницы нет! Как можно подняться наверх? Ведь отсюда выбраться без лестницы невозможно!

Женщина схватила полотенце и неожиданно резко несколько раз шлепнула себя по лицу, потом повернулась к нему спиной и упала ничком на циновку. Может быть, она застеснялась? могла оставить это для другого раза. Мужчина завопил, точно его прорвало:

- Это не шутка! Если сейчас же не отдашь лестницу, плохо будет! Я тороплюсь! Куда ты ее девала, черт тебя возьми? Шути, да знай меру! Отдавай немедленно!

Но женщина не отвечала. Она лежала в той же позе и лишь слегка покачивала головой из стороны в сторону.

И вдруг мужчина как-то сник. Взгляд его потух, спазма перехватила горло, и он почти задохнулся. Он вдруг понял всю бессмысленность этого вопроса. Лестница-то веревочная... Веревочная лестница не может сама стоять... Даже если она у тебя в руках, снизу ее не приладишь. Значит, убрала ее не женщина, а кто-то другой, кто был наверху, на дороге... Обсыпанное песком небритое лицо исказилось в жалкой гримасе.

Поведение женщины, ее молчание приобрели неправдоподобно зловещий смысл. Обойдется, думал он, но в глубине души понимал, что самые худшие его опасения сбылись. Лестницу унесли скорее всего с ее ведома и, уж конечно, с полного ее согласия. Без всякого сомнения, она - сообщница. И эта ее поза продиктована не стыдом, а двусмысленностью ее положения. Это, несомненно, поза преступницы, а может быть, и жертвы, готовой принять любое наказание. Ловко они все провернули. Попался в эту проклятую ловушку. Доверчиво поддался заманиванию шпанской мушки, и она завлекла в пустыню, откуда нет выхода, - ну точно погибающая от голода мышь...

Он вскочил, кинулся к двери и еще раз выглянул наружу. Поднялся ветер. Солнце было почти над центром ямы. От прокаленного песка плыли вверх волны горячего воздуха, переливаясь, как мокрые негативные пленки. Песчаная стена вырастала все выше и выше. Она-то знала все и словно говорила его мускулам и костям о бессмысленности сопротивления. Горячий воздух вонзался в тело. Жара становилась все более нестерпимой.

И вдруг мужчина закричал как безумный. Он выкрикивал какие-то бессмысленные слова - не было слов, которыми он мог бы выразить свое отчаяние. Он просто вопил изо всей мочи. Ему казалось, что этот страшный

сон, испугавшись крика, отлетит и, извиняясь за свою ненамеренную грубую шутку, выбросит его из песчаной ямы. Но голос, не привыкший к крику, был тонким и слабым. Ко всему еще он поглощался песком, рассеивался ветром и вряд ли разносился далеко.

Вдруг раздался ужасающий грохот, и мужчина умолк. Как и предсказывала вчера женщина, песчаный карниз, нависавший с северной стены, пересох и рухнул. Весь дом жалобно застонал, будто его скрутила какая-то неведомая сила, и, точно подчеркивая его страдания, из щелей между потолком и стеной начала шурша сочиться серая кровь. Слюна заполнила рот, мужчина дрожал, как будто удар пришелся по нему самому...

Но все-таки это немыслимо. Какое-то выходящее за всякие рамки происшествие. Можно ли загнать в ловушку, как мышь или насекомое, человека, внесенного в посемейный список, имеющего работу, платящего налоги и пользующегося правом на бесплатное медицинское обслуживание? Невероятно. Наверное, это какая-то ошибка. Да, конечно, это ошибка. Только и оставалось, что считать: это ошибка.

Прежде всего, делать то, что они со мной сделали, - глупо. Я ведь не лошадь и не бык, и против воли меня никто не заставит работать. А коль скоро я не гожусь как рабочая сила, то нет никакого смысла держать меня запертым в этих песчаных стенах. Зачем сажать женщине на шею иждивенца?

Но уверенности почему-то не было... Посмотрев на песчаную стену, окружавшую его со всех сторон, он вспомнил, хоть это и было очень неприятно, неудачную попытку взобраться на нее... Сколько ни мечись у стены - толку никакого. Чувство бессилия парализовало его... Видимо, это какой-то разъедаемый песком особый мир, к которому обычные критерии неприменимы... Если сомневаться, то поводов для сомнений сколько угодно... Например, если верно, что те бидоны и лопата были приготовлены специально для него, верно и то, что веревочную лестницу унесли нарочно. Дальше, разве не говорит об опасности его положения тот факт, что женщина не вымолвила ни слова, чтобы объяснить происшедшее, что она с обреченной покорностью легко и молчаливо довольствуется своей судьбой? Может быть, и ее вчерашние слова, из которых можно было понять, что он застрял здесь надолго, не были простой оговоркой?

Сорвалась еще одна небольшая песчаная лавина.

Испугавшись, мужчина вернулся в дом. Он подошел прямо к женщине, по-прежнему лежавшей ничком на циновке, и со злобой замахнулся на нее. Переполнявшая его ненависть разлилась в глазах, отдалась болью во всем теле. Но вдруг, обессилев, не коснувшись женщины, он тяжело опустил занесенную руку. пожалуй, он бы не прочь отшлепать ее. Но, может быть, на такое его действие и рассчитывает женщина? Конечно, она этого ждет. Ведь наказание не что иное, как признание того, что преступление искуплено.

Он повернулся спиной к женщине, повалился на пол, обхватил голову руками и тихо застонал. Хотел проглотить наполнившую рот слюну, но не смог - она застряла в горле. Слизистая оболочка стала, наверное, очень чувствительной к вкусу и запаху песка, и, сколько бы он здесь ни пробыл, не сможет привыкнуть к нему. Слюна превратилась в бурые пенящиеся сгустки, собиравшиеся в уголках рта. Выплюнув слюну, он еще сильнее почувствовал шершавость песка, оставшегося во рту. Он пытался освободиться от него, облизывая кончиком языка внутреннюю сторону губ и продолжая сплевывать, но конца этому не было. Только во рту стало сухо и больно, как будто все там воспалилось.

Ладно, ничего не поделаешь. Обязательно надо поговорить с женщиной и заставить ее рассказать обо всем подробно. Только если положение станет совершенно ясным, он сможет найти выход. Нельзя не иметь плана действий. Ну как вынести такое дурацкое положение?.. А что, если женщина не ответит? Это был бы поистине самый страшный ответ. И такая возможность совсем не исключена. Это ее упрямое молчание... и почему она лежит, подогнув колени, с видом беззащитной жертвы?..

Поза лежавшей ничком обнаженной женщины была чересчур непристойна, в ней было что-то животное. Казалось, она готова повернуться на спину, стоит ему коснуться ее. При одной мысли об этом он задохнулся от стыда. Но неожиданно он увидел себя палачом, терзающим женщину, увидел себя на ее теле, кое-где припорошенном песком. И понял... Рано или поздно это случится! И тогда он не вправе будет что-либо сказать...

Резкая боль сковала вдруг низ живота. Готовый лопнуть мочевого пузырь

взывал об освобождении.

Помочившись, мужчина с чувством облегчения продолжал стоять, вдыхая тяжелые испарения... Он не рассчитывал, что, пока он стоит, может появиться какая-то надежда. Просто никак не мог заставить себя вернуться в дом. Вдали от женщины он еще отчетливее понял, как опасно быть рядом с ней. Нет, дело было, наверное, не в самой женщине, а в том, как она лежала, в этой позе. Ни разу не приходилось видеть такой бесстыжей женщины. Нет, он ни за что не вернется в дом. Поза женщины слишком опасна.

Существует выражение: уподобиться мертвому. Это состояние паралича, в которое впадают некоторые виды насекомых и пауков, когда на них неожиданно нападут... Изорванный портрет. Аэродром, где диспетчерская захвачена сумасшедшими... Хотелось верить, что неподвижность, в которой он пребывал, сможет приостановить все движение в мире – ведь не существует же зимы для погруженных в зимнюю спячку лягушек.

Пока он мечтал, солнце начало печь еще нестерпимее. Мужчина скрючился в три погибели, будто для того, чтобы уйти от обжигающих лучей. Потом быстро наклонил голову и, ухватившись за ворот рубахи, с силой рванул его. Отлетели три верхние пуговицы. Стряхивая песок, забившийся под ворот рубахи, он снова вспомнил слова женщины, что песок никогда не бывает сухим, что он всегда достаточно влажен, чтобы постепенно сгноить все вокруг. Стянув рубаху, мужчина ослабил пояс, чтобы штаны хоть немного продуло ветром. Но в общем вряд ли было необходимо проявлять столько беспокойства. Недомогание как внезапно наступило, так же быстро и исчезло. Видимо, сырой песок теряет свою дьявольскую силу, как только соприкасается с воздухом.

Тут ему пришло на ум, что он совершил серьезную ошибку, чересчур односторонне объяснив наготу женщины. Нельзя, конечно, сказать, что у нее не было тайного стремления поймать его в ловушку. Но не исключено, что это была просто привычка, продиктованная местными условиями. Ясно, что женщина ложится спать только на рассвете. Во сне человек легко потеет. Если же приходится спать днем, да еще в раскаленной песчаной чаше, то совершенно естественно желание обнажиться. На ее месте он бы тоже разделся, если бы была такая возможность.

Это открытие как-то сразу освободило его от тяжелого чувства, подобно тому как порыв ветра освобождает потное тело от песка. Нет смысла усугублять свои страхи. Настоящий мужчина сумеет убежать, разрушив сколько угодно стен из стали и железобетона. Нельзя впадать в отчаяние от одного вида замка, не выяснив точно, есть к нему ключ или нет... Не спеша, увязая в песке, он направился к дому. На этот раз придется говорить спокойно и выведать у нее все, что необходимо... Она была права, что не вымолвила ни слова, когда он набросился на нее с криком... А может быть, она молчала потому, что ей просто стало стыдно: она не позаботилась о том, чтобы он не увидел ее обнаженной?

После ослепительного блеска раскаленного песка комната показалась сумрачной и серой. Спертый горячий воздух пах плесенью – не то что снаружи. Вдруг ему показалось, что у него начинаются галлюцинация.

Женщины нигде не было. На миг он остолбенел. Хватит загадывать загадки! Но, в общем-то, никакой загадки и нет. Женщина, конечно, здесь. Опустив голову, она молча стояла спиной к нему перед баком с водой около умывальника.

Она уже оделась. От подобранных в тон бледно-зеленого с яркими узорами кимоно и шаровар, казалось, исходил освежающий аромат мятного бальзама. Да, тут ничего не скажешь. Опять он слишком много думает о женщине. Но в этих совершенно невероятных условиях, да еще при том, что он не выспался как следует, у него не могло не разыграться воображение.

Одной рукой женщина оперлась о край бака и, глядя внутрь, медленно чертила пальцем круги на воде. Мужчина, энергично размахивая потяжелевшей от песка и пота рубахой, плотно намотал ее на руку.

Женщина оглянулась, насторожилась. Ее лицо так непосредственно выражало немой вопрос, мольбу, что казалось: всю свою жизнь она прожила именно с таким выражением. Мужчина хотел по возможности держаться так, будто ничего не произошло.

– Жара, правда?.. В такую жару просто не хочется рубаху надевать.

Но женщина все еще смотрела на него недоверчиво, вопросительно,

исподлобья. Наконец с робким, деланным смешком она сказала прерывающимся голосом:

- Да... правда... Когда вспотеешь одетая, вся покрываешься песчаной сыпью...

- Песчаной сыпью?

- Угу... Кожа краснеет... становится как после ожога и слезает.

-Хм, слезает? Я думаю, она просто прееет от влажности.

- Может, и поэтому... - Похоже было, что женщина немного осмелела, стала словоохотливее. - Как только мы начинаем потеть, стараемся снять с себя все, что только можно... Да ведь видите, как мы живем, - нечего бояться, что попадешься кому-нибудь на глаза...

- Ну конечно... Знаете, мне неудобно, право, но все же я хотел попросить вас выстирать мне эту рубашу.

- Хорошо, завтра как раз привезут воду.

- Завтра?.. Завтра, пожалуй, поздновато... - Мужчина хмыкнул. Ловким маневром ему удалось перевести разговор в нужное русло: - Кстати, когда же наконец меня поднимут наверх? Мне все это крайне неудобно... Для такого обыкновенного служащего, как я, нарушение установленного распорядка даже на полдня может повлечь за собой весьма серьезные последствия. Я не хочу терять ни минуты... Жесткокрылые - это насекомые, которые летают над самой землей... Их очень много в песчаной местности, вы знаете, какие они?.. Я хотел как раз во время отпуска постараться найти хоть какой-нибудь новый вид этого насекомого...

Женщина слегка шевелила губами, но ничего не говорила. Похоже было, что она повторяла про себя незнакомое слово "жесткокрылые". Но мужчина безошибочно почувствовал, что она снова замкнулась. И как будто невзначай он сменил тему.

- Неужели у вас нет никаких средств, чтобы поддерживать связь с другими жителями деревни?.. Что, если, например, бить в бидоны?

Женщина не отвечала. Со скоростью камня, брошенного в воду, она снова погрузилась в свое спасительное молчание.

- В чем дело, а?.. Почему молчите? - Он едва не вышел из себя и с трудом поборол желание заорать. - Не понимаю, в чем дело... Если произошла ошибка, будем считать это ошибкой - и все... Что было, то было, и затевать скандал я не собираюсь. Поэтому молчать - худшее, что вы можете сделать... Хорошо. Есть вот такие же точно школьники, но я им всегда говорю: сколько бы вы ни приотворялись, что берете вину на себя, в действительности это самое малодушное поведение... Если вы можете оправдать свой поступок, то в чем же дело, говорите сразу!

- Но... - Женщина отвела глаза, однако голос ее прозвучал неожиданно твердо. - Вы, наверное, и сами уже поняли?

- Понял? - Он даже не пытался скрыть потрясение.

- Да, я думала, вы уже поняли...

- Ничего я не понял! - Мужчина все-таки закричал: - Как я могу понять?! Разве можно понять, когда ничего не говорят?!

- Но ведь и вправду женщине одной не под силу при такой вот жизни...

- Но какое отношение все это имеет ко мне?

- Да, наверное, я виновата перед вами...

- Что значит "виновата"?.. - От волнения у него заплетался язык. - Выходит, был целый заговор?.. В западню положили приманку... Думали, я вскочу в нее, как собака или кошка, стоит только посадить туда женщину...

- Правильно, но ведь скоро начнутся северные ветры и песчаные бури - мы их очень боимся... - Она мельком взглянула на раскрытую настежь дверь. В ее монотонном, тихом голосе чувствовалась тупая уверенность.

- Это не шутка! Даже бессмыслица имеет пределы! Это не что иное, как незаконное задержание... Настоящее преступление... Как будто нельзя было обойтись без насилия: ну, к примеру, взяли бы безработных за поденную плату, их сколько угодно!

- А что хорошего, если там узнают, как у нас здесь...

- А если я, тогда безопасно?.. Чуть!.. Вы заблуждаетесь! Как это ни прискорбно, но я не бродяга! Я и налоги плачу, и имею постоянное местожительство... Скоро подадут заявление о розыске, и вам тогда всем здесь достанется! Неужели не понятно? Даже такая простая вещь?.. интересно, как вы собираетесь оправдываться... Позови-ка виновника... Я ему хороше-е-нечко

объясню, какое дурацкое дело он затеял!

Женщина опустила глаза и тихо вздохнула. Плечи ее поникли, но она даже не шевельнулась. Точно несчастный щенок, которому задали непосильную задачу. Это еще сильнее разъярило мужчину.

- Ну что мешкаешь, решить никак не можешь?.. Вопрос тут не только во мне. Выходит, ты тоже такая же жертва? Что, не так? Только сейчас сама сказала, что, если узнают о том, какая здесь жизнь, будет плохо... Разве это не доказывает, что ты сама признаешь: так жить нельзя? Перестань делать это всепрощающее лицо - ведь с тобой обращаются как с рабыней! Никто не имел права засадить тебя сюда!.. Ну, быстро, зови кого-нибудь! Мы выберемся отсюда!.. Ага, понимаю... Воишься, да?.. Чепуха! Чего тебе бояться.. Я ведь с тобой!.. У меня есть приятели, которые работают в газете. Мы все это представим как социальную проблему... Ну, что?.. Чего молчишь?.. Говорю же, тебе нечего бояться!..

Немного спустя, как бы в утешение ему, женщина вдруг сказала:

- Я приготовлю обед?..

Исподтишка, лишь краешком глаза наблюдая за тем, как женщина чистит картофель, мужчина мучительно думал, должен ли он принять еду, которую она готовит.

Сейчас как раз такой момент, когда требуются спокойствие и хладнокровие... Намерения женщины ясны, и нужно отбросить всякие колебания, не тешить себя пустыми надеждами, а посмотреть фактам в глаза и выработать реальный план, как выбраться отсюда... Обвинения в незаконных действиях оставим на будущее... А голо лишь убивает волю... мешает собраться с духом. Но если он категорически не приемлет нынешнего положения, видимо, ему следует отказаться от пищи. Было бы просто смешно негодовать и есть одновременно. Даже собака, когда ее кормят, поджимает хвост.

Но не будем спешить.. Незачем занимать такую резкую оборонительную позицию, пока неизвестно, как далеко собирается зайти женщина... Не может быть и речи о том, чтобы получить от нее хоть что-нибудь даром, никаких благодарностей... Платить аккуратно за всю еду... И если деньги уплачены, он может не чувствовать себя в долгу, нисколечко... Даже телевизионный комментатор бокса часто говорит, что атака - лучший вид защиты.

Итак, найдя прекрасный предлог, чтобы не отказываться от еды, он вздохнул с облегчением. Внезапно он как будто прозрел, поймал нить мысли, все время ускользавшей от него. Не песок ли его главный враг? А если так, то нечего понапрасну ставить перед собой какие-то неразрешимые задачи - ну, например, прорваться сквозь стальные засовы или еще что-нибудь в этом роде. Поскольку веревочная лестница убрана, можно сделать деревянную. Песчаную стену можно срыть, чтобы она стала более пологой... Если хоть чуть-чуть пошевелить мозгами, все и разрешится... Может быть, это слишком просто, но коль скоро таким способом можно достичь цели, то чем проще, тем лучше. Как видно на примере колумбова яйца - самое правильное решение часто бывает простым до глупости. Если только не бояться трудностей... если только бороться по-настоящему... то еще ничего не потеряно.

Женщина кончила чистить картошку, нарезала ее и, добавив накрошенной вместе с ботвой редьки, опустила в большой железный котел, висевший над очагом. Она аккуратно вынула из полиэтиленового мешочка спички, разожгла огонь, спрятала спички и стянула резиновый мешочек. Потом насыпала рис в дуршлаг и стала поливать его водой. Наверное, чтобы смыть песок. Вареву в котле начало булькать, неприятно запахло редькой.

- Воды, правда, осталось немного, но, может быть, вы и лицо помоеете?..

- Да нет чем лицо мыть, я лучше попою...

- Ой, простите... Вода для питья в другом месте. - Она достала из-под умывальника большой котелок, завернутый в полиэтилен. - Она не очень холодная, но зато я ее прокипятила, чтобы можно было пить.

- Но если не оставить хоть немного воды в баке, то нечем будет помыть посуду.

- Нет, посуду я протираю песком, и она становится совсем чистой.

С этими словами женщина набрала у окна пригоршню песка, бросила в тарелку, протерла ее и показала мужчине. Он не разобрал как следует, стала тарелка чище или нет, но решил, что стала. Во всяком случае, такое использование песка вполне соответствовало его давним представлениям.

Ел он опять под зонтом. Вареные овощи и вяленая рыба... Все было слегка приправлено песком. Они могли бы поесть вместе, если бы зонт был подвешен к потолку, подумал он, но побоялся, что она расценит это как попытку к сближению. Низкосортный чай, крепкий только на вид, был почти безвкусным.

Когда он поел, женщина под села к умывальнику и, накиннув на голову кусок полиэтилена, начала тихонько есть. Сейчас она похожа на какое-то насекомое, подумал он. Неужели она собирается до конца дней вести такую жизнь?.. Для тех кто наверху, это лишь малюсенький клочок огромной земли, но со дна ямы не видно ничего – только бескрайний песок да небо... Монотонная жизнь – как будто картинка, навсегда застывшая в глазах... И ее ведет женщина, которой даже нечего вспомнить, – она за всю жизнь ни от кого не слышала теплого слова. У нее, наверное, сердце забилось, как у девушки, когда ей в виде особого благодеяния отдали его, поймав в западню... Как жаль ее!..

Ему захотелось сказать что-нибудь женщине, и чтобы как-то начать разговор, он решил закурить. Действительно, здесь полиэтилен – предмет первой необходимости, без него не обойдешься. Сколько он ни держал зажженную спичку у сигареты, она никак не раскуривалась. Он сосал изо всех сил, так, что щеки втягивались между зубами, но, как ни старался, чувствовал только привкус дыма. Да и этот дым, жирно-никотинный, лишь раздражал язык, никак не заменяя курения. Настроение испортилось, разговор не клеился, да ему и самому расхотелось беседовать с женщиной.

Собрав и поставив на земляной пол грязную посуду, женщина не спеша стала сыпать на нее песок. С видимым усилием она сказала нерешительно:

– Вы знаете... Пора уже сбрасывать песок с чердака...

– Сбрасывать песок? А-а, ну что ж, пожалуйста... – сказал мужчина безразлично (при чему тут я? Пусть гниют балки, пусть рушатся опоры – мне-то какое дело?) – если я вам мешаю, может быть, мне уйти куда-нибудь?

– Извините, пожалуйста, но...

Нечего прикидываться! Ведь не захотела даже виду показать! А у самой на душе – будто гнилую луковицу надкусила... Однако женщина с безотчетной быстротой, присущей лишь очень привычным действиям, повязала нижнюю часть лица сложенным вдвое полотенцем, взяла под мышку веник и обломок доски и взобралась на полку стенового шкафа, в котором осталась одна створка.

– Честно говоря, если хотите знать мое мнение – такой дом пусть лучше разваливается!..

Он сам растерялся от неожиданности вспыхнувшего раздражения, с которым прокричал это, а женщина обернулась к нему еще более растерянная. Смотри ты, вроде не превратилась еще окончательно в насекомое...

– Нет, не думайте, что я сержусь только вас одну. Вы здесь все решили, что удалось посадить человека на цепь. А я терпеть не могу интриг. Понятно? Да если и непонятно, мне все равно. Хотите, я вам расскажу одну интересную историю... Это было давно. В комнате, которую я снимал, я держал никуда не годную собаку, дворняжку с удивительно густой шерстью. Бедняга не линяла даже летом... У нее всегда был такой мрачный, несчастный вид, что я решил постричь ее... И вот, когда я уже закончил стрижку и собирался выбросить состриженную шерсть, собака – не знаю, что ей померещилось, – вдруг завyla, схватила в зубы ком этой шерсти и убежала на свое обычное место... Может быть, она приняла состриженную шерсть за часть своего тела и жалела расстаться с ней. – Он украдкой посмотрел на женщину: как она это воспримет? Но она оставалась в прежней позе, неестественно изогнувшись на полке шкафа, и даже не сделала попытки обернуться в его сторону. – Ну хорошо... Каждый человек рассуждает по-своему... Будь то копание песка, будь что угодно другое – пожалуйста, поступайте по своему усмотрению. А я решительно не намерен терпеть это. Довольно! Ничего, еще немного – и поминай как звали!.. Напрасно вы меня недооцениваете... Если захочу, сбегу отсюда, и без труда... Да, вот как раз кончились сигареты...

– Сигареты... – Ее простота граничила с глупостью. Это попозже, когда привезут воду...

Сигареты?.. И сигареты тоже?.. – Мужчина неожиданно для себя фыркнул. – Вопрос не в этом... А в состриженной шерсти, состриженной шерсти... Неужели не понятно?... Я хочу сказать, что ради состриженной шерсти не стоит и огород городить.

Женщина молчала, и не похоже было, что она собирается сказать что-нибудь в свое оправдание. Она подождала немного, и, когда убедилась, что

мужчина кончил говорить, с невозмутимым видом снова взялась за работу, от которой ее оторвали. Она отодвинула крышку люка в потолке над шкафом, до пояса влезла в него и, удерживаясь на локтях и неловко болтая ногами, стала взбираться наверх. Тут и там тонкими нитями посыпался песок. Он подумал, что на чердаке, наверное, обитает какое-нибудь необычное насекомое... Песок и гнилое дерево... Но нет, довольно, необычного и так больше чем достаточно!

Потом из потолка, то из одного места, то из другого, устремилось вниз множество ручейков песка. Было очень странно, что этот обильный поток низвергается почти бесшумно. В мгновение ока на покрывающих пол циновок барельефом оттиснулся дощатый потолок со всеми щелями и дырками от сучком. Песок набился в нос, ел глаза. Мужчина поспешно выскочил наружу.

В первый миг было ощущение, что он вбежал в костер и ступни уже начинают плавиться. Но где-то внутри оставалась цилиндрическая ледышка, которая не поддавалась даже такому жару. Где-то внутри копошился стыд. Эта женщина как животное... Нет для нее вчера, нет завтра – живет сегодняшним днем... Мир, где господствует уверенность, что человека можно начисто стереть, как мел с грифельной доски... И во сне не приснится, что в наши дни где-то еще гнездится подобная дикость. Ну ладно... Если считать это признаком того, что он оправился от потрясения и к нему начало возвращаться спокойствие, то этот стыд не так уж и плох.

Однако нечего зря терять время. Хорошо бы покончить с этим еще дотемна. Сощурившись, он прикинул на глаза высоту волнистой стены песка, подернутой тонкой вуалью, напоминавшей расплавленное стекло. Чем дальше он смотрел на стену, тем выше она казалась. Трудно, конечно, идти против природы и пытаться сделать пологий склон крутым, но ведь он-то хочет крутой склон сделать пологим – только и всего. Особых причин идти на попятную как будто нет.

Вернее всего было бы начать сверху. Но поскольку это невозможно, нет другого выхода, как копать снизу. Сначала он подкопает, сколько нужно, в самом низу и подождет, пока сверху обвалится песок, потом снова подкопает снизу, и снова сверху свалится песок... Повторяя это раз за разом, он будет подниматься все выше и в конце концов окажется наверху. Конечно, его ждут обвалы, и песчаные потоки будут сбрасывать его вниз. Но хоть их и называют потоками – песок все же не вода. Ему ни разу не приходилось слышать, чтобы в песке тонули.

Лопата стояла рядом с бидонами у наружной стены дома. Заточенное полукругом острие белело, как осколок фарфора.

Какое-то время он копал безостановочно, весь уйдя в работу. Песок ведь очень податлив, и работа продвигалась быстро. Каждый удар лопаты, вгрызавшейся в песок, каждый вздох отсчитывали время. Но скоро руки все настойчивее стали напоминать об усталости. Ему казалось, что копает он довольно долго, но результатов что-то не было заметно. Обваливались только небольшие куски слезавшегося песка прямо над тем местом, где был сделан подкоп. Все это сильно отличалось от простой геометрической схемы, нарисованной им в уме.

Тревожиться было еще рано, он решил передохнуть и, сделав модель ямы, проверить свои расчеты. Материала, к счастью, сколько угодно. Он выбрал место под карнизом дома, в тени, и стал копать ямку сантиметров в пятьдесят. Но почему-то скаты ее не удавалось сделать под нужным ему углом. Самое большое – сорок пять градусов... как у ступки, расширяющейся кверху.

Когда он попытался подкапывать у дна ямки, по стенкам посыпался песок, но склон оставался неизменным. Оказалось, у песчаной ямы какой-то стабильный угол. Вес и сопротивление песчинок, видимо, пропорциональны. А если так, значит, и эта стене, которую он собирается одолеть, имеет тот же угол наклона.

Нет, этого не может быть... Разве что обман зрения, но нет, так не бывает... На какой склон ни смотри снизу, он всегда будет казаться круче, чем на самом деле.

И вообще, может, все это следует рассматривать как вопрос количества?.. Если разнится количество, естественно, разнится и давление. Если разнится давление, то и пропорции веса и сопротивления неизбежно меняются. Возможно, здесь играет роль и строение песчинок. Взять, например, красную глину. Красная глина в естественном состоянии и красная глина уже после ее добычи имеют совершенно разную величину сопротивления давлению. Да еще нужно

принять во внимание влажность... Итак, модель может быть подвержена совершенно иным законам, чем большая яма.

Но тем не менее опыт не был бесполезным. Он понял, что угол склона сверхстабилен – одно это уже крупное достижение. И, в общем, не так уж трудно сверхстабильность превратить в обыкновенную стабильность.

Стоит лишь слегка поболтать перенасыщенный раствор, как выпадают кристаллы и он превращается в насыщенный.

Вдруг почувствовав, что рядом кто-то есть, он обернулся. Женщина стояла в дверях и внимательно смотрела в его сторону. Он даже не слышал, когда она вышла. Застигнутый врасплох, он в замешательстве отступил назад, растерянно озираясь. И вот тогда-то он увидел на краю песчаного обрыва с восточной стороны три головы. Они были обмотаны полотенцами, концы которых закрывали нижнюю часть лица, и поэтому он не был уверен, вчерашние это старики или нет. Как будто они. На миг мужчина опешил, но тут же взял себя в руки и решил, не обращая на них внимания, продолжать работу. То, что на него смотрели, даже подхлестнуло его.

Пот капал с кончика носа, заливал глаза. Не было времени вытирать его, и он продолжал копать с закрытыми глазами. Ни в коем случае нельзя давать отдых рукам. Когда они увидят, как ловко он работает, то поймут, насколько они узколобы, насколько низки.

Он посмотрел на часы. Отер о штаны песок со стекла. Было еще только десять минут третьего. Все те же десять минут третьего, как и раньше, когда он последний раз смотрел на часы. У него сразу же пропала уверенность в своей быстроте. Если смотреть глазами улитки, солнце движется, наверное, со скоростью бейсбольного мяча. Он перехватил лопату и снова набросился на песчаную стену.

Внезапно лавина песка устремилась вниз. Раздался глухой звук, будто падала резина, и что-то с силой навалилось ему на грудь. Чтобы понять, что случилось, он поднял голову и посмотрел вверх, но определить, где верх, так и не сумел. Он лежал, согнутый пополам, в собственной блевотине, а вокруг был разлит какой-то тусклый, молочный свет.

*** ЧАСТЬ ВТОРАЯ ***

Дзяб, дзяб, дзяб, дзяб.

Что это за звук?

Звук колокольчика.

Дзяб, дзяб, дзяб, дзяб.

Что это за голос?

Голос дьявола.

Женщина что-то еле слышно мурлычет. Она без устали повторяет одну и ту же фразу, выбирая мутный осадок из бака.

Пение смолкло. Потом стало слышно, как женщина толчет рис. Мужчина тихонько вздыхает, поворачивается на другой бок и ждет, напрягшись, в нетерпении... сейчас она войдет, наверное, с тазом воды, чтобы протереть его тело. От песка и пота кожа так раздражена, что вот-вот воспалится. При одной мысли о холодном, влажном полотенце он весь сжимается.

С тех пор как его придавило песком и он потерял сознание, он все время лежал. В первые два дня его мучил сильный жар, почти тридцать девять, и неукротимая рвота. Но потом температура упала, стал возвращаться аппетит. Заболел он, видимо, не столько от ушиба, причиненного песчаным обвалом, сколько от непривычной для него длительной работы под прямыми лучами солнца. В общем, ничего серьезного.

Может быть, поэтому он быстро поправлялся. На четвертый день боль в ногах и пояснице почти прошла. На пятый день, если не считать некоторой слабости, он уже не ощущал никаких признаков недавней болезни. Но с постели он не вставал и продолжал изображать тяжелобольного. На это были, конечно, причины. Он отнюдь не отказался от мысли бежать.

- Вы уже проснулись?

Голос женщины звучал робко. Он глядел из-под опущенных век на округлость ее коленей, ощущавшуюся сквозь шаровары, и ответил невнятным стоном. Медленно выжимая полотенце над помятым медным тазом, женщина спросила:

- Как чувствуете себя?

- Да так...

- Протрем спину?..

Он покорно отдавал себя в руки женщины, не только пользуясь положением больного, но и потому, что это не было ему неприятно. Он, помнится. Читал стихотворение о том, как мальчику, которого била лихорадка, приснилось, что его заворачивают в прохладную серебряную бумагу. Кожа, задохнувшаяся под слоем пота и песка, постепенно охлаждается, начинает дышать. Запах женского тела точно проникает через его ожившую кожу, слегка волнует его.

И все же до конца он так и не простил женщину. То - одно, это - другое, вещи разные, и нечего их смешивать. Трехдневный отпуск давно кончился. Теперь уж торопиться вряд ли стоит. Его первоначальный план подрить стену ямы и сделать песчаный склон пологим не то чтобы провалился, но просто не был достаточно подготовлен. Если бы не помешали непредвиденные обстоятельства - тот же солнечный удар, - все бы прекрасно удалось. Правда, копать песок оказалось неизмеримо труднее, чем он предполагал, это адский труд, и все теперь будет зависеть от того, найдет ли он более доступный для себя способ. Вот тут-то и пришел ему в голову этот маневр с мнимой болезнью.

Когда он очнулся и увидел, что лежит все там же, в доме женщины, то страшно разозлился. Эти типы из деревни даже и не собираются принять в нем участие. Ему стало это совершенно ясно, и сразу созрело решение. Понимая, что болезнь его не опасна, они не позвали врача. А теперь он воспользуется этим и заставит их еще раскаяться. Ночью, когда женщина работает, он будет спать. Зато днем, когда она должна отдыхать, будет мешать ей спать, жалуясь на невыносимые боли.

- Болит?

- Ну да, болит... Позвоночник, наверное, поврежден...

- Может, попробовать растереть?

- Ни в коем случае! Разве можно доверить это неспециалисту? Этак и навредить недолго. Ведь спинной мозг - канал жизни. А вдруг я умру? Ведь вам же всем хуже будет. Позовите врача, врача! Больно... Нестерпимо больно... Если не поторопитесь, будет поздно!

Женщина не сможет долго выносить такое и выбьется из сил. Ее работоспособность снизится, и дом окажется в опасности. А это и для деревни немалое дело. По собственной глупости, вместо того чтобы получить добавочную рабочую силу, взвалили на себя новую обузу. И если они не избавятся от него сейчас же, то потом упущенное не наверстаешь.

Но и этот план продвигается совсем не так гладко, как он предполагал. Ночь здесь гораздо оживленнее, чем день. Через стену слышен лязг лопаты... тяжелое дыхание женщины... выкрики и цоканье мужчин, вытаскивающих корзины с песком... Вдобавок ветер доносит издалека тархтение пикапа, лай собак... Как ни старался он заснуть, ничего не получалось - нервы были слишком напряжены, он не мог сомкнуть глаза.

Ночью он спал плохо, и поэтому ему приходилось досыпать днем. И, что хуже всего, он все больше терял терпение; начинал убеждать себя, что, если и этот план провалится, все равно найдется сколько угодно способов бежать. С того дня прошла уже неделя. Как раз время подавать заявление о розыске. Первые три дня были его законным отпуском. Но дальше - отсутствие без предупреждения. Сослуживцы, часто даже без всякого повода ревниво следящие за тем, что делают их товарищи, вряд ли обойдут молчанием такой факт. Уж наверное, в один из этих вечеров какой-нибудь доброхот заглянул к нему домой. В душной, раскаленной послеполуденным солнцем комнате царит запустение - ясно, что хозяина нет. Посетитель чувствует еще, пожалуй, инстинктивную зависть к счастливчику, который вырвался из этой дыры. А на следующий день - оскорбительное злословие, гаденький шепоток, приправленный неодобрительно нахмуренными бровями и двусмысленными жестами. И вполне резонно... В глубине души он и тогда еще чувствовал, что этот необычный отпуск вызовет у сослуживцев именно такую реакцию. И неудивительно, ведь учителя ведут своеобразную жизнь, все время отравленную грибком зависти...

Год за годом мимо них, как воды реки, текут ученики и уплывают, а учителя, подобно камням, вынуждены оставаться на дне этого потока. Они говорят о надеждах другим, но сами не смеют питать надежду, даже во сне. Они чувствуют себя ненужным хламом либо впадают в мазохистское одиночество, либо становятся пуристами, к другим проникаются подозрительностью, обвиняют их в оригинальничанье. Они так тоскуют по свободе действий, что не могут не ненавидеть свободу действий.

...Несчастный случай, наверное?.. Нет, если бы это был несчастный случай, то, видимо, как-нибудь сообщили бы... А может быть, самоубийство?.. Но опять-таки об этом, уж конечно, знала бы полиция!.. Не нужно переоценивать этого недалекого парня!.. Да, да, он пропал без вести по собственной воле, и нечего соваться не в свое дело... Но ведь уже почти неделя... Ну что за человек, обязательно должен причинять людям беспокойство, и ведь не узнаешь, что у него на уме!..

Вряд ли они искренне беспокоятся за него. Просто их неутоленное любопытство перезрело, как хурма, вовремя не снятая с дерева. Дальше события развиваются так.

Старший преподаватель идет в полицию, чтобы выяснить форму заявления о розыске. За постным выражением лица скрыто распирающее его удовольствие... "Фамилия и имя: Ники Дзюмпэй. Возраст: 31 год. Рост: 1 м. 58 см. Вес: 54 кг. Волосы: редкие, зачесаны назад, бриолином не пользуется. Зрение: правый - 0,8, левый - 1,-. Слегка косит. Кожа смуглая. Приметы: лицо продолговатое, нос короткий, челюсти квадратные, под левым ухом заметная родинка. Других особых примет нет. Группа крови: АВ. Говорит хрипло, слегка заикаясь. Сосредоточен, упрямы, но в обращении с людьми прост. Одежда: вероятно, на нем одежда, используемая при энтомологической работе. Помещенное сверху фото анфас сделано два месяца назад".

Конечно, жители деревни приняли необходимые меры предосторожности, если столь решительно продолжают эту бессмысленную авантюру. Обвести вокруг пальца одного-двух деревенских полицейских - дело нехитрое. Они, безусловно, позаботились о том, чтобы полиция без особой надобности не появлялась в деревне. Но такая дымовая завеса целесообразна и необходима лишь до тех пор, пока он здоров и в состоянии отгребать песок. И нелепо с риском для себя прятать тяжелобольного человека, который уже целую неделю валяется в постели. Если же они решат, что он им ни к чему, то самое благоразумное - побыстрее отделаться от него, пока не возникли всякие осложнения. Сейчас еще можно придумать какую-нибудь правдоподобную версию. Можно, например, заявить, что человек сам упал в яму и из-за сотрясения у него начались какие-то странные галлюцинации. Несомненно, объяснение будет принято гораздо охотнее, чем его совершенно фантастические утверждения, будто его хитростью упрятали в яму.

Замычала корова - словно в глотку ей вставили медную трубу. Где-то прокричал петух. В песчаной яме нет ни расстояния, ни направления. Только там, снаружи, - обычный нормальный мир, где на обочине дороги дети играют в классы, в положенное время наступает рассвет и краски его смешиваются с ароматов варящегося риса.

Женщина протирает его тело с усердием, даже с чрезвычайным усердием. После протирания выкручивает влажное полотенце досуха, так что оно становится твердым, как доска, и сухим трет так старательно, будто полирует запотевшее стекло. От звуков просыпающегося утра и этих ритмичных толчков его начинает клонить ко сну.

- Да, кстати... - Он подавляет зевок, который, будто щипцами, насильно вытащили у него изнутри. - Как бы этою... Давно уже хочется почитать газету. Никак этого нельзя устроить?

- Хорошо, я спрошу попозже.

Он сразу понял: женщина хочет показать свою искренность. В ее застенчивом, робком голосе явно чувствовалось старание не обидеть его. Но это разозлило его еще больше. "Спрошу"?! Значит, и газеты я не имею права читать без разрешения, что ли?.. Ворча, он отбросил руку женщины. Его так и подмывало опрокинуть таз со всем содержимым.

Однако в его положении особенно бешевать не следует - это может разрушить все планы. Ведь тяжелобольной вряд ли будет так волноваться из-за какой-то пустячной газеты. Он, конечно, хочет просмотреть газету. Если нет пейзажа, то посмотреть хоть на картинку - ведь недаром живопись развилась в

местах с бедной природой, а газеты получили наибольшее развитие в промышленных районах, где связь между людьми ослабла. Может быть, он найдет объявление о том, что пропал без вести человек. А если повезет, то не исключено, что в углу страницы, посвященной социальным вопросам, он найдет заметку о своем исчезновении. Вряд ли, конечно, эти деревенские дадут ему газету, в которой будет такая статья. Но самое главное сейчас – терпение. Притворяться больным не так уж сладко. Все равно что сжимать в руке готовую вырваться тугую пружину. Долго такого не выдержишь. Смириться тоже нельзя. Он должен во что бы то ни стало заставить этих типов понять, как обременительно для них его пребывание здесь. Вот сегодня, чего бы это ни стоило, не дать женщине ни на минуту закрыть глаза!

Не спи... Спать нельзя!

Мужчина скрючился и притворно застонал.

Под зонтом, который держала женщина, он глотал, обжигаясь, густой суп из овощей и риса, приправленный морскими водорослями. На дне миски осел песок...

Но тут воспоминания обрываются. Дальше все тонет в каком-то бесконечном гнетущем кошмаре. Он верхом на старых потрескавшихся палочках для еды летал по странным незнакомым улицам. На этих палочках он мчался, как на скутере, и было это не так уж и плохо, но, стоило чуть-чуть рассеяться вниманию, его тут же тянуло к земле. Вблизи улица казалась кирпичного цвета, но дальше таяла в зеленой дымке. В этой цветовой гамме было что-то, порождающее беспокойство. Наконец он подлетел к длинному деревянному зданию, напоминавшему казарму. Пахло дешевым мылом. Подтягивая спадающие брюки, он поднялся по лестнице и вошел в пустую комнату, в которой стоял только один длинный сто. Вокруг стола сидело человек десять мужчин и женщин, увлеченных какой-то игрой. Сидевший в центре, лицом к нему, сдавал карты. Кончая сдавать, он вдруг последнюю карту сунул ему и что-то громко крикнул. Невольно взяв ее, он увидел, что это не карта, а письмо. Оно было странно мягким на ощупь, и, когда он чуть сильнее нажал на письмо пальцами, из него брызнула кровь. Он закричал и проснулся.

Какая-то грязная пелена мешает смотреть. Он пошевелинулся, послышался шелест сухой бумаги. Его лицо было прикрыто развернутой газетой. Черт возьми, опять заснул!.. Отбросил газету. С нее побежали струйки песка. Судя по его количеству, прошло немало времени. Направление лучей солнца, пробивающихся сквозь щели в стене, говорит о том, что уже около полудня. Ну и ладно, но что это за запах? Свежая типографская краска?.. Не может быть, подумал он и бросил взгляд на число. Шестнадцатое, среда... Так это же сегодняшняя газета! Не верилось, но факт оставался фактом.

Мужчина приподнялся, опершись локтем о свой насквозь пропитанный потом матрас. В голове вихрем закружились самые разные мысли, и он стал мельком, то и дело отвлекаясь, просматривать с таким трудом добытую газету.

"Дополнена повестка дня Японо-американского объединенного комитета..." Как же все-таки женщине удалось добыть газету?.. Может быть, эти типы почувствовали, что у них есть какие-то обязательства по отношению ко мне?.. Да, но, судя по тому, как было до сих пор, всякая связь с внешним миром прекращается после завтрака. Несомненно одно из двух: либо женщина каким-то неизвестным ему способом может связываться с внешним миром, либо она сама выбралась отсюда и купила газету.

"Действенные меры против застоя на транспорте!"

Ну хорошо... Допустим, женщина выбралась... Это немисливо без веревочной лестницы. Не знаю, как это ей удалось, но ясно одно – она использовала веревочную лестницу... Ну а если так... Мысль его бешено заработала. Узник, только думающий о побеге, – это одно дело. Но ведь женщина, жительница деревни, не потерпит, чтобы ее лишили возможности свободно выходить из ямы... то, что убрали лестницу, – не более чем временная мера, чтобы запереть меня здесь... Стало быть, если я сделаю все, чтобы усыпить их бдительность, рано или поздно такая же возможность появится и у меня.

"В репчатом луке – вещества, эффективные при лечении последствий атомной радиации".

Видимо, мой план симуляции болезни был несколько нарушен непредвиденными обстоятельствами. Еще древние очень верно говорили: если

удача спит – жди... Но почему-то сердце к ожиданию совсем не лежало. Было как-то беспокойно. Уж не из-за этого ли страшного, какого-то неуютного и странного сна?.. Ему не давала покоя мысль об опасном – почему опасном, он и сам не понимал – письме. К чему бы такой сон?

Но это не дело – принимать так близко к сердцу обыкновенный сон. В любом случае нужно довести начатое до конца.

Женщина, тихонько посапывая, как обычно, спала на полу недалеко от очага, закутавшись с головой в застиранное кимоно, свернувшись калачиком, обняв руками колени. С этого дня она ни разу не показывалась ему обнаженной, но под кимоно на ней, видимо, ничего нет.

Мужчина быстро пробежал страницу, посвященную социальным вопросам, колонки местной жизни. Он, конечно, не нашел ни статьи о своем исчезновении, ни объявления о том, что без вести пропал человек. Так он и предполагал и поэтому не особенно огорчился. Тихонько встал и спустился на земляной пол. На нем не было ничего, кроме длинных трусов из искусственного шелка. Так было лучше всего. Песок собирался в том месте, где резинка перехватывала тело, и только здесь появлялись краснота и зуд.

Стоя в дверях, он посмотрел вверх, на песчаную стену. Свет ударил в глаза, и все вокруг точно загорелось желтым пламенем. Ни души. Лестницы, конечно, тоже нет. Ничего удивительного. Он хотел лишь убедиться для верности. Нет никаких признаков, что ее опускали. Правда, при таком ветре пяти минут не пройдет, как любой след исчезнет. Да и сразу же за дверьми верхний слой песка нескончаемо тек – будто с песка сдирали шкурку.

Он вернулся в дом и лег. Летала муха. Маленькая коричневатая дрозифилла. Наверное, что-то где-то гниет. Пополоскав горло водой из завернутого в полиэтилен котелка у изголовья, он позвал женщину:

– Послушайте, может, вы встанете...

Женщина вздрогнула и вскочила. Халат сполз, обнажив грудь, слегка обвисшую, но еще полную, с проступающими голубыми жилками. Суетливым, неуверенным движением женщина натянула халат, взгляд ее блуждал, казалось, она еще не совсем проснулась.

Мужчина заколебался. Должен ли он сердито и без обиняков спросить у нее о лестнице?.. Или, может быть, лучше поблагодарить за газету и одновременно спросить – мирным, доброжелательным тоном? Если он разбудил женщину, только чтобы прервать ее сон, то самое правильное – держаться агрессивно. А поводов для придинок сколько угодно. Но это может увести далеко от главной цели – прикидываться тяжелобольным.

Правда, такое поведение не особенно похоже на поведение человека, у которого поврежден позвоночник. Что ему действительно необходимо – так это заставить их убедиться в полной невозможности использовать его как рабочую силу и любыми средствами усыпить их бдительность; их сердца уже смягчились до того, что они дали ему газету, теперь надо сделать их вообще неспособными к сопротивлению.

Но все его радужные надежды рухнули сразу.

– Да нет, никуда я не выходила. Один из нашей артели принес средство от гниения дерева, которое мне давно уже обещали... Его-то я и попросила... Здесь, в деревне, газету получают всего в четырех-пяти домах... Пришлось ему специально идти в город, чтобы купить ее...

Такое совпадение вполне возможно. Но не означает ли это, что он заперт в клетке замком, к которому не подберешь отмычки? Если даже местные жители должны мириться подобным заточением, то крутизна этих песчаных стен – дело нештучное. Мужчиной овладело отчаяние, но он взял себя в руки.

– Вот как?.. Послушайте... Ведь вы здесь хозяйка, верно?.. А не какая-нибудь собака... Не может быть, чтобы вы не могли свободно выходить отсюда и возвращаться, когда захотите? Или вы такое натворили, что в глаза односельчанам смотреть не можете?

Заспанные глаза женщины широко раскрылись от удивления. Они налились кровью, точно раскалились, ему показалось даже, что в комнате стало светлее.

– Ну что вы! Не могу смотреть в глаза?! Чепуха какая!

– Хорошо, но тогда вам нечего быть такой робкой!

– Да если я и выйду отсюда, мне там и делать-то особенно нечего...

– Можно погулять!

– Гулять?..

– Ну да, гулять... походить туда-сюда, разве этого мало?.. Я говорю,

вот вы, до того как я сюда пришел, свободно выходили, когда хотели?

- Но ведь попусту ходить - только зря уставать...

- Я дело говорю! Подумайте хорошенько. Вы должны это понять!.. Ведь даже собака, если ее надолго запереть в клетке, и та с ума сойдет!

- Да гуляла я! - выкрикнула женщина своим глухим монотонным голосом. - Правда же, мне давали гулять, сколько я захочу... пока сюда не попала... Подолгу гуляла с ребенком на руках. Даже замучилась от этих прогулок...

Мужчина не ожидал такого. Какая-то странная манера разговаривать. Когда она смотрит на него так нет сил отвечать.

Да, верно... лет десять назад, когда царила разруха, все только и мечтали о том, чтобы никуда не ходить. Такой им представлялась свобода. Но можно ли сказать, что сейчас они уже пресытились этой свободой?.. А может быть, в этот песчаный край тебя и завлекло как раз то, что ты уже изнемогла в погоне за этой призрачной свободой... Песок... Бесконечное движение одной восьмой миллиметра... Это значит - все наизнанку: автопортрет на негативной пленке, рассказывающий о свободе жить, никуда не выходя. Ведь даже ребенок, который готов гулять сколько угодно, начинает плакать, если заблудится.

Женщина вдруг резко изменила тон:

- Чувствуете себя как? Все в порядке?

Но что уставилась как баран? Мужчина разозлился. В три погибели тебя скручу, но заставлю признаться, что ты во всем виновата! При одной мысли об этом по телу побежали мурашки, и ему даже почудилось потрескивание, точно от кожи отдирали засохший клей. Кожа будто ощущала ассоциации, связанные со словом "скручу". И вдруг женщина превратилась в силуэт, отошедший от фона... Двадцатилетнего мужчину возбуждают мысли. Сорокалетнего - возбуждает кожа. А для тридцатилетнего самое опасное - когда женщина превращается в силуэт. Он может обнять его так же легко, как самого себя... Но за спиной женщины множество глаз... И она лишь кукла, которую водят за нити этих взглядов... Стоит обнять ее, и уже будут водить на ниточке тебя... Тогда и эта ложь с повреждением позвоночника моментально обнаружится. Разве может он в таком месте, как это, перечеркнуть всю свою прошлую жизнь!

Женщина бочком пододвинулась ближе. Ее округлые колени уперлись ему в бедро. Вокруг разлился густой запах стоялой протухшей воды, исходивший у нее изо рта, носа, ушей, подмышек, от всего ее тела. Робко, нерешительно ее горячие, как огонь, пальцы заскользили вверх и вниз по его позвоночнику. Мужчина весь напрягся. Вдруг пальцы коснулись его бока. Мужчина вскрикнул:

- Щекотно!

Женщина засмеялась. Она и слегка заигрывала, и немного робела. Все это было слишком неожиданно, и он еще не знал, как себя вести. Но чего она хочет?.. Умышленно это делалось или пальцы просто соскользнули?.. Только что она моргала глазами, изо всех сил стараясь проснуться... Но ведь и в первый вечер она так же странно засмеялась, когда, проходя мимо, толкнула его в бок... Может быть, она вкладывает в свои действия какой-то особый смысл? Возможно, в глубине души она не верит в его болезнь и делает все это, чтобы проверить свои сомнения... Не исключено... Зевать нельзя. Ее соблазнительность - самая обыкновенная ловушка, в конце концов точно такая же, как сладкий аромат меда у растений-хищников, питающихся насекомыми. Сначала она спровоцирует его на насилие, вызовет этим скандал, а потом он окажется по рукам и ногам опутан цепями шантажа.

Мужчина взмок и начал плавиться, как воск. Поры его источали пот. Часы остановились, и точного времени он не знал. Там, наверху, возможно, день еще в разгаре. Но на дне двадцатиметровой ямы были уже сумерки.

Женщина еще крепко спала. Ноги и руки у нее нервно вздрагивали - что-то снилось. Он хотел было помешать ей спать, но раздумал. Она все равно уже выспалась.

Мужчина приподнялся, подставляя тело сквозняку. Полотенце, по-видимому, упало с лица, когда он повернулся во сне, и теперь за ушами, около носа, в углах рта налипло столько песка - хоть соскребай. Он накапал в глаза и прикрыл их концом полотенца. Но, только повторив это несколько раз, смог наконец как следует раскрыть их. Еще два-три дня - и глазных капель не останется. Даже из-за одного этого хочется, чтобы скорее уж был какой-нибудь конец. Тело такое тяжелое, будто в железных доспехах лежишь на магните. Он изо всех сил напряг зрение, но в тусклом свете, пробивавшемся через дверь,

иероглифы в газете казались застывшими лапками дохлых мух.

По-настоящему нужно было, конечно, попросить женщину еще днем, чтобы она почитала ему. Это бы и спать ей помешало. Одним выстрелом убил бы двух зайцев. Но, к сожалению, он сам заснул раньше нее. Как ни старался – все испортил.

И вот теперь опять у него будет эта невыносимая бессонница. Он пытался в ритме дыхания считать от ста назад. Пытался мысленно шаг за шагом пройти привычной дорогой из дома в школу. Пытался в определенном порядке назвать известных ему насекомых, группируя их по видам и семействам. Но, убедившись, что все усилия тщетны, начал еще больше нервничать. Глухое ворчание ветра, несущегося по краю ямы... Скрежет лопаты, пластающей влажный песок... Далекий лай собак... Едва слышные голоса, колеблющиеся, как пламя свечи... Бесперерывно сыплющийся песок, который, как наждак, точит кончики нервов... И все это он должен выносить.

Ничего, как-нибудь вытерпит. Но в тот миг, когда утренние голубые лучи скользнули вниз с края ямы, все стало наоборот – началась схватка со сном, впитывавшимся в него, как вода в губку. И если этот порочный круг не будет где-то разорван, то крупинки песка, чего доброго, остановят не только часы, но и само время.

Статьи в газете были все те же. В ней нельзя было различить даже следов того, что недельный разрыв все же существует. Если это окно во внешний мир, то, видимо, стекла в нем – матовые.

"Широко распространилось взяточничество в связи с налогами на корпорации" ... "Университетские городски сделать Меккой индустрии"... "Одно предприятие за другим приостанавливает работу. Заседание Генерального совета профсоюзов приближается: точка зрения будет опубликована" ... "Мать убила двух детей и отравилась сама" ... "Участившиеся похищения автомобилей – новый стиль жизни или новый вид преступлений!" ... "Неизвестная девушка уже три года приносит цветы к полицейской будке" ... "Трудности олимпийского бюджета Токио" ... "Сегодня призрак снова зарезал двух девушек" ... "Студенты губят здоровье наркотиками" ... "Курса акций коснулся осенний ветер" ... "Известный тенор Блю Джексон приезжает в Японию" ... "В Южно-Африканской Республике снова волнения: 280 убитых и раненых" ... "Воровская школа без платы за обучение: замешаны женщины; аттестаты об окончании – в случае успешной сдачи экзаменов".

Ни одной статьи, которую было бы жалко пропустить. Призрачная башня с просветами, сложенная из призрачного кирпича. Впрочем, если бы на свете существовало лишь то, что жалко упустить, действительность превратилась бы в хрупкую стеклянную поделку, к которой страшно прикоснуться. Но жизнь – те же газетные статьи. Поэтому каждый, понимая ее бессмысленность, ось компаса помещает в своем доме.

И вдруг на глаза попала поразительная статья.

"Около восьми часов утра четырнадцатого на строительном участке жилого дома, улица Ёкокава, 30, экскаваторщик Тосиро Цутому (28 лет), работавший в компании Хинохара, был придавлен обвалившимся песком и получил тяжелое увечье. Он был доставлен в ближайшую больницу, но вскоре умер. Согласно расследованию, произведенному полицейским участком Ёкокава, причиной несчастного случая послужило, по всей вероятности, то, что, срывая десятиметровую гору, он выбрал слишком много песка".

Понятно... Они нарочно подсунили мне эту статью. Даром они не стали бы выполнять мою просьбу. Хорошо еще, что не обвели ее красными чернилами. Для слишком скандальных типов можно припасти, мол, и Черного Джека... Кожаный мешок наполняют песком – такой штукой шибанешь не хуже, чем железной или свинцовой палкой... Сколько бы ни говорили, что песок течет, но от воды он отличается... По воде можно плыть, под тяжестью песка человек тонет...

Слишком радужным казалось мне мое положение.

Но изменение тактики было связано с серьезными сомнениями и потребовало немало времени. Прошло, пожалуй, часа четыре, как женщина ушла копать. По времени корзины с песком должны быть подняты уже второй раз, переносчики закончили свою работу и ушли к пикапу. Прислушавшись и убедившись, что они не возвратятся, мужчина встал потихоньку и оделся. Женщина ушла с лампой, поэтому все приходилось делать на ощупь. Ботинки были полны песка. Он заправил ботинки в носки, достал гетры и положил их в карман. Ящик для

насекомых и другие свои вещи он решил сложить у двери, чтобы потом легче было найти. Земляной пол, на который он спустился, был покрыт песчаным ковром, и он мог не красться – шагов все равно не слышно.

Женщина поглощена работой. Легко орудует лопатой, вонзая ее в песок... Дышит ровно, сильно... В свете лампы, стоящей у ее ног, пляшет длинная тень... Он притаился за углом дома, затаив дыхание. Взяв в руки концы полотенца, сильно растянул его в стороны. Сосчитаю до десяти и выскочу... Нужно сразу напасть – в тот момент, когда она, нагнувшись, начнет поднимать лопату с песком.

Нельзя, конечно, утверждать, что никакой опасности нет. И то сказать – их отношение к нему может через какие-нибудь полчаса резко измениться. Ведь существует же этот самый чиновник префектуры. Не случайно же старик принял его сначала за этого чиновника и так насторожился. Они, видимо, ожидают, что вот-вот приедут их инспектировать. А если так, то не исключено, что при обследовании мнения в деревне разделятся, скрывать его существование окажется невозможным, и они в конце концов откажутся от мысли держать его взаперти. Правда, нет никакой гарантии, что эти полчаса не растянутся на полгода, на год, а то и больше. Полчаса или год – шансы равны. Он бы не стал биться об заклад, что это не так.

Но если представить себе, что ему протянут руку помощи, то гораздо выгоднее и дальше притворяться больным. Именно к этому вопросу он все время мысленно возвращался. Раз он живет в стране, где существуют закон и порядок, то естественно надеяться на помощь. Те люди, которые скрывались в тумане загадочности и, не подав признаков жизни, попадали в число пропавших без вести, в большинстве случаев сами этого хотели. Кроме того, если ничто не указывает на преступление, исчезновение рассматривается не как уголовное, а как гражданское дело и полиция особенно глубоко в него не вникает. Но в случае с ним обстоятельства совсем иные. Он жаждет помощи, он взывает о ней ко всем – ему безразлично, откуда она придет.. Даже для человека, ни разу не видевшего его, не слышавшего его голоса, все станет сразу ясным, как только тот хоть мельком взглянет на его дом, оставшийся без хозяина. Недочитанная книга, раскрытая на той странице, как он ее оставил... Мелочь в карманах костюма, в котором он ходил на работу... Чековая книжка – пусть на очень скромную сумму, – с которой в последнее время не снимал деньги... Ящик с недосушенными насекомыми, еще не приведенными в порядок... Заказ на новые банки для насекомых, приготовленный к отправке, с наклеенной маркой... Все брошено незаконченным и указывает на намерение хозяина вернуться. Посетитель, хочет он того или нет, не может не внять мольбе, которая так и слышится в этих комнатах.

Да... Если бы не было того письма... Если бы только не было того дурацкого письма... Но оно было... Сон оказался вещим, а сейчас он снова старается убедить в чем-то самого себя. Для чего? Довольно уверток. Потерянного не вернешь. Он своими собственными руками уже давно задушил себя.

Все, что касалось этого отпуска, он держал в глубокой тайне и ни одному из сослуживцев намеренно не рассказывал, куда едет. И мало того, что молчал, он сознательно старался окутать свою поездку тайной. Прекрасный способ – лучше не придумаешь, чтобы подразнить этих людей, которые в своей будничной, серой жизни сами с ног до головы стали серыми. Сейчас он занимался самоуничижением: стоило ему подумать, что среди всей этой серости не он, конечно, а другие могли быть и другого цвета – красного, голубого, зеленого...

Лето, полное ослепительного солнца, бывает ведь только в романах и кинофильмах. А в жизни – это воскресные дни скромного маленького человека, который выехал за город, где все тот же запах едкого дыма, и лежит на земле, подстелив газету, открытую на страницах, посвященных политике... Термос с магнитным стаканчиком и консервированный сок... взятая напрокат после долгого стояния в очереди лодка – пятнадцать йен в час... Побережье, на которое накатывается свинцовая пена прибоя, кишашая дохлой рыбой... А потом электричка, битком набитая до смерти уставшими людьми... Все всё прекрасно понимают, но, не желая прослыть глупцами, позволившими одурaczyć себя, усердно рисуют на сером холсте какое-то подобие праздника. Жалкие, небритые отцы тормозят своих недовольных детей, заставляя их подтвердить, как прекрасно прошло воскресенье... Сценки, которые каждый хоть раз да видел

в углу электрички... Почти трогательная зависть к чужому солнцу.

Но если бы дело было только в этом, особенно близко принимать все к сердцу он не стал бы. Если бы тот человек не реагировал на все так же, как и остальные сослуживцы, едва ли стоило бы упрямыться.

Только тому он оказывал особое доверие. Человеку с ясными, правдивыми глазами, с лицом, всегда казавшимся свежеемытым. Он был активистом профсоюзного движения. С этим человеком однажды он попытался даже серьезно и искренне поделиться своими сокровенными мыслями, которые скрывал от других.

- Ты как считаешь? Меня вот просто мучит проблема образования, подкрепляемого жизнью...

- Что значит "подкрепляемого"?

- Ну, в общем, образование, которое зиждется на иллюзии и заставляет воспринимать несуществующее как существующее. Взять хотя бы песок - он представляет собой твердое тело, но в то же время в значительной мере обладает гидродинамическими свойствами. Это как раз и привлекает к нему мой пристальный интерес.

Человек оторопел. По-кошачьи сутулый, он ссутулился еще больше. Но выражение лица, как всегда, оставалось открытым. Он ничем не показал, что идея противна ему. Кто-то сказал однажды, что он напоминает ленту Мебиуса. Лента Мебиуса - это перекрученная один раз и соединенная концами полоска бумаги, которая превращается таким образом в плоскость, лишенную лицевой и оборотной стороны. Может быть, в это прозвище вкладывали тот смысл, что он, как лента Мебиуса, слил воедино свою профсоюзную деятельность и личную жизнь? Вместе с легкой издевкой в этом прозвище звучало и одобрение.

- Может быть, ты имеешь в виду реалистическое образование?

- Нет, возьми мой пример с песком... разве мир в конечном счете не похож на песок?... Этот самый песок, когда он в спокойном состоянии, никак не проявляет своего существа... На самом деле не песок движется, а само движение есть песок... Лучше мне не объяснить...

- Я и так понял. Ведь в практике преподавания заключены важнейшие элементы релятивизма.

- Нет, не то. Я сам стану песком... Буду видеть все глазами песка... Умерев раз, нечего беспокоиться, что умрешь снова...

- Уж не идеалист ли ты, а?... А ты ведь, пожалуй, боишься своих учеников, правда?

- Да потому, что я и учеников считаю чем-то похожим на песок...

Тот человек звонко рассмеялся тогда, обнажив свои белые зубы, ничем не показывая, что ему не по душе разговор, в котором они так и не нашли точек соприкосновения. И без того маленькие глаза совсем упрятались в складках лица. Он, помнится, тоже не мог не улыбнуться в ответ. Этот человек действительно был лентой Мебиуса. И в хорошем смысле, и в плохом. Стоило уважать его хотя бы за хорошую его половину.

Но даже этот Лента Мебиуса, так же как и остальные сослуживцы, явно выказывал черную зависть к его отпуску. Это уж совсем не было похоже на ленту Мебиуса. Завидуя, он в то же время и радовался. Ходячая добродетель часто вызывает раздражение. И поэтому дразнить его доставляло огромное удовольствие.

И тут это письмо... Сданная карта, которую уже не вернешь. Вчерашний кошмар никак нельзя считать беспричинным.

Было бы ложью сказать, что между ним и той, другой женщиной не было никакой любви. Между ними были какие-то тусклые и, пожалуй, неясные отношения, и он никогда не знал, чего можно от нее ждать. Стоило, к примеру, ему сказать, что брак, по существу сходен с распашкой целины, как она безапелляционно и зло возражала, что брак должен означать расширение дома, который стал тесен. Скажи он наоборот - она бы и на это, безусловно, возразила. Это была игра - кто кого переиграет, которая продолжалась без устали уже два года и четыре месяца. Может быть, правильнее было бы сказать, что они не столько утратили страсть, сколько в конце концов заморозили ее,. Потому что слишком идеализировали.

И вот тогда-то совершенно неожиданно и созрело решение оставить письмо и сообщить в нем, что на некоторое время он уедет один, не указав места. Тайнственность, которой он укутал свой отпуск, так безотказно действовавшая на сослуживцев, не могла не подействовать на нее. Но в последнюю минуту, уже написав адрес и наклеив марку, он решил, что это дурачество, и оставил

письмо на столе.

Безобидная шутка сыграла роль автоматического замка с секретом, который может открыть только владелец сейфа. Письмо обязательно должно было попасться кому-нибудь на глаза. В нем, конечно, усмотрели нарочно оставленное доказательство того, что он исчез по собственной воле. Он уподобился неумному преступнику, который с тупым упорством уничтожает отпечатки пальцев, хотя его видели на месте преступления, и этим только доказывает свою преступность.

Возможность выбраться из плена отдалилась. И сейчас, хотя он все еще не терял надежды, надежда задыхалась от яда, которым он сам ее отравил. Теперь у него один путь – вырваться отсюда, пусть даже силой. Сомнения сейчас недопустимы.

Перенеся всю тяжесть тела на пальцы ног, так что они до боли врезались в песок, он решил: сосчитаю до десяти и выскочу... Но досчитал до тринадцати – и все не мог решиться. Наконец, отсчитав еще четыре вдоха, он вышел из-за укрепления.

Для того, что он замышлял, движения его были слишком медленными. Песок поглощал все силы. Тем временем женщина повернулась и, опершись на лопату, с изумлением уставилась на него.

Если бы женщина оказала сопротивление, результат был бы совсем иным. Но его расчет на неожиданность оправдался. Правда, он действовал слишком нервозно, но и женщина была так потрясена, что ее словно парализовало. Ей и в голову не пришло отогнать его лопатой, которую она держала в руках.

– Не поднимай крика!.. Ничего тебе не сделаю... Тихо!.. – шептал он сдавленным голосом, как попало заталкивая ей в рот полотенце. Но она и не пыталась противиться этим неловким, слепым действиям.

Почувствовав ее пассивность, мужчина взял себя в руки. Он вытащил концы полотенца у нее изо рта, плотно обмотал ей голову и завязал их сзади узлом. Потом гетрой, которую приготовил заранее, крепко-накрепко связал ей за спиной руки.

– А теперь быстро в дом!

Женщина, совершенно оцепеневшая, покорно подчинялась не только действиям, но и словам. Какая уж тут враждебность – она и тени сопротивления не оказывала. Видимо, впала в состояние, подобное гипнозу. Мужчина не задумывался над тем, что делал, и не знал, делает ли он то, что нужно, но грубое насилие, видимо, и лишило ее способности сопротивляться. Он заставил женщину подняться с земляного пола наверх. Второй гетрой связал ей ноги у лодыжек. Он все делал в полной тьме, на ощупь, и оставшийся кусок гетры еще раз обмотал для верности вокруг ног.

– Ну вот, сиди спокойно, ясно?.. Будешь себя хорошо вести, ничего тебе не сделаю... Но смотри, со мной шутки плохи...

Всматриваясь в ту сторону, откуда слышалось дыхание женщины, он стал пятиться к двери, потом быстро выскочил наружу, схватил лопату и лампу и тут же вернулся в дом.

Женщина повалилась набок. Она часто и тяжело дышала в такт дыханию поднимала и опускала голову. При вдохе она вытягивала челюсть – наверное, для того, чтобы не вдыхать песок из циновки. А при выходе – наоборот, чтобы воздух из ноздрей с большей силой сдувал песок с лица.

– Ладно, потерпишь немного. Дождись, пока вернутся эти, с корзинами. После всего, что я перенес, тебе лучше молчать. Кроме того, я ведь заплачу за то время, что пробыл здесь... Ну а всякие там расходы ты в общем сама подсчитаешь... Ну а всякие там расходы ты в общем сама подсчитаешь... Не возражаешь?.. Возражаешь?! По правде говоря, мне бы ничего не следовало платить, но я просто люблю, чтобы все было по честному. Поэтому, хочешь или нет, все равно отдам эти деньги.

Обхватив рукой шею, точно помогая себе дышать, мужчина напряженно, с беспокойством прислушивался к какому-то шуму, слышавшемуся снаружи. Да, лампу лучше потушить. Он поднял стекло и уже готов был задуть огонь... Нет, надо проверить еще разок, как там женщина. Ноги перевязаны достаточно крепко – палец не просунешь. С руками тоже все в порядке – запястья побагровели, обломанные до мяса ногти стали цвета старых, загустевших чернил.

Кляп отличный. Ее и без того бесцветные губы так растянуты, что в них не осталось ни кровинки – ну просто призрак. Сочившаяся слюна образовала

черное пятно на циновке, как раз под щекой. Оттуда, где виднелась женщина, в колеблющемся свете лампы, казалось, слышался беззвучный вопль.

- Ничего не поделаешь. Сама заварила кашу... - В его торопливо брошенных словах сквозила нервозность. - Ты меня пыталась обмануть, я - тебя. В расчете? Я ведь все ж таки человек, меня нельзя так вот просто посадить на цепь, как собаку... Любой скажет, что это честная, законная самозащита.

Неожиданно женщина повернула голову, стараясь уголком полузакрытого глаза поймать его взгляд.

- Ну что?.. Хочешь что-нибудь сказать?

Женщина как-то неопределенно покачала головой. Вроде бы и утвердительно, вроде бы и отрицательно. Он приблизил лампу к ее лицу, пытаясь прочесть по глазам. Сначала он даже не поверил. В них не было ни злобы, ни ненависти, а лишь бесконечная печаль и, казалось, мольба о чем-то.

Быть не может... Наверное, кажется... "Выражение глаз" - это просто-напросто красивый оборот... Разве может быть в глазах какое-то выражение, если глазное яблоко лишено мускулов? Но все же мужчина заколебался и протянул было руки, чтобы ослабить кляп.

И тут же отдернул. Торопливо потушил лампу. Приближались голоса переносчиков корзин с песком. Чтобы потушенную лампу легче было найти, он поставил ее на самый край приподнятого над землей пола и, вынув из-под умывальника котелок с водой, припал к нему и стал жадно пить. Потом, схватив лопату, притаился у двери. Он весь взмок. Вот сейчас... Еще пять-десять минут терпения... Решительно подтянул к себе ящик с коллекцией насекомых.

- Эй, - раздался хриплый голос.

- Чего вы там делаете? - точно эхо, послышался другой, еще сохранивший молодые нотки.

Яма была погружена в такой густой мрак, что его, казалось, можно было почувствовать на ощупь, а снаружи уже, наверное, взошла луна, потому что на границе между песком и небом расплывчатым пятном темнела группа людей.

С лопатой в правой руке мужчина пополз по дну ямы.

Наверху раздалась непристойные шуточки. Вниз опустилась веревка с крюком, чтобы поднимать бидоны.

- Тетка, давай побыстрей!

В ту же минуту мужчина, напряженившись, кинулся к веревке, поднимая за собой клубы песка.

- Эй, поднимай, - заорал он, вцепившись обеими руками в шершавую веревку с такой силой, что, будь это камень, пальцы все равно вошли бы в него. - Поднимай! Поднимай! Пока не поднимете, не отпущу... Женщина в доме валяется связанная! Хотите помочь ей - быстрее тяните веревку. А до тех пор никого не подпущу к ней!.. Если кто попробует сюда сунуться, лопатой башку раскрою... Суд будет - я выиграю! Снисхождения не ждите!.. Ну, что мешкаете? Если сейчас поднимете меня, не подам в суд, буду обо всем молчать... Незаконное задержание - преступление немалое!.. Ну что там? Давайте ташите!

Падающий песок бьет в лицо. Под рубахой, от шеи вниз, ползет что-то неприятное, липкое. Горячее дыхание обжигает губы.

Наверху как будто совещаются. И вдруг - сильный рывок, и веревка поползла вверх. Тяжесть его болтающегося тела, значительно большая, чем он предполагал, вырывает веревку из рук. Он вцепился в нее с двойной силой. Спазма, точно от сдерживаемого смеха, сдавила живот, и изо рта веером вырвались брызги... Продолжавшийся неделю дурной сон рассыпался и улетает... Хорошо... Хорошо... Теперь спасен!

Неожиданно он почувствовал невесомость и поплыл в пространстве... Ощущение как при морской болезни разлилось по всему телу; веревка, которая до этого чуть ли не сдираала кожу с рук, теперь бессильно лежала в ладонях.

Эти мерзавцы отпустили ее!.. Перевернувшись через голову, он неловко упал в песок. Ящик для насекомых издал под ним противный треск. Потом что-то пролетело, задев щеку. Очевидно, крюк, привязанный к концу веревки. Что делают, негодяи! Хорошо, хоть не задел. Пощупал бок, которым упал на ящик, - кажется, нигде особенно не болит. Вскочил как подброшенный и стал искать веревку. Ее уже подняли наверх.

- Дурачье!

Мужчина завопил не своим голосом.

- Дурачье! Ведь раскаиваться-то будете вы!

Никакой реакции. Только тихий шепот - не различишь слов - плывет, точно дым. Что в этом шепоте - враждебность или насмешка, - не разберешь. И это невыносимо.

Злоба и унижение, точно стальными обручами, сковали его тело. Он продолжал кричать, сжав кулаки так, что ногти впились во взмокшие ладони.

- Еще не поняли?! Слов вы, верно, не понимаете, но ведь я сделал такое, что даже вы поймете! Женщина связана! Слышите?.. Пока не поднимете меня наверх или лестницу не спустите, она так и останется связанной!.. И некому будет песок отгрести... Ну как, нравится?.. Подумайте хорошенько... Если все здесь засыплет песком, вам же хуже будет, верно?.. Песок пересыплется через яму и начнет надвигаться на деревню!..

Вместо ответа они просто ушли, слышался только скрип корзин, которые они волокли по песку.

- Почему?.. Почему вы уходите, так ничего и не сказав?!

Жалкий вопль, который уже никто, кроме него, не слышал. Дрожа всем телом, мужчина нагнулся и стал на ощупь собирать содержимое разбитого ящика для коллекционирования насекомых. Бутылка со спиртом, видимо, треснула: когда он коснулся ее, между пальцами разлилась приятная прохлада. Он беззвучно заплакал. Горевал он не особенно сильно. Да и казалось ему, что плачет кто-то другой.

Песок полз за ним, как хитрый зверь. Блуждая в кромешной тьме, еле передвигая ноги он с трудом добрался до двери. Ящик с отломанной крышкой тихонько положил рядом с очагом. Рев ветра разорвал воздух. Из банки у очага он вынул завернутые в полиэтилен спички и зажег лампу.

Женщина лежала все в той же позе, чуть больше наклонившись к полу. Она слегка повернула голову в сторону двери, стараясь, видимо, выяснить, что делается снаружи. Заморгала от света и сразу же снова плотно закрыла глаза. Как восприняла она жестокость и грубость, которую он только что испытал на себе?.. Хочет плакать - пусть плачет, хочет смеяться - пусть смеется... Еще не все потеряно. Я, и никто другой, держу запал к mine замедленного действия.

Мужчина опустил на колени за спиной женщины. Чуть поколебался, потом развязал полотенце, стягивавшее ей рот. И не потому, что почувствовал вдруг угрызения совести. И уж конечно, не из жалости или сочувствия.

Он просто обессилел. И уже не мог выносить этого бесконечного напряжения. Кляп, в сущности, был ни к чему. Если бы тогда женщина и кричала о помощи, это, может быть, наоборот, вызвало бы растерянность среди его врагов и заставило бы их скорее решить все дело.

Женщина, вытянув подбородок, тяжело дышала. От ее слюны, смешанной с песком, полотенце стало серым и тяжелым, как дохлая крыса. Синие следы от врезавшегося полотенца, казалось, никогда не исчезнут. Чтобы размять одеревеневшие щеки, ставшие твердыми, как вяленая рыба, она беспрерывно двигала нижней челюстью.

- Уже время... - Взяв двумя пальцами полотенце, он отбросил его. - Пора им кончить совещаться. Сейчас прибегут с веревочной лестницей. Ведь если все останется как есть, им же самим хуже будет. Да, это точно... Не хотели беспокойства - нечто было тогда заманивать меня в эту ловушку.

Женщина проглотила слюну и облизнула губы.

- Но... - Язык еще плохо ее слушался, и она говорила глухо, точно с яйцом во рту. - Звезды взошли?

- Звезды?.. При чем тут звезды?..

- А вдруг звезды не взошли...

- Ну и что, если не взошли?

Женщина, обессилев, снова замолчала.

- В чем дело? Начали - договаривайте! Хотите составить гороскоп? Или, может быть, это местное суеверие?.. Еще скажите, что в беззвездные ночи нельзя спускать лестницу?.. Ну так как же? Я не понимаю, когда молчат!.. Может, вы заговорите, когда взойдут звезды? Ждите, дело ваше... Но что будет если в это время разразится тайфун? Тогда уж нечего будет беспокоиться о звездах!

- Звезды... - Женщина точно по капле выдавливала из себя слова, как из полупустого тюбика. - Если к этому времени звезды еще не взошли, особо сильного ветра не будет...

- Почему?

- Звезд-то не видно из-за тумана.

- Нужно же сказать такое! Разве сейчас ветер дует не так же, как раньше?

- Нет, тогда был намного сильнее. Слышите, он стихает...

Может быть, и верно, что она говорит. Звезды видны как в тумане потому, что у ветра не хватает сил разогнать испарения в воздухе. Нынешней ночью вряд ли будет сильный ветер... Значит, и они там, в деревне, не будут торопиться с решением... И то, что ему представлялось сначала вздором, глупостью, оказалось неожиданно разумным ответом.

- В самом деле... Но я совершенно спокоен... Если они так, то и я могу выждать. Где неделя, там и десять дней, и пятнадцать дней - разница невелика...

Женщина с силой поджала пальцы ног. Они стали похожи на присоски-прилипалы. Мужчина рассмеялся. И, рассмеявшись, почувствовал, как к горлу подступила тошнота.

Ну что себя изводить?... Разве ты не нащупал слабое место своих врагов?... Почему же ты не успокаиваешься, не наблюдаешь?! Ведь когда ты наконец благополучно возвратишься домой, безусловно, стоит описать все пережитое.

...О! Мы поражены. Наконец-то вы решились что-то написать. Действительно, пережили немало. Но на опыте мы учимся - ведь даже дождевой червь не вытянется, если не раздражать его кожу... Спасибо. Мне и правда многое пришлось продумать, даже заглавие уже есть... О! Ну и какое заглавие?... "Дьявол дюн" или "Ужас муравьиного ада"... Да, интригующие заглавия. Но не создают ли они впечатление некоторой несерьезности?... Вы так считаете?... Какими бы ужасными ни были испытания, нет смысла обрисовывать лишь внешнюю сторону событий. Кроме того, герои трагедии - это люди, которые там живут, и, если в написанном вами не будет хотя бы намечен путь к решению проблемы, плакали тогда все эти ваши тяжелые испытания... Свинство?... Что?... Кажется, где-то чистят сточную канаву? Или, может быть, происходит какая-то особая химическая реакция между хлоркой, разбрызганной в коридоре, и запахом чеснока, который исходит у вас изо рта?... Что?... Ничего, ничего, не беспокойтесь, пожалуйста. Сколько бы я ни писал, вижу, что не гожусь в писатели... Это снова совершенно излишняя скромность, не к лицу она вам. Мне кажется, не нужно смотреть на писателей как на людей особой категории. Если пишешь, значит, ты писатель... Существует устоявшееся мнение, что кто-то, а уж эти учителя любят писать - дай им только волю. Это, наверное, потому, что профессионально они сравнительно близки к писателям... Это и есть творческое обучение? И, несмотря на то, что сами они даже коробочку для мелков смастерить не умеют... Коробочка для мелков - благодарю покорно. Разве одно то, что тебе открывают глаза на тебя самого, не есть прекрасное творчество?... И поэтому меня заставляют испытывать новые ощущения, несущие новую боль... Но и надежду!.. Не неся никакой ответственности за то, оправдается эта надежда или нет... Если с самого начала каждый не будет верить в собственные силы... Ну, хватит заниматься самообольщением. Ни одному учителю не позволителен подобный порядок... Порок? Это я о писательстве. Желание стать писателем - самый обыкновенный эгоизм: стремление стать кукловодом и тем самым отделить себя от остальных марионеток. С той же целью женщины прибегают к косметике... Не слишком ли строго? Но если слово "писатель" вы употребляете в таком смысле, то быть писателем и просто писать, пожалуй, и в самом деле не одно и то же... Пожалуй. И именно поэтому я хотел стать писателем! А если не смогу, то и писать не стоит!..

Кстати, как выглядит ребенок, которому не дали обещанного?

Снаружи послышался звук, напоминающий хлопанье крыльев. Схватив лампу, мужчина выскочил за дверь. На дне ямы валялось что-то, завернутое в рогожку. Наверху - ни души. Не притрагиваясь к свертку, он громко закричал. Никакого ответа. Он развязал веревку, стягивавшую рогожку. Пакет с неизвестным содержимым - это взрывчатка, к которой поднесен запал, именуемый любопытством. Против воли в глубине души затеплилась надежда: может быть, какие-нибудь приспособления, чтобы выбраться из ямы?... Эти деревенские бросили сюда все необходимое и поспешно убежали...

Но там был лишь маленький пакет, завернутый в газетную бумагу, и примерно литровая бутылка, заткнутая деревянной пробкой. В пакете три пачки, по двадцать штук, сигарет "Синсэй" И больше ничего. Просто не хотелось верить. Он снова взял рогожу за край и с силой встряхнул ее – посыпался только песок... На худой конец, хоть записочка должна быть, все еще надеялся он, но и ее не оказалось. В бутылке была дрянная водка, пахнувшая прокисшей рисовой лепешкой.

Для чего все это?.. Какая-нибудь сделка?.. Он когда-то слышал, что индейцы в знак дружбы обмениваются трубками. Да и водка – везде знак праздника. И так, можно с полным основанием предположить, что в такой форме они выражают свое стремление как-то договориться.

Обычно деревенские жители стесняются выражать свои чувства словами. В этом смысле они очень простодушны.

Но пока всякие соглашения в сторону – сначала сигареты. Как это он целую неделю вытерпел без них? Привычным движением надрывая уголок пачки, он ощутил глянцеvitость бумаги. Щелкнул по дну и выбил сигарету. Пальцы, взявшие ее, слегка дрожали.

Прикурив от лампы, он медленно и глубоко затянулся, и аромат опавших листьев разлился по всему телу. Губы онемели, перед глазами повис тяжелый бархатный занавес. Будто от удара, у него закружилась голова, охватил озноб.

Крепко прижав к себе бутылку, с трудом сохраняя равновесие, он медленно пошел в дом. Ноги не слушались. Голова, точно стянутая обручем, все еще кружилась. Он хотел посмотреть туда, где была женщина, но никак не мог повернуть голову. Лицо женщины, которое он увидел, краешком глаза, показалось ему удивительно маленьким.

– Подарок вот... – Он высоко поднял бутылку и потряс ею. – здорово сообразили, верно? Теперь, спасибо им, вы можете заранее все отпраздновать... Без слов ясно... Я с самого начала все понял... Что прошло, то прошло... ну как, может, за компанию рюмочку?

Вместо ответа женщина крепко закрыла глаза. Возможно, она сердится за то, что он не развязал ее? Глупая женщина. Ведь если бы она хоть на один вопрос как следует ответила, он бы сразу развязал ее. А может, ей просто обидно? Из-за того, что она не может удержать с таким трудом добытого мужчину и вынуждена – тут уж ничего не поделаешь – отпустить его. Какие-то основания у нее, пожалуй, есть... Ей ведь лет около тридцати, вдова. Сзади на щиколотках у нее какие-то странные, резко очерченные впадины. Он опять почувствовал прилив беспричинного веселья. Почему ноги у нее такие чудные?

– Хотите закурить? Дам огоньку.

– Нет, не хочу, и так в горле сохнет... – тихо ответила она, покачивая головой.

– Может, дать попить?

– Да ничего не надо.

– Не стесняйтесь. Я ведь с вами сделал такое не потому, что питаю какую-то особую злобу именно к вам. Вы сами должны понять, что это было необходимо с точки зрения стратегии. И вот теперь они как будто уступили...

– Мужчинам раз в неделю выдают водку и табак.

– Выдают?.. – Большая муха, которой кажется, что она летит, когда на самом деле она бьется головой о стекло... Научное название *Mushina stabulans*. Почти не видящие глаза, которые воспринимают предметы по частям... Даже не стараясь скрыть растерянность, он спросил: Но зачем же так затрудняться ради нас?! Разве не лучше дать людям возможность самим покурить, что им нужно?

– Работа очень тяжелая, и много ее – ни для чего другого не остается времени... Да и деревне выгодно: часть расходов берет на себя Лига.

Если так, все это означало не соглашение, а совсем наоборот – рекомендацию капитулировать!.. Да нет, пожалуй, еще хуже. Может быть, он уже превратился в колесико, одно из тех, что приводят в движение повседневную жизнь, и в качестве такового внесен во все списки?

– Да, мне бы еще хотелось для верности спросить. Я первый, с которым вот такое случилось здесь?

– Нет. Что ни говори, а рук-то ведь не хватает... И люди, у которых хозяйство, и бедняки – все, кто может работать, один за другим уходят из деревни... Нищая деревушка – песок один...

– Ну так как же... – Даже голос его приобрел защитную окраску – под

цвет песка. Кроме меня есть еще кто-нибудь, кого вы поймали?

- Да, это было в прошлом году, в начале осени... Открыточник...

- Открыточник?

- Ну да, агент одной компании, которая выпускает открытки для туристов, приехал в гости к здешнему руководителю кооператива... Чудесный пейзаж, говорит, только разрекламировать для городских...

- И его поймали?

- Как раз в одном доме в нашем же ряду не хватало рабочих рук...

- И что же дальше?

- Да вроде сразу же и умер... Нет, он с самого начала не очень крепкий был... А тут еще, как назло, время тайфунов, вот и перетрудился...

- Чего ж он сразу не сбежал?

Женщина не ответила. Так все ясно, что и отвечать нечего. Не убежал потому, что не смог убежать... Дело, конечно, только в этом.

- А кроме него?

- Да... в самом начале года был здесь студент, он, кажется, продавал книги.

- Коробейник, что ли?

- Какие-то тонюсенькие книжечки, всего по десять йен. В них было против кого-то написано...

- Студент - участник движения за возвращение на родину... Его тоже поймали?

- Он и сейчас, наверное, живет в третьем от нас доме.

- И веревочная лестница тоже убрана?

- Молодежь никак у нас не приживается... Что же поделаешь, в городе платят лучше, да и кино и рестораны каждый день открыты...

- Но ведь не может быть, чтобы ни одному человеку еще не удалось убежать отсюда?

- Почему же, был один молодой парень, которого сбили с пути дружки, и он убежал в город... Кого-то он там ножом пырнул - даже в газетах об этом писали... Срок ему дали, а после сюда обратно вернули, живет, наверное, спокойно под родительским кровом...

- Не об этом ли я спрашиваю! Я спрашиваю о тех, которые убежали отсюда и не вернулись!

- Это давно было... Помню, целая семья сбежала ночью... Дом долго пустовал, и это стало очень опасно, но уже ничего не сделаешь... правда, очень опасно... Если хоть одно место здесь рухнет - это все равно что трещина в плотине...

- И после этого, говорите, не было?

- Думаю, что нет...

- Абсурд какой-то! - Жилы у него на шее вздулись, стало трудно дышать.

Вдруг женщина перегнулась пополам, точно оса, кладущая яйца.

- Что такое?... Болит?

- Да, больно...

Он дотронулся до ее побелевшей руки. Потом просунул пальцы сквозь узел и пощупал пульс.

- Чувствуете? Пульс вполне хороший... По-моему, ничего серьезного. Понимаю, что поступаю плохо, но мне нужно, чтобы вы пожаловались тем, из деревни, которые во всем виноваты.

- Простите, вы не почешете мне шею, там, за ухом?

Застигнутый врасплох, он не мог отказать. Между кожей и коркой песка был слой густого пота, напоминавшего масло. Было ощущение, что ногти проходят сквозь кожу персика.

- Простите... Но правда, отсюда еще никто не выбирался.

Внезапно очертания двери превратились в бесцветную, неясную линию и уплыли. Это была луна. Осколки тусклого света - точно крылышко муравья. И по мере того как глаза привыкали, все дно песчаной чаши приобретало влажную глянцевищность, какая бывает на сочных молодых листьях.

- Ну что ж, в таком случае я буду первым!

Ждать было тяжело. Время лежало нескончаемыми петлями, похожими на кольца змеи. Вперед можно двигаться лишь из кольца в кольцо. И в каждом кольце сомнение, а у каждого сомнения - свое собственное оружие. И очень нелегко было продвигаться вперед, споря с этими сомнениями, игнорируя их или

отбрасывая.

В мучительном ожидании прошла ночь. Рассвело. Из окна над ним смеялось утро, ползшее, как белая улитка, по его лбу и носу.

- Простите, водички бы...

Что такое? Наверное, задремал на какой-то миг. Рубаха, штаны на коленях взмокли. Песок, налипший на пот, и цветом и на ощупь - точно недопеченная пшеничная лепешка. Он забыл прикрыть лицо, поэтому в носу и во рту пересохло, как на рисовом поле зимой.

- Простите, очень прошу...

Женщина, с ног до головы засыпанная песком, тряслась как в лихорадке. Ее страдания, будто по проводам, передавались и ему. Он снял с котелка полиэтилен и сначала сам жадно припал к нему. Набрал немного воды, чтоб полоскать рот, но одного раза, даже двух было недостаточно. Он все время выплевывал комья песка. Потом махнул рукой и проглотил песок вместе с водой. Это было все равно что глотать камни.

Выпитая вода тут же проступила потом. Воспаленная кожа - на спине сверху донизу, на груди и на боках до самой поясницы - болела так, точно ее сдирали слоями.

Он попил и с виноватым видом поднес котелок ко рту женщины. Она схватила его зубами и, не прополоскав рот, стала пить, постанывая, как голубь. В три глотка она опорожнила котелок. Глаза ее, смотревшие на мужчину из-под припухших век, впервые наполнились беспощадным осуждением. Опустевший котелок стал легким, точно был сделан из бумаги.

Чтобы избавиться от гнетущего чувства вины, мужчина спустился на земляной пол, отряхивая песок. Может, хоть лицо протереть ей влажным полотенцем? Конечно, это гораздо разумнее, чем давать ей задыхаться от пота. Считается, что уровень цивилизации пропорционален степени чистоты кожи. Если у человека есть душа, она, несомненно, обитает в коже. Стоит только подумать о воде, как грязная кожа покрывается десятками тысяч сосков, готовых всосать ее. Холодная и прозрачная как лед, мягкая как пух - великолепноеместилище для души... Еще минута - и кожа на всем его теле сгниет и отвалится.

Он заглянул в бак и отчаянно закричал:

- Там пусто!..

Он засунул в бак руку. Черный песок, скопившийся на дне, лишь испачкал кончики пальцев. Под кожей, жаждавшей воды, закопошились мириады раненых тысяченожек.

- Сволочи, про воду забыли?.. Может, они ее попозже собираются привезти?

Он хорошо понимал, что хочет этим успокоить себя. Пикап всегда заканчивает работу и возвращается в деревню, как только рассветет. Замысел этих негодяев понятен. Они, видимо, решили прекратить доставку воды и довести его до иступления. И он вспомнил - ведь эти люди, прекрасно зная, как опасно подрывать песчаный обрыв, не сочли даже нужным предостеречь его. У них и в мыслях нет заботиться о том, чтобы с ним ничего не случилось. Они, наверное, и в самом деле не собираются выпускать его отсюда живым, человека, так глубоко проникшего в их тайну, и если уж встали на этот путь, то не сойдут с него до конца.

Мужчина остановился в дверях и посмотрел на небо. В розовой краске, разлитой утренним солнцем, с трудом можно было различить пушистые застенчивые облака... Небо не предвещает дождя. С каждым выдохом тело, казалось, теряет воду.

- Да что же они задумали?! Хотят убить меня, что ли?

Женщина по-прежнему дрожала. Она молчит, наверное, потому, что все прекрасно знает. Короче - соучастница преступления, прикидывающаяся жертвой. Помучайся!.. Твои мучения - лишь справедливое возмездие.

Но все ее мучения ни к чему, если о них не узнают те подлецы из деревни. А ведь нет никакой гарантии, что они узнают. Мало того, если понадобится, они, вполне возможно, и женщину, не задумываясь, принесут в жертву. Может быть, поэтому она и напугана так. Зверь слишком поздно обнаружил, что щель, в которую он полез, надеясь убежать на волю, оказалась входом в клетку... Рыба поняла наконец, что стекло аквариума, в которое она то и дело тыкалась носом, - непреодолимая преграда... Он второй раз остался ни с чем. И сейчас оружие в руках у них.

Но пугаться нечего. Потерпевшие кораблекрушение гибнут не столько от

голода и жажды, сколько от страха, что пищи и воды не хватит. Стоит только подумать, что проиграл, и в тот же миг начнется поражение. С кончика носа упала капля пота. Обращать внимание на то, сколько кубических сантиметров влаги потеряно, – значит попасться на удочку врага. Надо бы подумать, сколько потребуется времени, чтобы испарился стакан воды. Ненужные волнения ведь не подгонят эту клячу – время.

– Может, развязать, а?

Женщина настороженно замерла затаив дыхание.

– Не хотите – мне все равно... Хотите – развяжу... Но с одним условием... Без разрешения лопату в руки не брать... Ну как, обещаете?

– Очень прошу, ну пожалуйста! – стала жалобно просить женщина, до того терпеливо сносившая всё. Это было неожиданно, точно зонт вывернуло порывом ветра. – Что хотите обещаю! Очень прошу, ну пожалуйста, пожалуйста!..

На теле остались багровые рубцы, сверху покрытые белесоватой пленкой. Лежа в том же положении, лицом вверх, женщина терла лодыжки одну о другую. Потом начала пальцами разминать запястья. Чтобы не стонать, она стиснула зубы, на лице выступил пот. Вот она медленно перевернулась и встала на четвереньки: сначала на колени, потом на руки. Наконец с трудом подняла голову. Некоторое время она оставалась в этом положении, слегка раскачиваясь.

Мужчина тихо сидел на возвышенной части пола. Он собирал во рту слюну и глотал. После нескольких глотков слюна стала вязкой, как клей, и застряла в горле. Ему не хотелось спать, но от усталости в мозгу все расплывалось, как чернила на влажной бумаге. Перед глазами мелькали какие-то мутные пятна и линии. Точно загадочная картинка. Есть женщина... Есть песок... Есть пустой бак из-под воды... Есть распутившее слюни животное... Есть солнце... И где-то, – где, он и сам не знает, – есть, конечно, и районы циклонов, и переходные слои между течениями воздушных масс. С какой же стороны подступиться к этому уравнению с множеством неизвестных?

Женщина встала и медленно пошла к двери.

– Куда идешь?

Лишь бы отвязаться, она пробормотала что-то, чего он не разобрал. Ему стало понятно, почему все это время ей было так плохо. За деревянной стеной сразу же послышалось, что она тихонько мочится. И вдруг все показалось ему до ужаса никчемным.

Это очень верно: время не начинает вдруг лететь галопом, как лошадь. Но и не тащится медленнее ручной тележки. Постепенно жара достигла своей высшей точки; она довела до кипения глаза и мозг, расплавивла внутренности, подожгла легкие.

Песок, впитавший в себя ночную влагу, выпускает ее в виде испарений в атмосферу... Благодаря преломлению света он сверкает, как мокрый асфальт... Но на самом деле эта, без всяких примесей, одна восьмая миллиметра – суше поджаренной на сковороде мухи.

И вот первый песчаный обвал... Привычный звук, без которого не начинается ни один день, но мужчина невольно переглянулся с женщиной. Один день песок не отгребали – какие будут последствия?... Ничего особенного, подумал он, но все же забеспокоился. Женщина, опустив глаза, молчит. Всем своим видом показывает – сам беспокойся сколько угодно. Ну, раз так – пропади все пропадом, не станет он ее спрашивать. Песчаный поток, сузившись было до тоненькой нитки, снова разросся, превратившись в оби, и так несколько раз. Потом наконец иссяк.

В общем ничего страшного. Он облегченно вздохнул. Внезапно в щеке начались пульсация и жжение. Дешевая водка, о которой он до этого старался не вспоминать, стала вдруг неодолимо манить его к себе, точно светильник во тьме. Что бы там ни было, а горло промочить не мешает. Не то вся кровь из тела испарится. Он прекрасно сознавал, что сеет семена будущих мучений, но больше не мог противиться желанию. Вытащил пробку, поднес бутылку ко рту и стал пить прямо из горлышка. Но язык все еще оставался верным сторожевым псом – заметался, испугавшись неожиданного вторжения. И он захлебнулся. Будто от избытка кислорода. Но не остановился перед соблазном сделать и третий глоток. Пьет в честь чего-то страшного...

Пришлось и женщине предложить. Но она, конечно, решительно отказалась. И с таким видом, будто ей отраву предлагают выпить. Как он и опасался,

упавший в желудок алкоголь тотчас же, как шарик пинг-понга, подскочил к голове и зажужжал в ушах, точно оса. Кожа становится жесткой, как шкура свиньи. Кровь разлагается!.. Кровь испаряется!

- Нужно что-то делать! Самой, наверное, тоже не сладко? Веревки я ведь развязал - делай теперь что-нибудь!

- Хорошо... Но если я не попрошу кого-нибудь из деревни привезти воды...

- А разве этого нельзя сделать?!

- Только если работу начнем, тогда...

- Мне не до шуток! Ну скажи... Есть у кого-нибудь такие права?

Женщина опустила глаза и плотно сжала губы. Ну что ты будешь делать?! Клочок неба, видневшийся сквозь щель над дверью, из ярко-голубого превратился в блестяще-белесый, как внутренность морской раковины. Допустим, долг - это паспорт человека, но почему он должен визировать его у этих типов!.. Жизнь человека - не разбросанные обрывки бумаги... Она закрытый, тщательно сброшюванный дневник... Одной первой страницы для единственного экземпляра вполне достаточно... И незачем выполнять свой долг на тех страницах, которые не будут иметь продолжения... Если каждый раз спасать ближних, умирающих от голода, ни на что другое времени не останется... Черт, как хочется пить!.. А какое множество людей умирает от жажды, - если бы ему нужно было хоронить всех умерших, то, сколькими бы телами он ни обладал, их все равно не хватило бы.

Начался новый обвал.

Женщина поднялась и взяла веник, стоявший у стены.

- Не вздумай работать! Ведь, кажется, обещала?

- Нет, с одеяла...

- С одеяла?

- Если вы немного не поспите...

- Захочу спать - сам сделаю все, что нужно!

Неожиданный толчок, точно всколыхнулась земля, потряс дом. На миг глаза, как дымом, застлало песком, посыпавшимся с потолка. Вот он наконец, результат того, что песок не отгребали. Не имея стока. Он прорвался вниз. Балки и столбы дома, сдерживая напор, жалобно застонали всеми суставами. Но женщина, пристально уставившись на притолоку двери, не выказала особого беспокойства. Наверное, потому, что давление испытывал еще только фундамент.

- Сволочи, негодяи... Сколько же можно?.. Им, видно, все нипочем...

Как сердце колотится!.. Ему не терпится ускакать, точно испуганному зайчонку... Не в силах усидеть в своей норе, оно готово забиться куда угодно - в рот, в уши, в кишки. Слюна стала еще более вязкой. Но в горле не очень пересохло. Наверное, потому, что выпил водки и слегка опьянел. Но как только алкоголь выветрится, оно начнет гореть огнем. И огонь испепелит его.

- Сделали такое... и радуются... Потому что и мышиных-то мозгов у них нет... Ну что они будут делать, если я здесь подохну?!

Женщина подняла голову, собираясь что-то сказать, но опять промолчала. Подумала, должно быть, что отвечать бесполезно. Это ее молчание как бы подтверждало, что разговоры бесцельны, что ответ может быть только плохим. Хорошо... если конец все равно один, почему бы ему не испробовать все, что только возможно?!

Мужчина еще раз глотнул из бутылки и, приободрившись, выскочил наружу. В глаза ударила струя расплавленного свинца, он пошатнулся. В следах, оставленных ногами, сразу же закружились водовороты песка. Вон там он бросился ночью на женщину и связал ее... Где-то должна быть засыпана и лопата. Обвал как будто приостановился, но со склона ямы, обращенного к морю, песок продолжал беспрерывно сыпаться. Временами, из-за ветра, что ли, этот поток отрывался от стены и развеивался в воздухе, точно кусок полотна. Следя за тем, чтобы не вызвать новую лавину, он стал осторожно носком ботинка шарить в песке.

Недавно был обвал, значит, искать нужно глубже, однако нога нигде не встречала сопротивления. Прямые лучи солнца жгли нестерпимо. Сузившиеся до точки зрачки... лоб... Нельзя больше терять ни капли пота... Это предел. Да, но куда же запропастилась моя лопата?.. Точно, я ее держал в руках, собираясь использовать как оружие... Ну, значит, ее засыпало где-то там... Он стал осматривать дно ямы и сразу же увидел, что в одном месте песок возвышается в форме лопаты.

Мужчина собрался было сплунуть, но тут же одернул себя. Все, что содержит хоть каплю влаги, нужно стараться удержать в организме. Между зубами и губами он постарался отделить песок от слюны и только то, что налипло на зубах, счистил пальцем.

В углу комнаты женщина, повернувшись лицом к стене, что-то делала со своим кимоно. Может, ослабила пояс и вытряхивает песок? Мужчина взял лопату за середину ручки и поднял ее вровень с плечом. И нацелился острием в наружную стену у дверей...

За его спиной раздался крик женщины. Он ударил лопатой, навалившись на нее всей тяжестью. Лопата легко прошла сквозь деревянную стену. Спротивление не больше того, какое оказала бы сырая вафля. Омытая снаружи песком, стена выглядит как новая, но на самом деле уже почти совсем сгнила.

- Что вы делаете?

- Разломаю ее на куски, и у меня будет материал для лестницы.

Выбрал другое место и попробовал еще раз. То же самое. Видимо, женщина была права, когда говорила, что песок гноит дерево. Если гниет даже эта стена, на солнечной стороне, то можно себе представить, каковы остальные. Как только эта развалюха еще стоит... Покосившаяся набок, точно одна сторона у нее парализована... Может быть, в самое последнее время, когда стали строить дома из бумаги и пластика, и существуют конструкции, которые держатся неизвестно как...

- Ну что ж, если доски не годятся, попробуем поперечные балки.

- Нельзя! Перестаньте, пожалуйста!

- Да чего там, песок все равно вот-вот раздавит.

Не обращая на нее внимания, он размахнулся, чтобы ударить по бревну, но женщина с криком бросилась вперед и повисла у него на руке. Он вырвал локоть и развернулся, стараясь стряхнуть ее. Но, видимо, не рассчитал - вместо того чтобы свалить женщину, упал сам. Тут же вскочил и набросился на нее, но она впиалась в лопату железной хваткой. Что такое?.. Ведь пересилить его она не может... Они несколько раз перекатились по земляному полу, и в тот короткий момент, когда ему уже казалось что он ее одолел и прижал к полу, женщина, орудуя лопатой, как щитом, легко сбросила его с себя. Что ты будешь делать!.. Наверное, из-за того, что водки выпил... И, уже не считаясь с тем, что его противник - женщина, он изо всех сил ударил ее согнутым коленом в живот.

Женщина закричала и сразу обмякла. Не теряя ни минуты, он навалился на нее. Грудь ее обнажилась, и руки мужчины скользили по вспотевшему голому телу.

Вдруг они замерли, как бывает в кино, когда испортился кинопроектор. Еще минута - и драка за лопату могла превратиться в нечто совсем иное. Но тут она вдруг сказала хрипло:

- А ведь городские женщины все красивые, правда?

- Городские женщины?.. - Он вдруг смутился... И угас... Опасность как будто миновала... Он не представлял себе, что мелодрама может существовать и здесь, в этих песках. Но, видимо, нет такой женщины, которая, даже раздвигая колени, не была бы убеждена, что мужчина оценит ее по достоинству, только если будет разыграна мелодрама. Эта трогательная и наивная иллюзия как раз и делает женщину жертвой одностороннего духовного насилия... Наивность женщины превращает мужчину в ее врага.

Жесткое, точно накрахмаленное, лицо, дыхание, вырывающееся со скоростью урагана, слюна вкуса жженого сахара... Ужасная затрата энергии. Потом вышло не меньше стакана влаги. Женщина медленно поднялась, опустив голову. Ее засыпанное песком лицо было на уровне его глаз. Неожиданно она высморкалась пальцами и вытерла руку песком. Потом наклонилась, и шаровары соскользнули вниз.

Мужчина с раздражением отвел глаза. Хотя сказать "с раздражением" было бы не совсем верно. На языке осталось какое-то странное ощущение, но не жажда - другое...

Он смутно чувствовал, что существуют два вида полового влечения. Например, люди типа Ленты Мебиуса, ухаживая за девушкой, начинают, как правило, с лекций о питании и вкусе. Если взять голодного человека, рассуждают они, для него существует лишь пища вообще, для него все имеет один вкус - и говядина из Кобэ, и хиросимские устрицы... Но стоит ему

насытиться, как он начинает различать вкус пищи... То же самое и в половом влечении: существует половое влечение вообще, и уже потом возникает половое влечение в частности... Секс тоже нельзя рассматривать вообще. Все зависит от места и времени: иногда необходимы витамины, в других случаях – угорь с рисом. Это была совершенная, глубоко продуманная теория, но, как ни печально, пока не нашлось ни одной девушки, которая предложила бы ему себя, чтобы испытать в соответствии с этой теорией половое влечение вообще или в частности. И совершенно естественно. Ни мужчину, ни женщину нельзя увлечь с помощью одной теории. Да и этот дурачки прямодушный Мебиус прекрасно все понимал, и только потому, что ему было противно духовное насилие, он продолжал звонить у дверей пустых домов.

Он и сам не был, конечно, настолько романтичным, чтобы мечтать о не замутненных ничем половых отношениях... Они возможны, лишь когда уже стоишь одной ногой в могиле... Начинаящий засыхать бамбук спешит принести плоды... Умиравшие от голода мыши во время миграции неистово совокупаются... Больные туберкулезом все как один страдают повышенной возбудимостью... Живущий в башне король или правитель, способный лишь на то, чтобы спускаться по лестнице, всего себя отдает постройке гарема...

Но, к счастью, человек не всегда находится под угрозой смерти. Человек, которому уже не нужно было испытывать страха перед зимой, мог освободиться и от сезонных периодов любви. Но когда заканчивается борьба, оружие превращается в бремя. Пришел тот, кого именуют порядком, и вместо природы он дал человеку право контроля над клыками, когтями и потребностью пола. И половые отношения уподобились сезонному билету на пригородный поезд: при каждой поездке обязательно компостировать. Причем необходимо еще убедиться, что билет не поддельный. И эта проверка точно соответствует громоздкости установленного порядка. Она до невероятности обременительна. Самые различные документы: контракты, лицензии, удостоверение личности, пропуск, удостоверение об утверждении в звании, документ о регистрации, членский билет, документы о награждении, векселя, долговые обязательства, страховой полис, декларация о доходах, квитанции и даже родословная – в общем, необходимо мобилизовать все бумажки, какие только могут прийти на ум.

Из-за этого половые отношения оказываются погребенными под грудой документов, как личинки бабочки-мешочницы. И все бы ничего, если бы дело ограничивалось этим. Но, может быть, бумажки нужны и дальше?.. Не забыты ли еще какие-нибудь?.. И мужчина и женщина снедаемы мрачными подозрениями, что противная сторона недостаточно ревностно собирала документы... И вот, чтобы показать свою честность, они выдумывают все новые и новые... И никто не знает, где же он, этот последний документ... И нет предела этим документам...

(Та женщина обвиняла меня в излишней придирчивости. Но я не придираюсь, это так и есть!

- Но не таковы разве обязанности любви?

- Ни в коем случае! Любовь – это то, что остается, когда методом исключения отбрасываются запреты. Если не верить в это, – значит, не верить ни во что.

Было бы, конечно нерезонным доходить до того, чтобы терпеть вещи дурного вкуса: прикреплять ко всему, что связано с сексом, наклейки, будто это подарок. Будем каждое утро тщательно разглаживать любовь утюгом... Чуть поношенная, она становится старой... Но разгладишь складки – и она опять как новая... И как только она становится новой – тут же начинает стареть... Разве кто-нибудь обязан серьезно слушать подобные непристойности?

Конечно, если бы порядок гарантировал жизнь тем, кто его поддерживает, то еще имело бы смысл идти на уступки. Но на самом-то деле как? Шипы смерти падают с небес. Да и на земле видам смерти нет числа. То же начинает смутно ощущаться и в половой жизни. Будто в руках – фиктивный вексель. Тогда-то и начинается подделка сезонного билета – когда один не удовлетворен. Ну что ж, это деловой подход. Или же как неизбежное зло признается необходимость духовного насилия. Без этого почти ни один брак не был бы возможен. Примерно так же поступают и те, кто проповедует свободную любовь. Они лишь под благовидным предлогом до предела рационализируют взаимное насилие. Если принять это как должное, то в нем, по-видимому, можно найти определенное удовольствие. Но свобода, сопровождающаяся непрерывным беспокойством о плохо задернутых занавесках, приводит лишь к психическому расстройству.

Женщина, казалось, тонко уловила чувства, владевшие мужчиной. Она как будто раздумала завязывать шнурок, поддерживавший шаровары. Конец распущенного шнурка висел у нее между пальцами. Своими кроличьими глазами она посмотрела на мужчину. Глаза ее походили на кроличьи не только из-за покрасневших век. Мужчина ответил ей взглядом, в котором время остановилось. Вокруг женщины распространился резкий запах: так пахнет, когда варят жилистое мясо.

По-прежнему придерживая руками шнурок, она прошла мимо мужчины, поднялась в комнату и стала снимать шаровары. И так непринужденно, естественно, будто просто продолжала делать то, что начала раньше. А ведь это и есть настоящая женщина, промелькнуло у него в голове. И он решился. Болван, помедлишь еще немного – и все пропало. Он тоже быстро распустил ремень.

Еще вчера он бы, наверное, решил, что это очередной спектакль, который устраивает женщина, – как и та ямочка на щеке, и тот застенчивый смех. А может, так оно и есть. Но ему не хотелось так думать. Время, когда он мог использовать ее как предмет торга, уже прошло... Сейчас решить все может только сила... У него были все основания думать, что от торга нужно отказаться, что их отношения будут строиться на взаимном доверии...

Опустившись на одно колено, женщина скрученным полотенцем сметала песок с шеи. Неожиданно сорвалась новая лавина. Весь дом вздрогнул и заскрипел. Досадная помеха?... Голову женщины в мгновение ока засыпало белой пудрой. Песок плавал в воздухе, точно туман. Плечи и руки тоже покрылись тонким слоем песка. Обнявшись, они ждали, когда кончится обвал.

Налипший песок пропитался потом, а сверху сыпался новый и новый... Плечи у женщины дрожали, мужчина тоже был раскален – вот-вот закипит... И все же непонятно, почему его с такой силой влечут к себе ее бедра?... Настолько, что он готов вытягивать из себя нерв за нервом и обвивать вокруг ее бедер... Это напоминало прожорливость хищного зверя. Он весь был налит силой точно скрученная пружина... С той он ни разу не испытывал такого...

Обвал прекратился. Мужчина, будто только этого и ждал, начал помогать женщине сметать песок с тела. Она хрипло смеялась. От груди к подмышкам, а оттуда к бедрам – руки мужчины становились все настойчивей. Пальцы женщины с силой впились в его шею; иногда она тихонько вскрикивала.

Когда он закончил, настала очередь женщины счищать песок с него. Он прикрыл глаза и ждал, перебирая ее волосы. Они были густые и жесткие.

Судорога... Повторяется то же самое... Она неизменно приходит, когда он, отдаваясь мечтам о чем-то, занимается другим делом: есть, ходит, спит, икает, кричит, соединяется с женщиной...

Видимо, он ненадолго задремал, беспокойно ворочаясь, весь в поту и слизи, напоминавшей прогорколый рыбий жир. Он видел сон. Ему снился разбитый стакан, длинный коридор с разъехавшимся полом, уборная с унитазом, доверху полным испражнений, ванная комната, которую он никак не мог найти, хотя шум воды был все более слышен. Какой-то мужчина пробежал с флягой. Он попросил глоточек воды, но тот злобно посмотрел на него и, как кузнечик, ускакал.

Мужчина проснулся. Что-то клейкое и горячее жгло язык. С удвоенной силой вернулась жажда... Пить!.. Сверкающая кристальная вода... Серебристые пузырьки воздуха, поднимающиеся со дна стакана... А сам он – водопроводная труба в заброшенном полуразрушенном доме, запыленная, затянута паутиной, задохнувшаяся, как выброшенная из воды рыба...

Он встал. Руки и ноги тяжелые, как резиновые подушки, полные воды... Он подобрал валявшийся на земляном полу котелок и, запрокинув, поднес его ко рту. Секунд через тридцать на кончик языка упали две-три капли. Но язык впитал их, как промокательная бумага. А горло, так ждавшее этих капель, конвульсивно сжималось, безуспешно пытаясь проглотить их.

В поисках воды мужчина перерыл около умывальника все, что попадалось под руку. Среди всех химических соединений вода – самое простое. Нельзя не найти ее, как нельзя не найти в ящике стола завалявшуюся десятицентовую монету. Ага, запахло водой. Точно, запах воды. Мужчина стремительно сгреб со дна бака влажный песок и набил им рот. Подступила тошнота. Он нагнулся, живот сжала спазма. Его вырвало желчью, потекли слезы.

Головная боль точно свинцовым листом придавила глаза... Физическая близость в конечном счете лишь сократила путь к гибели. Вдруг мужчина, встав

на четвереньки, начал по-собачьи разгребать песок у выхода. Вырыв яму до локтя, он увидел, что песок стал темным и сырым. Опустив туда голову, прижавшись к нему горячим лбом, он глубоко вдыхал запах песка. Если как следует подышать так, то в желудке кислород и водород непременно соединятся.

- Черт возьми, руки до чего грязные! - Он вцепился ногтями в ладонь и повернулся к женщине. - Ну что же наконец делать?! Воды, правда, больше нигде нет?!

Натянув на ноги кимоно и скрючившись, женщина прошептала:

- Нету, нету совсем...

- Нету? Что ж, с этим "нету" ты так и собираешься оставаться?! Ведь здесь и жизни лишиться недолго... Дерьмо собачье! Быстро достань где хочешь!.. Прошу тебя... Слышишь? Я пока говорю "прошу".

- Но ведь стоит только начать работу, и сразу же...

- Ладно, сдаюсь!.. Никуда не денешься, сдаюсь!.. Не хочу стать вяленой селедкой... Так подохнуть - ни за что. Ведь это капитуляция не от чистого сердца. Чтобы добыть воду, можно даже обезьяний танец исполнить - пусть смотрят. Сдаюсь - честное слово... Но ждать обычного времени, когда подвозят воду, - благодарю покорно... Во-первых, в таком подсушенном состоянии мы и работать-то не можем. Верно? Любым способом немедленно свяжись с ними... У самой, наверное, тоже в горле пересохло?

- Если начнем работать, они сразу узнают... Всегда кто-нибудь с пожарной вышки в бинокль смотрит.

- Пожарная вышка?

Не железные ворота, не глухие стены, а маленький глазок в двери камеры - вот что больше всего напоминает человеку о неволе. Мужчина, сжавшись, стал мысленно осматривать окрестности. На горизонте - небо и песок, больше ничего... Нет там никакой пожарной вышки. А если ее не видно отсюда, то вряд ли оттуда видят нас.

- Если посмотрите с той стороны обрыва, сразу все поймете...

Мужчина быстро нагнулся и поднял лопату. Думать сейчас о собственном достоинстве - все равно что старательно гладить утюгом вывалянную в грязи рубашу. Он выскочил наружу, будто за ним гнались.

Песок горел, как пустая сковорода на огне. От жара перехватило дыхание. Воздух отдавал мылом. Но нужно идти. Только так можно приблизиться к воде. Когда он остановился у обрыва, обращенного к морю, и посмотрел вверх, то действительно различил самую верхушку черной вышки, не больше кончика мизинца. А малюсенький выступ сверху - возможно, наблюдатель. Уже, наверное, заметил. Он небось с нетерпением ждал этого момента.

Мужчина повернулся к черному выступу и, подняв лопату, энергично замахал ею. Он старался держать ее под таким углом, чтобы наблюдатель заметил блеск отточенного края... В глазах разливается горячая ртуть... Что там делает эта женщина? Могла бы прийти помочь.

Вдруг, точно влажный платок, упала тень: облако, не больше опавшего листа, которое ветер гнал в уголке неба. Черт возьми, пошел бы дождь не пришлось бы делать все это... Эх, вытянул бы он обе руки, а они полны воды!.. Потоки поды на оконном стекле... Струя воды, бьющая из желоба... Брызги дождя, дымящиеся на асфальте...

Снится ему или видение претворилось в действительность - неожиданно вокруг него возникли шум и движение. Когда он пришел в себя, то увидел, что стоит внутри песчаной лавины. Он бросился к навесу дома и прижался к стене. Кости стали мягкими, как у консервированной рыбы. Жажда билась уже где-то в висках. И мелкие ее кусочки рассыпались по поверхности сознания темными пятнами. Вытянув вперед подбородок, положив руки на живот, он боролся с рвотой.

Послышался голос женщины. Повернувшись к обрыву, она что-то кричала. Мужчина с трудом поднял отяжелевшие веки и посмотрел в ту сторону. Тот самый старик, который привел его сюда, осторожно опускал на веревке ведро. Вода!.. Принесли наконец!.. Ведро наклонилось, и на песчаном склоне вода!.. Мужчина закричал и бросился к ведру.

Когда ведро опустилось настолько, что его можно было достать, он оттолкнул женщину и, расставив ноги, стал осторожно, двумя руками придерживать его. Он отвязал веревку и - весь нетерпение - сразу же опустил в ведро лицо, и все его тело превратилось в насос. Он поднимал голову, передыхал и снова припадал к ведру. Когда он в третий раз оторвался от

ведра, с его носа и губ лилась вода, он задыхался. У него подогнулись колени, глаза закрылись. Теперь была очередь женщины. Она ему не уступала: издавая звуки, будто тело ее – резиновый поршень, она мгновенно отпила чуть ли не половину ведра.

Женщина, взяв ведро, возвратилась в дом, а старик стал вытягивать веревку. Но тут мужчина повис на ней и начал жалобно:

– Пойдите, я хочу, чтобы вы меня выслушали! Только выслушали. Прошу вас, подождите!

Старик, не противясь, перестал тянуть. Он заморгал, но лицо у него по-прежнему ничего не выражало.

– Поскольку вы принесли воду, я сделаю то, что должен сделать. Я это обещаю и хочу, чтобы вы выслушали меня. Вы решительно ошибаетесь... Я школьный учитель... У меня есть друзья, есть профсоюз, педагогический совет и Ассоциация родителей и педагогов, и все ждут меня... Что же вы думаете, общественность будет молчать о моем исчезновении?

Старик провел кончиком языка по верхней губе и равнодушно улыбнулся. Нет, пожалуй, это и не была улыбка – просто он сощурил глаза, чтобы в них не попал песок, несшийся вместе с ветром. Но сейчас от мужчины не укрылась бы даже морщинка.

– Что? В чем дело?... Разве вам не понятно, что вы на грани преступления?

– Преступления? Уж десять дней прошло с тех пор, а полиция молчит... – Старик говорил размеренно, слово за словом. – А уж если целых десять дней молчит, то чего уж там...

– Не десять дней, неделя!

Но старик не ответил. Действительно, такой разговор ничего сейчас не даст... Мужчина погасил возбуждение и продолжал голосом, которому постарался придать спокойствие:

– Да ладно, это несущественно... Лучше, может быть, вы спуститесь сюда и мы с вами сядем и спокойно поговорим? Я вам ничего не сделаю. Да если бы и хотел что-нибудь сделать – все равно не смог бы. Против вас я бессилён... Обещаю.

Старик по-прежнему хранил молчание. Мужчина задыхался чаще:

– Ведь я понимаю, как важно для деревни отгрести песок... Что ни говори – вопрос жизни... Очень острый вопрос... Прекрасно понимаю... Если бы меня не заставляли насильно, может быть, я сам, по собственному почину остался бы здесь... Уверю вас!.. Стоит увидеть, какова здесь жизнь, – и всякий из простой человечности захочет вам помочь. Но разве то, что я делаю, может считаться настоящей помощью?... Сомневаюсь... Почему вы не подумаете о каких-то других, более приемлемых способах сотрудничества?... Людям нужно расставлять разумно... Самое благое желание помочь будет сломлено, если человеку не найдется правильного места... Верно ведь? Разве нельзя было найти лучший способ использовать меня, не прибегая к столь рискованному предприятию?

Старик с таким видом, что не поймешь, слушает он или нет, повернул голову и сделал движение, будто отгонял разыгравшегося котенка. А может быть, он волнуется из-за наблюдателя на вышке? Может быть, боится на виду у того заниматься здесь разговорами?

– Согласитесь... Отгрести песок – дело действительно немаловажное. Но это средство, а не цель... Цель – предотвратить страшную опасность... Верно ведь? К счастью, я довольно много занимался исследованием песка. Я глубоко интересовался этим вопросом. Поэтому я и приехал в такое место. Да, что ни говори, а песок в наши дни привлекает человека... Можно с успехом этим воспользоваться. Превратить здешние места в новый туристский район. Использовать песок, следуя за ним а не противясь ему... Короче говоря, попытайтесь мыслить по-другому...

Старик поднял глаза и сказал с безразличным видом:

– Какой там туристский район, если здесь нет горячих источников... Да и всем известно, что на туризме наживаются одни торговцы да приезжие...

Мужчине почудилась в его словах насмешка, и тут же он вспомнил рассказ женщины об открыточнике, которого постигла такая же участь, и что потом он заболел и умер.

– Да... Конечно, то, что я сказал, – это только к примеру... Думали ли вы о специальных сельскохозяйственных культурах, соответствующих свойствам

песка?.. В общем, нет никакой необходимости во что бы то ни стало цепляться за старый образ жизни...

- Мы здесь по-разному прикидываем. Пробуем сажать и земляной орех, и растения, у которых корень луковицей... Посмотрели бы, как здесь тюльпаны растут...

- А как ведутся работы по защите от песков?.. Настоящие работы по защите от песков... Один мой товарищ журналист... С помощью газеты удастся поднять общественное мнение. В этом нет ничего невозможного.

- Сколько бы это ваше общественное мнение ни жалело нас, оно ничего не стоит, если мы не получим денежной помощи.

- Вот я как раз и предлагаю начать кампанию за получение таких субсидий.

- Пески, которые несет ветер, власти не считают стихийным бедствием и убытков нам не возмещают.

- Нужно их заставить!

- Да разве в нашей нищей префектуре можно чего-нибудь добиться... Мы изверились... То, что мы сейчас делаем, - самое дешевое... А если надеяться на власти, так, пока они там будут считать да прикидывать, нас песок как раз и накроет...

- Но ведь у меня-то, у меня-то есть совершенно определенное социальное положение! - закричал мужчина во всю силу своего голоса. - Вы вот, разве вы не родители своим детям? Вы не можете не понимать, что такое долг учителя!

В этот самый момент старик дернул веревку вверх. Застигнутый врасплох, мужчина выпустил ее. Что же это такое?.. Неужели старик дела вид, что слушает его, только для того, чтобы улучшить момент и выдернуть у него из рук веревку? В растерянности он водил в воздухе вытянутыми руками.

- Вы сумасшедшие... Вы ненормальные... Ведь даже обезьяна, если ее научить, сможет отгрести песок... Я способен на большее... А человек обязан полностью использовать свои возможности...

- Угу... - бросил старик небрежно, показывая всем своим видом, что ему надоела эта болтовня. - Ну ладно, простите, если что не так. Все, что мы можем, мы для вас сделаем...

- Подождите! Я ведь серьезно? Эй, подождите, пожалуйста!.. Пожалеете! Вы ведь еще ничего не поняли!.. Прошу... Ну подождите!..

Но старик ни разу даже не оглянулся. Сторбившись, будто нес на плечах тяжелый груз, он повернулся и пошел. Через три шага исчезли его плечи, а после четвертого он совсем скрылся из виду.

Мужчина в изнеможении прислонился к стене ямы. Руки и голову он потрузил в песок, и песок посыпался за ворот, подушкой раздулся в том месте, где брючный пояс стягивал рубаху. Вдруг обильный пот выступил на шее, лице, между ног. Из него вышла вся только что выпитая вода. Соединившись, пот и песок образовали подобие горчичника, плотно прилипшего к коже. Кожа распухла и стала похожа на гладкий резиновый плащ.

Женщина уже приступила к работе. Мужчина вдруг заподозрил, что она допила остаток воды. В панике он бросился в дом.

Вода стояла нетронутой. Одним духом он отпил три-четыре глотка и опять поразился вкусу этого прозрачного минерала. Он не мог скрыть беспокойства. К вечеру воды уже не будет. А на приготовление еды, уж точно, не хватит. Верно эти типы рассчитали. Страх перед жаждой - это вожди, на которых они собираются водить меня как захотят.

Надвинув на самые глаза большую соломенную шляпу, он выскочил наружу, будто за ним гнались. Его мысли и суждения перед угрозой жажды превратились в жалкие снежинки, упавшие на горячий лоб. Если десять стаканов - приторный сироп, то один стакан - скорее кнут.

- Ну где она там, эта лопата?..

Женщина указала под навес и, устало улыбнувшись, отерла рукавом пот со лба. Хоть она была вся изломана, но ни на миг не забыла, где стоят инструменты. Это привычный образ мышления, естественно приобретаемый человеком, живущим в песках.

В том миг, как он взял в руки лопату, его усталые кости укоротились, точно ноги складного треножника. Наверное, потому, что в прошлую ночь он почти не сомкнул глаз.

При любых обстоятельствах нужно, видимо, прежде всего договориться с женщиной о минимальном объеме работы. Но ему было просто трудно

разговаривать. Может быть, потому, что разговору со стариком он отдал так много сил, голосовые связки расплзались на кусочки, как прелея пряжа. Точно автомат, он встал рядом с женщиной и заработал лопатой.

Они копали, согласно продвигаясь вперед между обрывом и домом, будто их связали друг с другом. Дошчатые стены дома, мягкие, как недопеченная рисовая лепешка, превратились в рассадник грибов. Наконец они стребли песок в одну кучу. Потом стали насыпать его в бидоны и оттащить на очищенное место. Оттащив все бидоны, они снова принялись копать.

Бездумные, почти автоматические движения. Рот полон вспененной слюны, напоминающей по вкусу сырой белок... Слюна бежит по подбородку и капает на грудь, но он не обращает на это внимания.

- Знаете, перехватите левой рукой вот так, чуть пониже... - тихо заметила женщина. - Тогда лопатой можно не двигать, а правая рука будет как рычаг, и устанете вы гораздо меньше.

Каркнула ворона. Свет из желтого внезапно превратился в голубой. Боль, точно снятая крупным планом, растворилась в окружающем ландшафте. Вдоль побережья низко пролетели четыре вороны. Концы их крыльев отливали темной зеленью, и мужчина почему-то вспомнил о цианистом калии в банках для насекомых. Да, пока не забыл, нужно переложить их в другую коробку и завернуть в полиэтилен. А то от жары они в два счета рассыплются...

- На сегодня, пожалуй, хватит...

Сказав это, женщина посмотрела на верх обрыва. Ее лицо стало совсем сухим, и, хотя оно было покрыто слоем песка, мужчина понял, что в нем нет ни кровинки. Вокруг все потемнело, будто покрылось ржавчиной. Ощупью, сквозь тоннель помутившегося сознания он добрался до своей засаленной постели. Когда вернулась женщина - он не слышал.

Если промежутки между мускулами залить гипсом, то, наверное, самочувствие будет примерно такое же. Глаза как будто открыты, но почему так темно? Где-то мышь тащит что-то в свою нору... В горле жжет будто рашпилем провели... Из рта запах как из выгребной ямы... покурить хочется... Нет, раньше, пожалуй, поплюю... Вода!.. Он тут же возвращается к действительности... Вот оно что. Это была не мышь - женщина начала работать!.. Сколько же времени он проспал?.. Пробовал подняться, но какая-то страшная сила снова бросила его на матрас... Вдруг он сообразил и сорвал с лица полотенце. Сквозь раскрытую настежь дверь проникал свежий лунный свет, точно пропущенный через желатин. Незаметно снова наступила ночь.

Рядом с постелью стоял котелок, лампа и бутылка с водой. Он быстро приподнялся на локте и прополоскал рот. Воду выплюнул подальше - к очагу. Медленно, с смаком сделал несколько глотков. Пошарил около лампы, нащупал мягкий сверток - спички и сигареты. Зажег лампу, поднес огонь к сигарете. Отпил немного из бутылки. Разбитое на куски сознание стало постепенно складываться в нечто целое.

В свертке была и еда. Еще теплые три рисовых колобка, две вяленые селедки, сморщенная маринованная редька и немного вареных овощей, горьких на вкус, - кажется, листья той же редьки. Одной селедки и колобка было достаточно. Желудок слипся, словно резиновая перчатка.

Когда он встал, суставы затрещали, как железная крыша под порывом ветра. С опаской мужчина заглянул в бак. Он был снова наполнен до краев. Мужчина смочил полотенце и приложил его к лицу. Дрожь пронзила все тело, как искра - лампу дневного света. Он протер шею, бока, стер песок между пальцами. Может быть, такими мгновениями и нужно определять смысл жизни?!

- Чайку не хотите? - В дверях стояла женщина.

- Не стоит... Живот как барабан - водой налит.

- Спали хорошо?

- Когда вставала, надо было меня разбудить...

Опустив голову, женщина сказала со смешком в голосе, будто ее шекотали:

- Я за ночь три раза вставала, поправляла у вас на лице полотенце.

Это было кокетство трехлетнего ребенка, с трудом научившегося наконец подражать смеху взрослых. Ее растерянный вид ясно показывал, что она просто не знает, как лучше выразить переполняющую ее радость. Мужчина хмуро отвел глаза.

- Помочь копать?.. Или лучше носить бидоны?

- Да уже время. Вот-вот должны корзины спускать...

Начав работать, он удивился, что не ощутил того сопротивления, которого ждал от себя. В чем причина этой перемены? Может быть, в боязни остаться без воды или в долге перед женщиной, в возможно, в характере самого труда? Действительно, труд помогает человеку примириться с бегущим временем, даже когда оно бежит бесцельно.

Однажды Лента Мебиуса затащил его на какую-то лекцию. Место, где она проводилась, было огорожено ржавой железной решеткой, за которой валялось столько обрывков бумаги, пустых банок, каких-то тряпок, что земли совсем не было видно. Кому взбрело в голову возводить здесь ограду? И, как бы отвечая на этот его недоуменный вопрос, появился какой-то человек в поношенном пиджаке, который перегнулся через железную ограду и старательно скреб ее пальцами. Лента Мебиуса шепнул, что это переодетый в штатское полицейский. На потолке расплылись кофейного цвета потеки от дождя – таких огромных он никогда не видел. И вот в этой обстановке лектор говорил: "Нет иного пути возвыситься над трудом, как посредством самого труда. Не труд сам по себе имеет ценность, а преодоление труда трудом... Истинная ценность труда в силе его самоотрицания..."

Послышался резкий свист. Кто-то подавал условный сигнал. Беззаботные выкрики, сопровождающие подъем корзин с песком, по мере приближения их к яме становились все тише. Опускались корзины уже в полной тишине. Он чувствовал, что за ним наблюдают, но кричать, обратившись к стене, сейчас было еще бессмысленнее, чем раньше. Когда нужное количество песка было благополучно поднято наверх, напряженность исчезла, атмосфера как будто разрядилась. Никто ничего не сказал, но было впечатление, что необходимое взаимопонимание достигнуто.

В поведении женщины тоже произошла заметная перемена.

- Передохнем... Я чайку принесу...

И в ее голосе, и в движениях чувствовалась бодрость. Она была полна игривости, которую даже не старалась скрыть. Мужчина был пресыщен, будто объелся сахару. Но все же, когда женщина проходила мимо него, он слегка похлопал ее по заду. Если напряжение достигает предела, предохранитель перегорает. Ни в коем случае не нужно ее так обманывать. Он ей как-нибудь расскажет о страже, защищавшем призрачную крепость.

Была крепость... Нет, не обязательно крепость – завод, банк, игорный дом – неважно. И вместо стража вполне мог быть охранник или просто сторож. Итак, страж, постоянно ожидая нападения врага, всегда был начеку. И вот однажды враг пришел. Страж тотчас же затрубил в сигнальную трубу. Однако, как ни странно, от главных сил помощи не пришло. Ясно, что страж был повержен без труда. В свои последние минуты он видел, как враг, не встречая сопротивления, словно воздух, прорывался сквозь ворота, стены, дома... На самом деле воздухом был не враг, а крепость. Страж, одинокий, как сухое дерево в диком поле, всю жизнь охранял видение...

Мужчина сел на лопату и стал закуривать. С третьей спички он наконец закурил. Усталость, точно тушь, налитая в воду, расходилась кругами, расплзалась, как медуза, превращалась в причудливый орнамент, в схему атомных ядер и наконец растворилась. Ночная птица, заметив полевую мышь, противным голосом зовет свою подругу. Глухо лает обеспокоенная чем-то собака. Завывают, сталкиваясь высоко в небе, потоки воздуха. А на земле резкий ветер, как нож, слой за слоем сдирает тонкую шкуру песка. Мужчина стер пот, высморкался пальцами, точно стряхнул песок с головы. Песчаные узоры у него под ногами были похожи на гребни разом застывших волн. Будь это звуковые волны, какая бы здесь звучала сейчас мелодия? Если зажать но щипцами для угля, забить уши стучками крови, выбить молотком зуб за зубом, то тогда и человек смог бы, наверное, напеть ее. Но это слишком жестоко, да и все равно музыка будет не та... Вдруг ему показалось, что его глаза, подобно птицам, взвились высоко в небо и оттуда внимательно смотрят на него. И не кто иной, как он сам, думающий о странности всего происходящего, ведет очень странную жизнь.

Got a one way ticket to the blues, woo, woo (Я купил билет в один конец на небеса, вуу, вуу...) Хочешь петь – пой, пожалуйста. На самом деле человек, которому всучили билет в один конец, ни за что не станет так петь. Подошва у людей, имеющих билет лишь в один конец, очень тонка, и они вскрикивают, наступая даже на самый маленький камешек. Дальше – ни шагу. Им

хотелось бы спеть о билете на небеса в оба конца. Билет в один конец – это распавшаяся на части жизнь без связи между вчерашним днем и сегодняшним, между сегодняшним и завтрашним. И только человек, зажавший в кулаке обратный билет, может напевать чуть грустную песенку о билете в один конец. Это уж точно. Именно поэтому он в постоянной тревоге – боится, что потеряет билет для поездки назад или его украдут; он покупает акции, боится жизни, двуличничает с профсоюзом и начальством. Он затыкает уши, чтобы не слышать истошных криков о помощи, доносящихся из сточных канав и выгребных ям, – криков тех, кому достались билеты в один конец. Чтобы не думать, он на всю мощь включает телевизор и во весь голос поет блюз о билете в один конец. И можно быть уверенным, что каждый заключенный будет петь блюз о билете в оба конца.

Теперь, как только выдавалась свободная минута, мужчина украдкой делал веревку. Он разорвал на полосы верхнюю рубашку, связал, привязал к ним пояс от кимоно покойного мужа женщины – и получилось метров пять. Придет время, и он привяжет к концу веревки старые ржавые ножницы, которые должны быть полуоткрыты, для чего он вложит в них щепку и закрепит. Веревка пока еще коротка. Чтобы получилась нужная длина, придется привязать и соломенную веревку, натянутую над земляным полом, – на ней сушится рыба и зерно, – и еще бельевую веревку.

Эта идея возникла совершенно неожиданно. Но ведь совсем не обязательно, чтобы осуществлялись лишь планы, вынашиваемые длительно время. Поскольку невозможно осознать путь, по которому движется мысль при разработке плана, подобное неожиданное прозрение имеет основу в самом себе. У неожиданных решений гораздо больше шансов на успех, чем у тех, которые бесконечно обдумываются и взвешиваются.

Теперь оставался лишь один вопрос – время осуществления плана. Выбраться из ямы всего удобнее днем, пока женщина спит. Это решено. Но проходить через деревню засветло – никуда не годится. Лучше всего наверное, сделать так: вылезти наверх перед самым пробуждением женщины, спрятаться в надежном месте и подождав захода солнца начать выбираться из деревни. Воспользовавшись темнотой, пока не взошла луна, можно будет довольно легко добраться до шоссе, по которому ходят автобусы.

Все это время мужчина старался выведать у женщины рельеф местности и расположение деревни. Как ведет хозяйство деревня, которая не имеет ни одного рыбацкого судна, хотя и стоит на берегу моря? С какого времени оказалась она в таком положении? Сколько всего народу живет в деревне? Кто и где выращивает тюльпаны? Какой дорогой ходят в школу дети?.. Соединив полученные таким путем косвенные сведения о деревне со своими смутными воспоминаниями того единственного дня, когда он видел ее своими глазами, он смог мысленно нарисовать примерный план местности.

Идеальным было бы, конечно, совершить побег, не проходя через деревню, а минуя ее. Но с запада путь преграждает обрывистый мыс, и, хотя он не особенно высок, вгрызавшиеся в него с незапамятных времен волны превратили его в нагромождение отвесных скал. Там, правда, есть тропки, по которым карабкаются жители деревни, когда ходят собирать хворост, но они скрыты в зарослях, и не так-то просто их отыскать. Слишком же назойливые расспросы могли вызвать у женщины подозрение. А к востоку от деревни в сушу глубоко, километров на десять, вдается залив окаймленный пустынными дюнами. Он делает резкий поворот и подходит к самой деревне. Таким образом, она находится как бы в песчаном мешке, стянутом у горла отвесными скалами и заливом. Поэтому, чем терять время на блуждания и давать возможность этим типам организовать погоню, гораздо безопаснее осуществить смелый прорыв по центру.

Но все это еще не означает, что проблема решена. Ну, хотя бы наблюдатель на этой злополучной пожарной вышке. Кроме того, следовало опасаться, что женщина, обнаружив его побег, поднимет шум и выход из деревни будет перекрыт раньше, чем он ее минует. Может быть, две эти проблемы удастся в конечном счете свести к одной. Первые переносчики песка всегда привозят воду и все необходимое значительно позже захода солнца. И если женщина захочет сообщить о его исчезновении до их прихода, она может сделать это только через наблюдателя на пожарной вышке. Поэтому вопрос сводится к тому, как быть с наблюдателем.

К счастью, в этой местности, видимо, из-за резкой смены температуры,

примерно в течение тридцати минут а иногда и целого часа перед заходом солнца, землю застилает легкий туман. Происходит это потому, что кремниевая кислота содержащаяся в песке, который обладает малой теплоемкостью, быстро отдает впитанное за день тепло. Если смотреть с вышки, весь этот край деревни находится по отношению к ней под углом отражения света, и даже малейший туман превращается для наблюдателя в толстую белую пелену, сквозь которую невозможно ничего разглядеть. Для верности он еще раз убедился в этом позавчера. У подножия обрыва, с той стороны, где должно было быть море, он несколько минут размахивал полотенцем, как будто сигнала о чем-то, но, как и предполагал, никакой реакции не последовало.

Осуществить свой план он решил на четвертый день после того, как придумал его: выбрал субботний вечер, когда привозят воду для мытья. В ночь перед побегом он решил притвориться простуженным, чтобы как следует выспаться. Из предосторожности сделал даже так, что женщина заставила его выпить аспирин. Таблетки, похоже, долго валялись где-то в дальнем углу мелочной лавки – совсем пожелтели. Он принял две таблетки, запив их водкой, и результат не замедлил сказаться. Пока женщина не возвратилась, закончив работу, он не слышал ни звука, только один раз – как поднимали корзины с песком.

Женщине после долгого перерыва снова пришлось работать одной, и она валилась с ног от усталости. Пока она спешила с приготовлением и так уже запоздавшей еды, он лениво болтал о разных разностях – говорил, например, что хорошо бы починить умывальник, давно прохудившийся. Женщина не выказывала досады, боясь повредить его здоровью и считая, наверное, его эгоизм свидетельством того, что он уже пустил здесь корни. После работы ей, видимо, и самой хочется помыться. А его раздражал песок, прилипший к коже, вспотевшей во время сна... К тому же сегодня как раз день, когда привозят воду для мытья, да и для нее удовольствие мыть его, так что сегодня она, вероятно, будет покладистой.

Пока женщина мыла его, он внезапно почувствовал желание и сорвал с нее кимоно. Он тоже захотел помыть ее. Женщина замерла в растерянности и ожидании. Потом протестующе подняла руку, но было неясно, чему, собственно, она противится. Мужчина поспешно вылил на нее горячей воды и без мочалки, мыльными руками начал тереть ей тело. Руки скользили от шеи к подбородку, по плечам, и одна добралась до груди. Женщина вскрикнула и прикинула к нему. Она ждала. Но мужчина медлил. Его руки все еще блуждали по ее телу.

Возбуждение женщины передалось наконец и ему. Но вдруг им овладела какая-то непонятная тоска. Женщина вся светилась изнутри, точно в ней горели светлячки. Предать ее сейчас – все равно что позволить приговоренному к смерти бежать и тут же выстрелить ему в спину. Он неистово набросился на нее, подстегивая вновь проснувшееся желание. Но любая страсть имеет границы. Сначала женщина, так ждавшая ласки, испугалась ярости мужчины, и он впал в проstration, будто уже удовлетворил желание. Потом снова стал распалать себя, будоража воображение соблазнительными картинками, целуя ее грудь, терзая тело, которое от мыла, пота и песка казалось покрытым машинным маслом, смешанным с железными опилками. Он готов был продолжать так хоть дав часа. Но женщина наконец даже зубами заскрипела от боли и опустила на корточки. Он бросился на нее... В мгновение все было кончено. Он стал поливать ее водой, чтобы смыть мыло, а потом насильно заставил выпить водки с растворенными в ней тремя таблетками аспирина. Теперь до самого захода солнца, а если повезет, то и до тех пор, пока ее не разбудят криками переносчики песка, она будет крепко спать.

Женщина сопела во сне, будто нос ей заткнули бумажной пробкой... Она глубоко дышала. Мужчина слегка тронул ее за пятку, но она даже не шевельнулась... Пустой тюбик, из которого выдавили чувственность. Он поправил полотенце, прикрывавшее ей лицо, и сдернул к коленям кимоно, скрученное, как веревка, и задранное вверх. К счастью, он занят последними приготовлениями, и у него нет времени предаваться сантиментам. Когда он кончил колдовать со старыми ножницами, как раз настал нужный момент. В последний раз взглянув на женщину, он, как и ожидал, почувствовал, что у него сжалось сердце.

По стенам ямы, примерно в метре от верха, разливался слабый свет. По расчетам, должно быть половина седьмого – без двадцати семь. Самое время. Он с силой завел руки назад и сделал несколько движений шеей, расправляя

затекшую спину.

Сначала нужно подняться на крышу. Дальше всего летит предмет, брошенный под углом, близким к сорока пяти градусам. Он хотел попробовать влезть на крышу с помощью веревки, но не решился – стук ножниц о крышу мог разбудить женщину. Поэтому лучше отказаться от такого эксперимента и обойти дом вокруг, взобраться на него, пользуясь полуразвалившимся навесом, под которым когда-то сушили белье. Тонкие четырехгранные перекладки почти сгнили, и это его пугало. Но самое опасное было впереди. Крыша, отполированная носившимся в воздухе песком, сверкала белым тесом, как новая. Но стоило ему туда взобраться, оказалось, что она мягкая, как бисквит. Вот будет дело, если провалится! Распластавшись, он осторожно пополз вперед. Наконец добрался до конька и оседлал его, встав на колени. Уже и верх крыши был в тени, и ярко выделившиеся на краю ямы с западной стороны зерна песка цвета засахаренного меда указывали на то, что начинает опускаться туман. Теперь можно не опасаться наблюдателя с вышки.

Взявшись правой рукой за веревку примерно в метре от ножниц, он стал вращать ее над головой, метя в те самые мешки, которые использовали вместо блоков для подъема корзин. Раз они выдерживают веревочную лестницу – значит, врыты достаточно прочно. Он вращал веревку все быстрее, потом, прицелившись, бросил ее. Но она полетела в противоположную сторону. Не рассчитал. Ножницы должны лететь по касательной к окружности, поэтому веревку нужно выпускать из рук в тот момент, когда она будет под прямым углом к цели или за мгновение до этого. Да, это точно!.. Жаль, на этот раз ножницы, ударившись о середину обрыва, упали вниз. Видно, была недостаточной скоростью и неверной – плоскостью вращения.

Делая новые и новые попытки, он наконец точно определил расстояние и направление. До успеха было, правда, еще далеко. Он был бы рад даже малейшему обнадеживающему результату. Но пока не похоже, чтобы он приближался к успеху, – наоборот, усталость и нервозность уводили все дальше и дальше от нее. Да, все это представлялось ему значительно проще. Он нервничал, злился и готов был расплакаться, хотя его никто и не обнадеживал.

А ведь, пожалуй, закон вероятности, согласно которому возможность прямо пропорциональна количеству попыток, не так уж неверен. И когда он, неизвестно даже в который раз, просто так, без всякой надежды бросил веревку, она неожиданно попала прямо в мешки. Мужчина замер с раскрытым ртом. Побежала переполнившая рот слюна. Но радоваться еще рано... У него в руках пока лишь деньги для покупки лотерейного билета... Выиграет билет или не выиграет – покажет будущее. Каждый его нерв был словно привязан к веревке. Он потянул ее к себе, осторожно, будто нитью паутины подтягивая звезду.

Почувствовал сопротивление. Сначала трудно было в это поверить, но веревка действительно не шелохнулась. Потянул сильнее... Напрягшись, ждал – вот-вот сорвется... о уже никаких сомнений не было. Ножницы, превращенные в крюк, крепко впились в мешки. Как повезло!.. Как невероятно повезло!.. С этой минуты все пойдет хорошо! Непременно!

Мужчина быстро слез с крыши и подбежал к веревке, которая теперь спокойно свисала вниз, перерезая песчаную стену. Вон там, там поверхность земли... Так близко, что просто не верится... Лицо напряглось, губы дрожали. Колумбово яйцо было, несомненно, сварено вкрутую. Но если переваришь яйцо, то все испортишь.

Ухватившись за веревку, он повис на ней всей тяжестью. И сразу же она стала тянуться, как резиновая. От испуга он весь покрылся потом. К счастью, вытянувшись сантиметров на тридцать, веревка перестала растягиваться. Он снова повис на ней. На этот раз оснований для беспокойства не было. Поплевав на ладони, он обхватил веревку ногами и стал подниматься. Он взбирался, точно игрушечная обезьяна на игрушечную пальму. Может быть, от возбуждения пот, выступивший на лбу, был холодным. Чтобы песок не сыпался на него, мужчина взбирался, цепляясь только за веревку, отчего тело его вращалось. Все шло гораздо медленнее, чем он предполагал. Земное притяжение поистине ужасно. И откуда взялась эта дрожь? Руки двигались помимо его воли, казалось, он сам себя выбрасывает вверх. В этом не было ничего странного, если вспомнить сорок шесть дней, пропитанных ядом. Когда он поднялся на метр, дно ямы ушло в глубину на сто метров, когда он поднялся на два – оно ушло на двести. Глубина все увеличивалась и стала наконец

головокружительной... Смертельно устал... Не нужно смотреть вниз!.. Но вот уже и поверхность... Земля, опоясанная дорогами, по которым можно свободно шагать куда угодно, хоть на край света... Когда он доберется до поверхности, все, что здесь было, превратится в маленькие цветки, засушенные на память между страницами записной книжки... И ядовитые и плотоядные - все они превратятся в тонкие, полупрозрачные клочки цветной бумаги, и, попивая чай у себя дома, разглядывая их на свет, он будет с удовольствием рассказывать обо всем, что с ними связано.

И как раз поэтому у него пропало всякое желание обвинять женщину. Можно дать полную гарантию, что она не отличалась добродетелью, но не была и проституткой. Если потребуются рекомендательные письма, он готов дать ей их с радостью - сколько угодно, хоть десяток. Но как глупа эта женщина, которая только и могла, что ухватиться с ним за один-единственный билет в оба конца! Ведь даже если билет один и тот же, когда место отправления противоположное, противоположным будет, естественно, и место назначения. И нет ничего удивительного в том, что его обратный билет будет ей билетом туда.

Пусть женщина совершила какую-то ошибку... Но ведь ошибка - это ошибка, и не больше.

...Не смотри вниз! Нельзя смотреть вниз!

Альпинист, мойщик окон, монтер на телевизионной вышке, цирковой гимнаст на трапедии, трубочист на высокой трубе электростанции - стоит любому из них глянуть вниз, и он разобьется.

Все в порядке! Вцепившись ногтями в мешок, сдирая в кровь руки, он выкарабкался из ямы. Ну вот он и наверху! Сейчас уже можно не бояться, что упадешь, если разожмешь пальцы. Но мальцы, еще не в силах разжаться, продолжали крепко держать мешок.

Свобода, обретенная на сорок шестой день, встретила его сильным, порывистым ветром. Когда он пополз, песчинки стали больно бить по лицу и шее. Он не принял в расчет этот ужасный ветер!.. В яме только шум моря казался намного сильнее обычного. Но ведь сейчас как раз время вечернего штиля. Иначе нет никакой надежды на туман. А может быть, небо казалось подернутым дымкой, только когда он смотрел на него из ямы? Или это песок, тучами носившийся в воздухе, он принимал за туман? В любом случае - ничего хорошего.

Не поднимая головы, он стал тревожно оглядываться по сторонам... В тусклом свете пожарная вышка казалась чуть покосившейся. Она выглядела какой-то жалкой, и до нее было довольно далеко. Но оттуда смотрят в бинокль, поэтому нельзя полагаться на расстояние. Интересно, увидели его уже или нет?.. Нет, наверное. А то бы сразу зазвонили в колокол.

Женщина рассказывала ему как-то, что с полгода назад разыгралась буря, стена одной ямы на западной окраине деревни рухнула и дом оказался наполовину погребенным под песком. А потом хлынул дождь, мокрый песок стал во много раз тяжелее. Дом развалился, как спичечная коробка. К счастью, жертв не было, и наутро обитатели дома попытались выбраться из ямы. Тотчас зазвонил колокол; не прошло и пяти минут, как послышался плач старухи, которую волокли обратно... "Говорят, у этой семьи какая-то наследственная болезнь мозга", - добавила она лукаво...

Ну ладно, нечего мешкать. Он решительно поднял голову. Вдоль песчаных волн, окрашенных в красноватый цвет, легли длинные тени. Пелена песка, поднятая ветром с одной тени, втягивалась следующей и следующей. Может быть, эта пелена летящего песка и помешает заметить его?.. Оглянувшись, чтобы проверить, сильно ли бьет свет в глаза, мужчина даже замер от удивления. Значит, не только из-за летящего песка на закате небо казалось раскрашенным цветными карандашами, а все вокруг - затянутым молочной дымкой. От земли здесь и там поднимались рваные клочья тумана. Развеянные в одном месте, они поднимались в другом, разогнанные там, снова клубились здесь... Сидя в яме, он сам убедился в том, что песок притягивает влагу, но не представлял, что до такой степени... Все это напоминало пепелище после ухода пожарных... Туман, правда, редкий и, когда стоишь спиной к солнцу, не особенно заметен, но все же этого достаточно, чтобы укрыться от глаз наблюдателя.

Он надел ботинки, висевшие на поясе, свернул веревку и спрятал в карман. Ножницы, в случае чего, могли послужить и оружием. Бежать следует на запад - свет, бьющий наблюдателю в глаза, будет прикрывать его. Нужно где-то

спрятаться и пересидеть до захода солнца.

Ну быстрее же!.. Пригнись и беги по низине!.. Теперь не теряйся... Торопись, только смотри в оба... Залягу вон в той ложине!.. Что за подозрительный звук?.. Плохое предзнаменование?.. А может быть, нет... Встану - и вперед... не забирай особенно вправо!.. Правый склон слишком низкий, уже на середине могут заметить...

Благодаря еженощной переноске корзин с песком между ямами протоптаны глубокие прямые ходы. Правая их сторона кое-где обвалилась и стала пологой. Ниже чуть виднелись верхушки крыш второго ряда домов, спрятанных в ямах. Их загораживал третий ряд, ближайший к морю. От этого и ямы были гораздо мельче, и плетень для защиты от песка мог еще служить здесь свою службу. В сторону деревни из ям, очевидно, можно свободно выходить. Стоило ему чуть приподняться, как стала видна почти вся деревня. У подножия волнистых дюн, расходясь веером, громоздились черепичные, оцинкованные, тесовые крыши... Виднелась и сосновая рощица, правда редкая, и что-то похоже на пруд. И вот, для того чтобы сберечь этот жалкий клочок земли, несколько десятков домов у побережья обречены на рабскую жизнь.

Ямы рабов тянулись сейчас по левую сторону от дороги... Изредка попадались ответвляющиеся ходы, проделанные волочившимися корзинами, а в самом их конце - мешки с песком, по которым можно было определить, где начиналась яма... Даже смотреть на это больно. Почти везде к мешкам были прикреплены веревочные лестницы. Видимо, многие обитатели этих ям уже отказались от мысли бежать. Теперь он легко мог представить себе, что и такая жизнь, в общем, возможна. Кухни, печи, в которых горит огонь, вместо письменного стола - корзины из-под яблок, полные учебников; кухни, очаги, вырытые в полу, лампы, печи, в которых горит огонь, сломанные раздвижные перегородки, закопченные потолки кухонь идущие часы и остановившиеся часы, орудия приемники и поломанные приемники; кухни и печи, в которых горит огонь... и во все это, как в оправу, вставлены скот, дети, физическое влечение, долговые обязательства, дешевые украшения, измены, воскурение фимиама, фотография на память... До ужаса однообразное повторение одного и того же... И хотя это было повторением, неизбежным в жизни, как биение сердца, но ведь биение сердца - еще не вся жизнь.

Ложись!.. Да нет, ничего, обыкновенная ворона... Ему еще не приходилось ловить ворон и делать из них чучела, но сейчас это неважно. О татуировке, медалях, орденах мечтают лишь тогда, когда сняты немыслимые сны.

Дошел, кажется, до окраины деревни. Дорога влезла на гребень дюны, слева показалось море. Ветер принес горький запах прибоя, в ушах и ноздрях зазвенело, точно завертелись волчки. Концы полотенца, которым он повязал голову, трепетали на ветру и били по щекам. Здесь уже и туман терял силу, не мог подняться. Море было покрыто толстыми свинцовыми листьями, собранными в мелкую складку, как пенка вскипевшего молока. Солнце, сдавленное облаками, напоминавшими лягушачью икру, замерло, не желая тонуть. На горизонте черной точкой застыл корабль, расстояние до него и размеры - не определить.

Перед ним до самого мыса нескончаемыми волнами лежали пологие дюны. Дальше идти так, пожалуй, опасно. В нерешительности он оглянулся. К счастью, пожарную вышку загораживал невысокий песчаный холм, и увидеть оттуда его не могли. Поднявшись потихоньку на носки, он заметил справа в тени песчаного склона покосившуюся, почти до крыши ушедшую в песок лачугу, которую можно было увидеть только с того места, где он стоял. С подветренной стороны - глубокая впадина, как будто ее вычерпали ложкой.

Отличное укрытие... Поверхность песка гладкая, как внутренняя сторона раковины, и нигде ни следа человека... Но как быть с собственными следами?.. Он пошел назад по своим следам, но метров через тридцать увидел, что они полностью исчезли... И даже у его ног прямо на глазах оседали и меняли форму... На что-то и ветер пригодился.

Он собрался уже было обойти лачугу, но вдруг из нее выползло что-то темное. Это оказалась рыжая собака, жирная, как свинья. Нечего бояться. Пошла отсюда! Но собака, уставившись на человека, и не думала уходить. Одно ухо у нее было разорвано, непропорционально маленькие глаза глядели зло. Собака стала обнюхивать его. Не собирается ли она залаять? Попробуй залай. Он опустил руку в карман и зажал ножницы... Если только залает, продырявлю ей башку этой штукой! Но собака продолжала злобно смотреть на него, не подавая голоса. Может быть, она дикая?.. Шерсть лохматая, висит клочьями...

Какая-то болезнь у нее, что ли, - вся морда в струпьях... Говорят, собака, которая не лает, опасна... черт возьми! Надо было припасти какой-нибудь еды... Да, еды, ах ты, забыл взять цианистый калий... Ну ничего, он так его запрятал, что женщина вряд ли найдет... Мужчина тихо свистнул и протянул руку, пытаясь завоевать расположение собаки... В ответ она растянула тонкие губы и оскалила желтые клыки, на которые налип песок... Да нет, вряд ли собака эта на него позарится... какой у нее противный, прожорливый вид... Хорошо бы стукнуть ее так, чтоб она с одного удара сдохла.

Неожиданно собака повернулась, наклонила голову и как ни в чем не бывало лениво затрусилась прочь. Испугалась, наверное, его угрожающего вида. Если он заставил отступить дикую собаку. Значит, дух его еще силен. Он съехал в низину и остался лежать на склоне. Ветер теперь не доставал его, и, может быть, поэтому он почувствовал облегчение. Шатаясь от ветра собака скрылась за пеленой носившегося в воздухе песка. Видно, люди сюда и близко не подходят, иначе в этой хибаре не поселилась бы дикая собака... И пока собака не пойдет доносить на него в правление артели, он в безопасности. По телу заструился пот, но это было даже приятно. Какая тишина!.. Точно его положили на дно сосуда и сверху залили желатином... В его руках бомба с часовым механизмом, время взрыва - неизвестно, но это тревожит не больше, чем тиканье будильника... Будь на его месте Лента Мебиуса, он бы сразу же проанализировал обстановку и сказал:

- Ты, друг мой, типичный образец человека, находящего удовлетворение в том, чтобы превращать средства в цель.

- Совершенно верно, - согласился бы он. - Но нужно ли так уж разграничивать средства и цель?.. Их надо использовать соответствующим образом в зависимости от условий...

- Ну, это совсем никуда не годится. Нельзя же прожить время по вертикали. Время - такая штука, которая течет горизонтально. Это общеизвестно.

- А что, если попытаться прожить его по вертикали?

- Превратишься в мумию. Разве нет?

Посмеиваясь, мужчина стал снимать ботинки. А ведь и правда время течет горизонтально. В ботинки набился песок и стал влажным от пота - терпеть больше было невозможно. Он с трудом стянул носки и подставил ноги ветру. Почему там, где обитает животное, такой отвратительный запах?.. Хорошо бы животные благоухали цветами... Да нет, это пахнут его ноги... И как ни парадоксально, мысль эта почему-то была ему приятна... Кто-то говорил, что нет ничего лучше серы из своего уха - она вкуснее, чем сыр... Ну, может, это преувеличение, но и в запахе своих гнилых зубов есть что-то притягательное - его хочется вдыхать и выдыхать без конца.

Вход в лачугу был больше чем наполовину засыпан песком, и ему не сразу удалось заглянуть внутрь. Может быть, это развалины старого колодца? Нет ничего удивительного, что над колодцем выстроено домик, это чтобы колодец не засыпало песком. Правда, вряд ли здесь есть вода... Он снова попытался заглянуть внутрь, и тут в нос ему ударил настоящий запах псины. Запах животного сильнее философии. Был один специалист, говоривший, что ему близка душа корейца, но он не может выносить его запаха... Ну ладно, если время течет горизонтально, пусть бы оно показало ему, как быстро оно может течь!.. Надежда и беспокойство... Чувство свободы и нетерпение... Муки эти - самые невыносимые. Он прикрыл лицо полотенцем и лег на спину. Запах здесь, пожалуй, его собственный, но при всем желании сделать себе комплимент он не смог бы назвать его приятным.

Что-то ползет по ноге... Судя по "походке", это не шпанская мушка... Скорее всего, земляной жук, с трудом волоочащий себя шестью слабенькими ножками... Уточнять ему не хотелось. Да если бы, паче чаяния, это и оказалось шпанская мушка, вряд ли ему захотелось бы поймать ее. Во всяком случае, точно ответить на этот вопрос он бы не смог.

Ветер сорвал с его лица полотенце. Краем глаза он увидел блестящий золотом гребень дюны. Плавно поднимавшийся склон доходил до этой золотой линии и резко обрывался в тень. В таком построении пространства было что-то невыразимо напряженное, и мужчина даже содрогнулся от переполнившей его тоски по людям. (Да, ландшафт и в самом деле романтический! Именно такой ландшафт привлекает в последнее время молодых туристов... Надежные акции... Как опытный человек могу полностью гарантировать будущее развитие этого

района... Но прежде всего нужна реклама! Без рекламы даже мухи не прилетят... Не знать – все равно что не иметь. Владеть драгоценным камнем и зарыть его в землю. Так что же делать?.. Поручить умелому фотографу наготовить художественные открытки. В старые времена художественные открытки изготовлялись уже после того, как достопримечательное место становилось широко известным... Здесь несколько образцов, посмотрите их, пожалуйста). Бедный продавец открыток собирался расставить ловушки другим и сам попал в ловушку, а потом заболел и умер. Правда, он не был особым ловкачом... Наверное, возлагал огромные надежды на здешние места и вложил в дело все свои средства... В чем же истинная сущность этой прелести?.. Может быть, она в физической гармонии и точности, которой обладает природа, или, наоборот, – в безжалостном сопротивлении природы попыткам человека познать ее.

До вчерашнего дня его буквально тошнило при одной мысли об этом пейзаже. И он думал со злобой, что яма и вправду – вполне подходящее место для такого мошенника, как тот открыточник.

Но к чему, думая о жизни в яме и о пейзаже, противопоставлять одно другому? Красивый пейзаж не обязательно должен быть великодушен к человеку.

Наконец, и его основная идея рассматривать песок как отрицание стабильности не так уж безумна. Движение одной восьмой миллиметра. Мир, где существование – цепь состояний... Другими словами, прелесть его принадлежит смерти. Прелесть смерти, великолепии огромной разрушительной силы песка, оставленные им развалины... Нет, постой. Так можно попасть впросак, если ему скажут, что именно поэтому он схватил и не выпускает из рук билет в оба конца. Фильмы о диких зверях, о войне так правдивы, что могут даже довести до сердечного припадка, но выходишь из кино – и снаружи тебя ждет сегодняшней день, продолжение вчерашнего. В этом их прелесть... Где найдется дурак, который пойдет в кино, захватив винтовку, заряженную настоящими патронами?.. кто может приспособиться к жизни в пустыне? Некоторые виды мышей, которые вместо воды пьют собственную мочу, насекомые, питающиеся тухлым мясом, да еще, пожалуй, кочевники, которым известно о существовании билета лишь в один конец. Если с самого начала быть уверенным, что билет всегда в один конец, то можно спокойно жить, не делая бесплодных попыток ползти, прижавшись к песку, точно устрица к скале. А ведь эти кочевники даже наименование свое изменили и называются теперь скотоводами...

Да, следовало бы, пожалуй, обо всем этом рассказать женщине... Спеть ей песню, неважно, если немного и переврал бы мотив, песню песков, не имеющую ничего общего с билетом в оба конца... В лучшем случае он был бы не больше чем жалким подражателем этакому сердцееду, пытающемуся поймать женщину на крючок, наживленный другой, особой жизнью. С ног до головы засыпанный песком, не в силах пошевелиться, он похож на кошку, посаженную в бумажный мешок.

Внезапно гребень дюны погас... Все вокруг погрузилось в темноту. В какой-то миг ветер утих, и тогда, набрав новые силы, возвратился туман. Может быть, поэтому так стремительно и зашло солнце.

... Ну, теперь в путь.

Нужно пройти всю деревню до того, как переносчики корзин приступят к работе. Остается еще около часа. Для большей безопасности, скажем, минут сорок пять. Мыс, как бы охватывая деревню, делает глубокий изгиб и доходит до залива, что к востоку от деревни. Поэтому через нее проходит лишь одна узенькая дорога. Но там уже кончаются отвесные скалы, громоздившиеся на мысе, они сглаживаются и сменяются невысокими песчаными дюнами. Оставив по правую руку мелькающие сквозь дымку огни деревни и продолжая двигаться прямо, попадешь именно в это место. Расстояние... километра два. Там кончается деревня, кое-где попадаются поля земляничного ореха, снова песок и никакого жилья. А когда перевалишь через холм, можно идти по дороге. Это укатанная глинистая дорога, и если бежать по ней изо всех сил, то минут через пятнадцать будешь на шоссе. А там уже все в порядке. Там и автобусы ходят, и люди нормальные.

У него остается тридцать минут, чтобы пройти деревню. Идти по песку четыре километра в час нелегко. И даже не столько потому, что вязнут ноги, сколько из-за ненужных усилий, которые приходится делать, когда ступаешь. А если бежишь, то еще больше сил тратишь попусту. Лучше всего, пожалуй, идти широким шагом. Но, высасывая силы, песок как бы в награду за это поглощает

звук шагов. Идти же, не опасаясь шума шагов, - в этом тоже есть свои преимущества. Да, именно преимущества.

Смотри под ноги!.. Упасть не страшно, а споткнешься о какую-нибудь малюсенькую кочку или выбоинку - и ушибешь колено. Да если только колено ушибешь - чепуха, а вдруг свалишься в новую песчаную яму, тогда что?!

Кругом тьма. Насколько хватает глаз - беспорядочно застывшие волны песка. Огромные волны изборождены более мелкими, а те, в свою очередь, как бы подернуты песчаной рябью. Огни деревни которые должны были служить ориентиром, скрывались за гребнями этих нескончаемых волн и интуитивно придерживаясь правильного направления. Но всякий раз оказывалось, что допущена чересчур большая ошибка. Может быть потому, что стремление увидеть эти огни бессознательно заставляло искать высокие места.

Ну вот, опять сбился! Нужно левее!.. Пройди он так еще немного - и оказался бы прямо в деревне... Здоровенные три дюны уже перевалил, а огни почти совсем не приблизились... похоже, что ходишь кругами. Пот заливают глаза... Остановиться хоть на миг и вдохнуть полной грудью.

Женщина, наверное, уже проснулась... Что она подумала, когда открыла глаза и увидела, что его нет?.. Хотя вряд ли сразу хватилась... подумала небось, что пошел за дом по своим надобностям... Сегодня женщина устала... Удивилась, что проспала дотемна, и поспешно вылезла из-под одеяла... Не остывшее от поцелуев тело напомнило о том, что было между ними в это утро... Нашупывая рукой лампу, женщина, вероятно, улыбнулась.

Но все же у него нет причин чувствовать себя обязанным ей или ответственным за ее улыбку. Что потеряет женщина с его исчезновением? Лишь малюсенький кусочек жизни. Радио и зеркало заменят ей меня.

"Вы ведь для меня и вправду огромная подмога... Все изменилось с тех пор, пока я не одна. По утрам я могу спокойно, не торопясь заниматься своими делами, и работу теперь удастся закончить часа на два быстрее... Я думаю, что скоро смогу попросить артель дать мне какую-нибудь дополнительную работу, которую я могла бы делать дома... Накоплю денег... И, может быть, куплю наконец радио, зеркало или еще что-нибудь..." Радио и зеркало... Какая-то навязчивая идея - как будто вся жизнь человека состоит из этих двух предметов. Да, радио и зеркало действительно имеют что-то общее: они связывают людей. А возможно, они отражают жгучее желание проникнуть в сущность человеческого существования. Ладно, как только выберусь отсюда, сразу же куплю приемник и пошлю ей. Истрачу все свои деньги, но куплю ей лучше транзистор.

А вот зеркало - не знаю, стоит ли обещать. Зеркало здесь быстро станет непригодным... Уже через полгода отстанет амальгама, а через год оно потускнеет от песка, который все время носится в воздухе... Как и то зеркало, что сейчас у нее: если видишь в нем глаз, то не видишь носа, если видишь нос, то не видишь рта. Нет, дело не только в том, что зеркало быстро станет непригодным. Зеркало отличается от радио: чтобы оно стало средством связи, нужен прежде всего человек, который будет смотреть на нее. Какой теперь толк в зеркале, если ее никто не увидит?

Постой, нужно прислушаться!.. Что-то он слишком долго ходит по своим делам... А может?.. Что-то он слишком долго ходит по своим делам... А может?.. Вот мошенник, сбежал-таки... Интересно, подняла она шум?.. Ошеломлена она, подавлена?.. А может быть, она просто тихо плачет?.. Ладно, что бы она ни делала - это уже не его забота... Ведь он же сам отказался признать, что зеркало необходимо.

- Я где-то прочел об этом... Сейчас как будто очень часто уходят из дому?.. Это, я думаю, потому, что жизнь уж очень тяжелая, а может быть, и не только поэтому... Там вот как раз писали об одной такой совсем не бедной крестьянской семье. И земли они себе прикупили, и машинами обзавелись, и хозяйство, казалось, вели хорошо, а старший сын, несмотря на все это, ушел из дому. Был такой положительный, работающий парень. Родители голову ломали: с чего он вдруг ушел? В деревне люди лучше сознают свой долг, думают о том, чтобы сохранить доброе имя. Поэтому должны, наверное, быть какие-то особые причины, чтобы наследник ушел из дому...

- Да, конечно... Долг есть долг...

- Ну и как будто кто-то из родных нашел парня и попытался узнать, почему он это сделал. Оказалось, что он не убежал с женщиной, его не выгнали из дому ни любовные похождения, ни долги, - в общем, не было никакой особой

причины. Так в чем же дело?.. То, что сказал парень, просто не имеет никакого смысла. Да он и сам толком не знал, как объяснить свой поступок, сказал только, что не мог больше терпеть.

- И верно, есть же на свете бестолковые люди...

- Но если подумать, то этого парня понять можно. Ну что такое крестьянин? Работая изо всех сил и увеличивая свой участок, он только прибавляет себе работы... Предела его тяжелому труду нет, и единственное, что он приобретает, - это труд еще более тяжкий... Правда, к крестьянину его труд возвращается - урожаем риса и картошки. Чего же ему еще надо? С работой крестьянина нашу возню с песком сравнить нельзя. Ведь это все равно что строить каменную запруду на реке в преисподней - черти разбросают камни.

- А чем кончается эта история с рекой?

- Да ничем... именно в этом и состоит наказание за грехи!

- А что потом было с этим парнем, который должен был стать наследником?

- Он все заранее обдумал и, наверное, еще до того, как ушел из дому, устроился на работу.

- Ну и?..

- Ну и стал работать.

- А дальше что?

- Дальше? В дни зарплаты, вероятно, получал свои деньги, а по воскресеньям надевал чистую рубаху и шел в кино.

- А потом?

- Трудно сказать, надо спросить у самого парня.

- Но ведь когда он скопил денег, то, уж наверное, купил себе радио...

...Ну вот, взобрался наконец. Хотя, пожалуй, это лишь полпути... Нет, ошибся... Здесь уже ровное место... Да, но куда же девались огни?.. Он продолжал идти вперед без всякой уверенности... Казалось, это вершина огромной дюны... Почему же тогда откуда не видны огни? При мысли, что случилась беда, у него подкосились ноги. Поленился - вот и расплата. Съехал по крутому склону, не зная точного направления. Лощина оказалась больше, чем он предполагал. Она была не только глубокой, но и широкой. Вдобавок многоярусные волны песка на дне были нагромождены беспорядочно и мешали выбрать правильное направление. Но все равно никак не сообразишь, почему огни не видны... Если и сбился с пути, то не больше чем на полкилометра в ту или другую сторону. Его все время тянуло налево, - возможно, потому, что он боялся деревни. Он чувствовал: для того чтобы приблизиться к огням, нужно решиться пойти направо... Скоро туман рассеется, выглянут звезды... В общем, что бы то ни было, самый лучший и быстрый способ осмотреть все вокруг - подняться на дюну, неважно на какую, лишь бы она возвышалась над остальными...

Все-таки непонятно... Ну совершенно непонятно, почему женщину так интересует эта река в преисподней... Ведь разговоры о любви к родине, о долге имеют смысл лишь в том случае, если, отрекаясь, отказываясь от них, что-то теряешь. А что терять этой женщине?

(Радио и зеркало... Радио и зеркало...)

Приемник я ей, конечно, пришлю... Но не приведет ли это к обратным результатам: не потеряла ли она больше, чем приобретет? Кончилась, например, церемония приготовлений для мытья, которую она так любила. Даже жертвуя стиркой, всегда оставляла воду, чтобы я мог помыться. Плескала теплую воду мне между ног и, скорчившись, громко смеялась, как будто это ее мыли... Теперь уж не придется так смеяться.

Нет, отбрось иллюзии... Между мной и тобой с самого начала не было никакого договора. А если не было договора, не могло быть и нарушения договора. К тому же нельзя сказать, что меня самого это никак не коснулось. Например, запах дешевой, точно выжатой из дерьма водки, которую мы получали раз в неделю... твои неподатливые, сплетенные из тугих мускулов ляжки... чувство стыда, когда я пальцем, смоченным слюной, выбирал песок, напомиравший спекшуюся резину... И твоя застенчивая улыбка, делавшая все это еще более непристойным... И многое другое. Подсчитать все вместе - получится немало. Верь не верь, но факт остается фактом. Мужчина больше, чем женщина, склонен придавать значение мелочам.

А если вспомнить о том, что сделала со мной деревня, то нанесенный мне ущерб невозможно и подсчитать. По сравнению с этим мои отношения с женщиной - пустяк.

Но им он рано или поздно оплатит за все сполна... Он, правда, еще не знает, какой удар нанести, чтобы было побольней... Может, поджечь деревню, или отравить колодцы, или понаделать ловушек и по одному сбросить в песчаные ямы всех, кто виноват в его злоключениях – таким нехитрым способом он на первых порах распался свое воображение и воодушевлял себя. Но сейчас, когда ему представился случай осуществить задуманное, он уже не мог предаваться этим ребяческим мечтам. Да к тому же что может сделать один человек? Нет иного выхода, как прибегнуть к закону. Правда, в этом случае не исключена опасность, что закон окажется не в состоянии понять всю глубину жестокости происшедшего... Ладно, не теряя времени, он сообщит обо всем сначала хоть в местную полицию.

Да, было, наконец, еще одно...

Стой! Что это за звук?.. Нет, все тихо... Может, просто показалось. Но все же куда девались огни деревни? Даже если они не видны за высокими дюнами, все равно это ужасно. Можно себе представить, что произошло: у моего руля привычка забирать влево, я зашел слишком далеко в сторону мыса, и деревню теперь заслоняет какая-то высокая скала... Нечего мешкать... Решил. Попробую пойти вправо.

...Ну и, наконец, не хотелось бы, чтобы ты забыла еще об одном. Помнишь, ты ведь так и не ответила на мой вопрос. Тогда два дня подряд шел дождь. Когда идет дождь, оползни становятся угрожающими, но зато песок почти совсем не летит. В первый день мы сделали больше, чем обычно, и поэтому на другой день смогли передохнуть. Используя долгожданный отдых, я решил во что бы то ни стало докопаться до истины. Упрямо, будто сдирая с тела струпья, решил обнажить правду, чего бы мне это ни стоило, узнать, почему ты оказалась в этой яме. Я сам был поражен своим упорством. Сначала ты весело подставляла обнаженное тело потокам дождя, но в конце концов, вынужденная отвечать, заплакала. И стала говорить, что не можешь уйти отсюда только потому, что здесь погибли муж и ребенок, засыпанные вместе с курятником во время тайфуна. Если так, тебя действительно можно было понять. Причина вполне правдоподобная, и ясно, почему до сих пор ты избегала говорить об этом. Мне хотелось поверить тебе. И я решил на следующий же день урвать немного времени от сна и заняться поисками погибших.

Два дня я копал в указанном тобой месте. Но не нашел не только никаких останков, но даже и следов разрушенного курятника. Тогда ты показала другое место. Но и там я ничего не обнаружил. Ты стала приводить меня на все новые и новые места. В пяти разных местах в течение девяти дней продолжались бесцельные поиски. И тогда снова, готовая заплакать, ты начала оправдываться. Ты сказала, что, наверное, дом стоял на другом месте, что непрекращающееся давление песка сдвинуло его и повернуло, а возможно, и сама яма переместилась. Может, и курятник, и останки мужа и ребенка погребены под толстой стеной песка, отделяющей дом от соседнего, а очень может быть, что они оказались теперь в яме соседа. Теоретически это было возможно. Но твой несчастный, подавленный вид ясно показывал, что ты не столько собиралась обмануть меня, сколько с самого начала не хотела рассказать правду. Погибшие были, в общем, не более чем отговоркой. У меня уже просто не было сил рассердиться. И я решил больше не ломать голову над тем, кто у кого в долгу. Мне кажется, что и ты должна была это понять...

Что это?! Мужчина в страхе бросился на землю... Все произошло слишком быстро, он ничего не мог понять... Перед ним неожиданно выросла деревня!.. Он, видимо, шел прямо к вершине дюны, подступающей к деревне... И в тот момент, когда перед его глазами открылась вся панорама, он увидел, что находится в самой деревне... Не успел он опомниться, как рядом с ним из-за плетня раздался лай собаки. Подхватила вторая, а потом еще и еще – как цепная реакция. В крошечной тьме на него надвигалась, скаля клыки, плотная стая. Он вынул веревку, к которой были привязаны ножницы, и побежал. У него не было выбора. Единственное, что ему оставалось, – кратчайшим путем пробежать через деревню.

Человек бежал. Мелькавшие тусклым светом дома, мимо которых он бежал, то пропускали его, то вырастали препятствием. Вкус ветра, с шумом врывающегося в узкую щель горла... Вкус ржавчины... Опасный номер на тонком стекле, готовом разлететься вдребезги. Слишком поздно, чтобы надеяться, что переносчики песка еще не вышли из домов, и слишком рано, чтобы надеяться,

что они уже добрались до побережья. Пикап как будто еще не проезжал. Не может быть, чтобы он не обратил внимания на это сумасшедшее тарыхтение двухтактного мотора в километре отсюда. Положение отвратительное.

Неожиданно из мрака вылетел черный ком. Судя по громкому сопению, наверное, большая собака. Она, казалось, не была приучена к нападению и, прежде чем вцепиться в него, начала громко лаять. Мужчина хлестнул ее веревкой с привязанными ножницами и попал. С жалобным визгом она скрылась в темноте. К счастью, собака вырвала лишь клочок из его брюк. Он сделал резкое движение, ноги заплелись, и он упал, покотился, но тут же вскочил и побежал дальше.

Оказалось, собака не одна, их пять или шесть. Напуганные неудачей первой, они с громким лаем вертелись вокруг него, выжидая удобный момент для нападения. Может быть, та самая рыжая собака из развалившейся лачуги подзуживала их сзади. Взявшись за веревку сантиметрах в пятидесяти от конца, он стал изо всех сил вертеть ее над головой. Защитившись таким образом от собак, он перемахнул через кучу колотых ракушек, пробежал узкий проход между плетнями, какой-то двор, где сушилась на земле солома, и наконец выбежал на широкую дорогу. Еще немного – и деревня кончится!

Вдоль дороги шла узкая канава. Из нее вдруг вылетело двое ребят – похоже, брат и сестра. Он увидел их слишком поздно. Дернул веревку, чтобы ножницы не задели их, но ничего не вышло, и все трое полетели в канаву. По дну канавы был проложен желоб. Раздался треск дерева. Дети завопили... Черти, чего они так орут!.. Изо всех сил он оттолкнул их и вылез. И в этот миг лучи карманных фонарей, три в ряд, преградили ему дорогу.

Ударил колокол. Дети громко плакали... Собаки продолжали лаять... От каждого удара колокола сердце больно сжималось. Бесчисленные насекомые, как зерна риса, поползли из раскрывшихся нор. Один из карманных фонарей, по-видимому, имел приспособление для концентрирования света – луч его то расплывался, то вдруг прокалывал тонкой раскаленной иглой.

Броситься, что ли, прямо на них и разбросать пинками?.. Если удастся прорваться, то там уж он будет за деревней... Придется ему раскаиваться или нет – все зависит от этой минуты... Ну, хватит мешкать!.. Не то будет поздно... еще немного, и преследователи могут оказаться сзади – тогда все пропало!

Пока он колебался, фонари начали окружать его, подступая справа и слева, все сокращая и сокращая расстояние. Мужчина крепче схватил веревку и напрягся, но никак не мог решиться. Носки ног все глубже уходили в мягкую почву. Увеличившееся пространство между фонарями заполнено тенями людей. Сколько их? А на краю дороги что-то похожее очертаниями на яму – ах нет, это пикап. Если он и прорвется вперед, его схватят сзади. За спиной он услышал топот убежавших детей – они уже не плакали. Мелькнула отчаянная мысль. Схватить их и использовать как щит! Они будут заложниками, и он не даст этой сволочи приблизиться! Но когда повернулся, чтобы схватить их, увидел новые огни, подстерегавшие его. Путь отрезан!

Точно отпущенная пружина, он бросился назад, со всех ног побежал по той же самой дороге, по которой добрался сюда. Он делал это почти бессознательно, надеясь найти место, где бы мог пересечь дюну, которая была продолжением мыса. С воплями за ним гналась, казалось, вся деревня. От слишком большого напряжения ноги ослабли, будто из них вытянули сухожилия. Но, может быть, потому, что его преследователи были застигнуты врасплох, ему все еще удавалось сохранять достаточную дистанцию, позволявшую время от времени оглядываться и смотреть, где они.

Сколько он пробежал?.. Уже пересек несколько дюн. И чем больше тратил сил, тем больше ему казалось, что все напрасно, что он бежит на месте, как во сне. Но сейчас не время рассуждать о том, насколько эффективно он расходует свои силы. Во рту появился вкус крови, смешанной с медом. Он хотел сплюнуть, но слюна была вязкой и никак не вылевывалась. Пришлось выгребать пальцем.

Колокол продолжал звонить, но до него уже было далеко, и временами звук совсем исчезал. Собаки тоже отстали и лаяли откуда-то издали. Слышен был лишь звук собственного дыхания, напоминавший скрежет напильника о металл. Фонари преследователей – все три, – по-прежнему растянувшись цепочкой и покачиваясь вверх и вниз, как будто не приближались, но и не отдалялись. И беглецу, и тем, кто гнался за ним, было одинаково трудно бежать. Теперь

победит тот, кто дольше выдержит. Но это не утешает. Может быть, от слишком длительного напряжения воля надломилась, подкралась слабость – желание, чтобы силы поскорее оставили его. Опасный симптом... Но пока он сознает эту опасность, еще ничего...

Ботинки полны песка, пальцы болят... Преследователи отстали метров на семьдесят-восемьдесят, чуть вправо. Почему они сбились в сторону? Старались, наверное, избежать подъемов, вот и вышло такое. Похоже, что и они здорово устали... Говорят, что преследователь устает быстрее. Мужчина в момент разулся и побежал босиком... Если положить ботинки в карманы, будут мешать, и он заткнул их за пояс. Передохнув, одним махом одолел довольно крутой подъем. Если так пойдет, то он, пожалуй, сможет убежать от этих гадов...

Луна еще не взошла, но свет звезд испещрил все вокруг темными и светлыми пятнами, и гребни дальних дюн было ясно различимы. Он бежал как будто к мысу. Опять руль забирает влево. Только он собрался изменить направление, как вдруг сообразил, что этим он сократит расстояние между собой и преследователями. Тогда-то он понял наконец их план и испугался.

Да, на первый взгляд неумело избранный ими путь на самом деле хорошо продуман: они старались прижать его к морю. Не зная того, он все время был у них в руках. Подумав, он понял, что и карманные фонари служили им для того, чтобы показывать ему, где они находятся. Значит, и то, что они не приближаются и не отдаляются, а все время держатся на одном расстоянии, – тоже неспроста.

Нет, сдаваться еще рано. Где-то должна быть дорога, чтобы подняться на скалы, и, если не будет другого выхода, можно морем вплавь обогнуть мыс. Нужно отбросить всякие колебания – стоит только представить себе, как его схватят и водворят обратно в яму.

За длинным пологим подъемом – крутой спуск... За крутым подъемом – длинный пологий спуск... Шаг, еще шаг – точно бусы нанизываются одна к одной – испытание терпения. На какой-то миг колокол умолк. Невозможно определить, что он слышит: вой ветра, шум моря или это просто звон в ушах. Поднявшись на одну из дюн, он обернулся. Огни преследователей исчезли. Подождал немного – не появляются.

Здорово. Неужели удалось убежать от них?

Надежда заставила сердце биться сильнее. Если это правда, то отдыхать сейчас тем более не следует... Вздохнуть еще разок – и вперед, до следующей дюны!

Но почему-то очень трудно бежать. Ноги отяжелели. И тяжесть какая-то необычная. Он не просто чувствовал ее – ноги действительно стали уходить в песок. Точно снег, подумал он, когда ноги до половины голени были уже в песке. Испугавшись, он попытался вытащить одну ногу, но другая увязла до колена. Что такое? Он слышал, будто существуют пески, заглатывающие человека... Он изо всех сил старался выбраться, но чем больше бился, тем глубже погружался. Ноги утонули уже почти до бедер.

А может, это просто ловушка?! Они и загоняли его не к морю, а именно сюда!.. Они просто хотят уничтожить его, не тратя времени на поимку!.. Это самое настоящее уничтожение... Фокусник со своим платком не мог бы сработать чище... Еще порыв ветра – и он с головой уйдет в песок... И тогда его не найти даже полицейской собаке, получившей на конкурсе первую премию... Эти негодяи теперь уже наверняка не покажутся!.. Они ничего не видели, ничего не слышали... Какой-то дурак, нездешний, сам заблудился и пропал... И всё, сволочи, сработают, даже рук не запачкав.

Тону... Тону... Вот уж и по пояс в песке... Что же делать? Если удастся увеличить площадь соприкосновения с песком, давление тела в каждой точке уменьшится, – он, пожалуй, перестанет погружаться... Раскинув руки, он лег грудью на песок... Но было поздно. И хотя он лежал на животе, нижняя часть тела застыла в вертикальном положении. У него болела поясница, и он уже не мог больше оставаться изогнутым под прямым углом. Да и любой, даже тренированный спортсмен не сумел бы долго пробыть в таком положении.

Темно-то как... Вся вселенная закрыла глаза и заткнула уши. Подохнешь здесь, и никто даже не взглянет в твою сторону! Страх, затаившийся где-то глубоко в горле, вдруг вырвался наружу. Мужчина раскрыл рот и взвыл, как животное:

– Помогите!

Избитая фраза!.. Ну и пусть избитая... На краю гибели не до

оригинальности. Жить во что бы то ни стало – даже если твоя жизнь будет в точности похожа на жизнь всех остальных, как дешевое печенье, выпеченное в одной и той же форме! Скоро песок дойдет до груди, до подбородка, до кончика носа... Больше нет сил!

– Помогите!.. Обещаю все, что угодно!.. Умоляю, помогите!.. Умоляю!

Мужчина не выдержал. Сначала он только всхлипывал, а потом заплакал навзрыд. Он с ужасом понял, что все пропало. Теперь безразлично – никто его не видит... Жаль, конечно, что все это происходит без необходимой в таких случаях процедуры... Когда умирает приговоренный к смерти, он может оставить свои записки... Здесь, сколько ни кричи... никто не обратит внимания. Плохо!

Он даже не очень удивился, когда сзади вдруг послышались голоса. Он был побежден. Чувство стыда перегорело и превратилось в пепел, как крылышко стрекозы, к которой поднесли огонь.

– Эй, хватайтесь!

Вниз сползла длинная доска и уперлась ему в бок. Луч света прочертил в темноте круг и осветил доску. Мужчина с трудом повернул скованное туловище в ту сторону, откуда слышались голоса, и жалобно попросил:

– Простите, может, вы вытащите меня этой веревкой...

– Да нет, вы же не пень, чтобы вас корчевать...

Сзади засмеялись. Точно не определишь, но их человек пять-шесть.

– Потерпите еще немного, уже пошли за лопатами... Упритесь локтями в доску, и все будет в порядке...

Как ему и посоветовали, он оперся локтями о доску и опустил голову на ладони. Волосы взмокли от пота. Он ничего не чувствовал, только хотелось как можно скорее выйти из этого унижительного положения.

– А знаете... Вам еще повезло, что мы бежали следом. Здесь такая трясина – собаки и те близко не подходят... Вы были в большой опасности... Даже не знаю, сколько людей, ничего не подозревая, забредали сюда да так и не возвращались... Здесь, за горами, место затишное, вот и намечает сюда песок... Когда приходит зима – наносит снег... На него опять песок... Потом снова снег, и так лет сто – как недопеченная слоеная вафля... Об этом говорил нам сын бывшего председателя артели, тот, что уехал в город учиться... Интересно, верно?.. Если попробовать докопаться до дна, может, добудешь что-нибудь стоящее.

К чему это он?! Говорит с таким видом, будто сам чистенький и ни в чем не виноват. Мог бы кончить свои разглагольствования... Гораздо уместнее сейчас было бы просто позубоскалить... Или уж лучше пусть уйдет и оставит его наедине с рухнувшими надеждами.

Какое-то оживление – видно, принесли лопаты. Трое мужчин, прикрепив к подошвам доски и с трудом удерживая равновесие, на некотором расстоянии стали откапывать вокруг него песок. Пласт за пластом. И мечты, и стыд, и отчаяние – все было погребено под этим песком. И он даже не удивился, когда его взяли за плечи. Прикажи они, и он мог бы спустить штаны и на их глазах начать испражняться. Небо посветлело – сейчас, наверное, выглянет луна. С каким лицом встретит его женщина?.. Все равно с каким... Теперь его могут хлестать как угодно – он должен терпеть.

Мужчину обвязали под мышками веревкой и, как мешок снова опустили в яму. Никто не проронил ни слова. Казалось, они присутствуют при его погребении. Яма глубокая, темная. Лунный свет затянул дюны тонким блестящим шелком; узоры, прочерченные ветром, даже следы от ног превратил он в переливающееся, застывшее складками стекло. И только яма. Не желая влиться в этот пейзаж, оставалась погруженной во мрак. Но все это мужчину не трогало. Когда он поднял голову и посмотрел на луну, то сразу почувствовал тошноту и головокружение – так смертельно он устал.

В этой крошечной тьме женщина вырисовывалась еще более темным пятном. Поддерживаемый ею, он едва доплелся до постели, но саму женщину почему-то не видел. И не только ее – все вокруг расплывалось, точно в тумане. Даже повалившись на матрас, н все еще бежал по песку... Во сне он тоже продолжал бежать. Спал беспокойно. Отчетливо помнил шум спускавшихся и поднимающихся корзин, далекий лай собак. Знал, что женщина возвращалась среди ночи, чтобы поесть, и зажигала лампу, стоявшую около его постели. Но окончательно проснулся, только когда встал попить воды. Пойти помочь женщине у него сил не было.

Он зажег лампу и закурил, рассеянно оглядываясь по сторонам. Толстенный, но проворный паучок забегал вокруг лампы. Будь это бабочка – он бы не удивился, но чтобы свет привлекал паука – странно. Он хотел уже было пригнать его сигаретой, но передумал. Паук с точностью секундной стрелки кружил вокруг лампы на расстоянии пятнадцати-двадцати сантиметров. Может быть, не только свет привлекал его? Нет, он ждал и дождался, когда на огонь прилетела ночная бабочка. Несколько раз ударилась о стекло лампы, и тень ее крупно отпечаталась на потолке, потом она упала на металлическую подставку и больше не двигалась. Какая-то странная бабочка – противная очень. Он прижал к ней сигарету. Нервные центры были парализованы, и он подбросил еще корчившееся насекомое на ту дорожку, где бегал паук. Разыгралась драма, которую он предвидел. В мгновение паук подскочил и вцепился в еще живую бабочку. Потом снова стал кружить вокруг лампы, таща свою жертву, теперь уже неподвижную. Наверное, наслаждался, предвкушая, как сожрет сочную бабочку.

Он и не знал, что есть такие пауки. Как умно использовать вместо паутины лампу. Если сплеть паутину, останется только ждать, чтобы кто-нибудь попал в нее, а с помощью лампы жертву можно самому завлечь. Нужен только подходящий источник света. В природе, к сожалению, их нет. Луна или лесные пожары вряд ли подойдут. Не исключено, что этот паук представляет собой какой-то новый вид, выработавший свои инстинкты, эволюционируя вслед за человеком... Объяснение, пожалуй, неплохое... Но как тогда объяснить, что свет привлекает мотыльков?.. Бабочка не то что паук, едва ли свет лампы способствует сохранению вида. Однако явление это возникло опять-таки после того, как появился искусственный свет. Доказательством может служить хотя бы то, что бабочки не собрались в стаи и не улетели к Луне.

Было бы еще понятно, если бы подобным инстинктом обладал какой-то один вид насекомых. Но ведь это общее для всех мотыльков, которых насчитывается десять тысяч видов. Значит, это какой-то определенный неизменный закон. Слепое, бешеное трепетание крыльев, вызываемое искусственным светом. Таинственная связь между светом, пауками и бабочками... Если закон может проявляться так неразумно, то во что же тогда верить?

Мужчина закрыл глаза.. Поплыли мутные блики... Когда он протягивал руку, чтобы схватить их, они начинали метаться и исчезать... Точно тени шпанских мушек на песке...

Он проснулся от рыданий.

- Что плачешь?

Женщина, стараясь скрыть замешательство, поспешно поднялась.

- Простите... Хотела приготовить вам чаю...

Ее сдавленный голос, пропитанный слезами, озадачил мужчину. Когда она наклонилась и стала разжигать печурку, спина ее как-то странно подрагивала, и он долго не мог понять, в чем дело. Соображал он с трудом, будто вяло перелистывал страницы покрытой плесенью книги. Но хорошо еще, что мог переворачивать страницы. Неожиданно ему стало нестерпимо жаль себя.

Не вышло...

- И так глупо все провалилось.

- Но ведь никому не удавалось... ни разу еще.

Она говорила сквозь слезы, но в ее голосе звучали нотки уверенности, точно она оправдывала и объясняла его провал. Что ни говори – трогательное сочувствие. Было бы чересчур несправедливо не отозваться на него.

- Жаль все-таки.. Я уже решил, если удастся убежать, сразу же куплю и пришлю тебе приемник...

- Приемник?

- Ты же давно о нем мечтала.

- Да ничего не нужно... – Женщина говорила робко, точно извиняясь. – Если я как следует поработаю, смогу и здесь купить. Если в рассрочку, то на первый взнос денег хватит, наверное.

- Да, конечно, если в рассрочку...

- Когда вода согреется, помоемся?

Внезапно в нем поднялась тоска, серая, как рассвет... Нужно зализывать раны друг друга. Но если бесконечно зализывать незаживающие раны, то от языка ничего не останется.

- Ну ладно, не нужно утешать... Жизнь не такая штука, чтобы прожить ее в утешении... Там своя жизнь, здесь – своя, и всегда кажется, что чужая жизнь слаще... Самое противное – думать: что, если жизнь вот так и будет

идти?.. Что это за жизнь? Этого ведь никто не знает... Эх, лучше быть по горло заваленным работой и не думать обо всем этом...

- Помоемся?

Женщина сказала это точно для того, чтобы приободрить его. Мягко, успокаивающе. Мужчина медленно стал расстегивать пуговицы на рубашке, снимать брюки. Он весь с головы до ног был покрыт песком. (Что делает сейчас та, другая?). Все, что было до вчерашнего дня, казалось далеким прошлым.

Женщина начала намывать полотенце.

*** ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ***

Октябрь. В течение дня лето, все еще не желавшее уходить, так раскаляло песок, что босиком на нем и пяти минут не простоишь. Но стоило солнцу сесть, как промозглый холод проникал сквозь дырявые стены, и, прежде чем растопить очаг, приходилось высушивать отсыревшую золу. Утром и вечером в безветренную погоду из-за резких скачков температуры поднимался туман, напоминавший мутную реку.

Мужчина соорудил за домом ловушку для ворон. Он назвал ее "Надежда". Устройство это было очень простое, с учетом свойств песка. Он вырыл довольно глубокую яму и закопал туда деревянный бочонок. Тремя клинышками, величиной со спичку, закрепил крышку, которая по размеру была чуть меньше бочонка. К каждому клинышку привязал тонкую нитку. Нитки проходили через отверстие в центре крышки и скреплялись с проволокой, находившейся снаружи. На конец проволоки насадил наживку - вяленую рыбу. Все сооружение тщательно засыпал песком, оставив снаружи только наживку в небольшом песчаном углублении. Стоит вороне схватить наживку, как моментально слетают клинышки, крышка падает на дно бочонка и происходит песчаный обвал; ворона заживо погребена... Испытал несколько раз свое сооружение. Действовало оно безотказно. Ему уже отчетливо виделась несчастная ворона, так стремительно засыпанная песком, что даже крыльями не успела взмахнуть.

... Если повезет и удастся поймать ворону, можно будет написать письмо и привязать к ее лапке... Но, конечно, все дело в везении. Во-первых, очень мало шансов, что выпущенная ворона второй раз попадет в руки человека... Да и не узнаешь, куда она полетит... Как правило, район полета ворон крайне ограничен... И не исключено, что если эти типы из деревни сопоставят два факта: моя ворона сбежала, а в стае появилась ворона, у которой к ноге привязан кусок белой бумаги, - то им сразу же станут ясны мои намерения... Т все, что было так тщательно продумано, с таким терпением выполнено, окажется напрасным...

После неудачного побега мужчина стал очень осторожен. Он приспособился к жизни в яме, будто впал в зимнюю спячку, и заботился только о том, чтобы рассеять подозрительность жителей деревни. Говорят, что бесконечное повторение одного и того же - самая лучшая маскировка. И если вести жизнь, которая будет состоять из простых повторений одного и того же, то, может быть, в конце концов о нем забудут.

Повторение может принести и такую пользу. Ну, например, два последних месяца женщина изо дня в день, не поднимая головы, ниже бусы и так поглощена этой работой, что у нее лицо опухло. Длинная игла так и мелькает, когда она острым концом поддевает отливающие металлом бусинки, насыпанные в картонную коробку. Ее сбережения достигли, пожалуй, двух тысяч йен. Поработает она так еще с полмесяца - и хватит денег для первого взноса за приемник.

В игле, пляшущей вокруг коробки с бусинками, столько значительности, будто эта коробочка была центром вселенной. Повторение окрашивало настоящее, вселяло ощущение реальности окружающего. И мужчина решил тоже целиком отдаться однообразной физической работе. Сметать песок с чердака, просеивать рис, стирать - все это стало его повседневной обязанностью. Пока он работал, напевая себе под нос, время летело быстрее. Ради собственного удовольствия он соорудил небольшой полог из полиэтилена, чтобы, когда они спят, на них не сыпался песок, и придумал приспособление для варки рыбы в горячем песке...

Чтобы не расстраиваться, он с тех пор не читал газет. Достаточно было потерпеть неделю – и читать уже почти не хотелось. А через месяц он вообще забыл об их существовании. Когда-то он видел репродукцию гравюры, которая называлась "Ад одиночества", и она его поразила. Там был изображен человек в странной позе, плывущий по небу. Его широко открытые глаза полны страха. Все пространство вокруг заполнено полупризрачными тенями покойников. Ему трудно пробираться сквозь их толпу. Покойники, жестикулируя, отталкивая друг друга, что-то беспрерывно говорят человеку. Почему же это "Ад одиночества"? Он тогда подумал, что перепутано название. Но теперь понял, что одиночество – это неутоленная жажда мечты.

Именно поэтому грызут ногти, не находя успокоения в биении сердца. Курят табак, не в состоянии удовлетвориться ритмом мышления. Нервно дрожат, не находя удовлетворения в половом акте. И дыхание, и ходьба, и перистальтика кишечника, и ежедневное расписание, и воскресенье, наступающее каждый седьмой день, и школьные экзамены, повторяющиеся каждые четыре месяца, – все это не только не успокаивало его, но, напротив, толкало на все новое и новое повторение. Вскоре количество выкуриваемых сигарет увеличилось, ему снились кошмарные сны, в которых он вместе с какой-то женщиной, у которой были грязные ногти, все время искал укромные, укрытые от посторонних глаз уголки. И когда в конце концов он обнаружил симптомы отравления, то сразу же обратился мыслями к небесам, поддерживаемым простым циклическим эллиптическим движением, к песчаным дюнам, где господствуют волны длиной в одну восьмую миллиметра.

Он испытывал некоторое удовольствие от нескончаемой борьбы с песком, от своей ежедневной работы, превращенной им в урок, но нельзя сказать, что это было чистое самоистязание. Он бы не удивился, найдя в том путь к выздоровлению.

Но однажды утром вместе с продуктами, которые доставлялись регулярно, к нему попал журнал карикатур. Журнал как журнал, ничего особенного. Обложка порвана, весь он захватан грязными пальцами – не иначе добыли его у какого-нибудь старьевщика. И хотя вид у журнала неприглядный, само его появление можно было расценивать как заботу о нем жителей деревни. Больше всего он был озадачен тем, что, читая журнал, катался от смеха по полу, бил ногами, точно у него начались конвульсии.

Карикатуры были самые дурацкие. Бессмысленные, вульгарные, плохо выполненные – спроси у него, что в них забавного, он не смог бы ответить. Удачной была лишь одна карикатура, изображавшая лошадь, у которой подкосились ноги, и она упала, когда на нее взобрался огромный мужчина. Морда у лошади действительно была смешная. Но все равно, разве в его положении можно смеяться? Постыдился бы. Приспособляться можно до определенного предела. Причем это должно быть средством, но ни в коем случае не целью. Одно дело разглагольствовать о зимней спячке, а другое – превратиться в крота и убить в себе всякое желание выйти на свет.

Правда, если вдуматься, нет никакой надежды, что представится случай когда-либо каким-либо способом выбраться отсюда. Но ведь не исключено, что можно привыкнуть просто к ожиданию, лишенному всякой цели, а когда кончится время зимней спячки, окажется, что свет ослепил тебя и ты не можешь выйти наружу. Говорят ведь: нищий три дня – нищий навсегда... Внутренняя ржавчина появляется удивительно быстро... Он глубоко задумался, но стоило вспомнить уморительную морду лошади, как снова им овладел дурацкий смех. Женщина под лампой, как всегда поглощенная кропотливым нанизыванием бус, подняла голову и простодушно улыбнулась. Мужчина, не в состоянии вынести собственное предательство, отбросил журнал и вышел. Над ямой клубился молочный туман. Остатки ночи – разбросанные клочки теней... клочки, сверкающие, как раскаленная металлическая нить... плывущие клочки, превратившиеся в блестящие капельки пара... И это сказочное сочетание теней будило мечту, предела которой не было. Он смотрел и не мог насмотреться. Каждое мгновение было наполнено все новыми и новыми открытиями. Здесь было все – и образы, существовавшие в действительности, и фантастические образы, которых он никогда не видел.

Повернувшись к этому водовороту теней, мужчина стал звать:

– Господин председатель суда, познакомьте меня с обвинением! Скажите мне, каковы причины такого приговора?! Подсудимый стоя ждет вашего ответа!

Из тумана раздался голос, показавшийся ему знакомым. Он был глухой,

словно звучал из телефонной трубки.

- Один из сотни в конце-то концов...

- Что?

- Я говорю, в Японии на сто человек приходится один шизофреник.

- Простите, вы о чем?..

- Кстати, клептоманов тоже один на сто...

- Да о чем это вы?

- Если однополой любви среди мужчин подвержен один процент, то, естественно, таким же должен быть и процент женщин. И если продолжить - один процент поджигателей, один процент алкоголиков, один процент психически отсталых, один процент сексуальных маньяков, один процент страдающих манией величия, один процент закоренелых преступников, один процент импотентов, один процент террористов, один процент параноиков...

- Прошу вас, довольно этих несуразностей...

- Хорошо, слушай спокойно. Прибавим боязнь высоты, боязнь скорости, наркоманию, истерию, одержимых мыслью об убийстве, сифилитиков, слабоумных... - тоже по одному проценту - и получим в общем двадцать процентов... И если ты можешь таким же образом перечислить еще восемьдесят аномалий - а нет никаких сомнений, что сделать это можно, - значит, совершенно точно, статистически доказано, что все сто процентов людей ненормальны.

- Ну что за глупость! Если бы не было какого-то эталона нормальности, то невозможно было бы установить и ненормальность!

- Не нужно так, ведь я просто хотел тебя защитить...

- Защитить?..

- Но ведь ты сам вряд ли будешь настаивать на своей виновности?

- Конечно, не буду!

- Тогда веди себя более покладисто. Каким бы неисключительным ни было положение, терзать себя нет никакого смысла. Люди не обязаны спасать диковинную гусеницу, но у них нет права и судить ее...

- Гусеницу?.. Почему протест против незаконного задержания превратил меня в диковинную гусеницу?

- Не прикидывайся простачком... В Японии, типичном районе высокой влажности и температуры, восемьдесят семь процентов стихийных бедствий приходится на наводнения, и в этих условиях ущерб от разносимого ветром песка составит тысячную долю процента. Принимать это в расчет - все равно что устанавливать специальное законодательство по борьбе с наводнениями в Сахаре. Глупый разговор!

- Я об этом и не говорю. Речь идет о моих мучениях. Незаконное задержание везде незаконно - будь то в пустыне, будь то в болоте!

- А, незаконное задержание... Но ведь предела людской жадности нет... И ты - лакомый кусок для жителей деревни.

- Дерьмо тоже еда! Но для меня смысл существования в чем-то более высоком!

- Все это так. Значит, ты считаешь, что тебе не повезло с твоим обожаемым песком?

- Не повезло?..

- Я слышал, на свете есть люди, которые чуть ли не десять лет жизни посвятили тому, чтобы найти число с точностью до нескольких сотен знаков... Прекрасно... В этом, наверное, тоже может быть смысл существования... Но именно потому, что ты отвергаешь подобный смысл существования, ты в конце концов и забрел в эти места.

- Неверно! И у песка тоже есть совершенно иной облик!.. Разве не идет он, к примеру, на формы для отливки?.. Потом - он необходимое сырье, придающее твердость бетону... Легкость, с которой удаляются из песка бактерии и сорняки, позволяет использовать его для исследований в области сельского хозяйства... Наконец, проводились опыты по превращению песка в плодородную почву путем внесения в него энзимов... В общем, о песке так просто не скажешь...

- Ну и ну, ревностно же ты обращаешь в свою веру... Но если ты изменишь собственную точку зрения, я не буду знать, чему же наконец верить.

- Мне противно подохнуть как собаке!

- А разве не все равно... Сорвавшаяся с крючка рыба всегда кажется больше пойманной.

- Черт тебя подери, кто же ты наконец?

Но ключья тумана взвились вверх, и ответа он не расслышал. Теперь пучком скользнули вниз лучи света. Свет ослепил его. Сжав зубы, он не позволил усталости, комку вязкой сажи, подступившему к горлу, вырваться наружу.

Каркнула ворона. Вспомнив о ловушке, он решил пойти за дом и осмотреть свою "Надежду". Надежды на успех почти нет, но это занятие интереснее, чем журнал с карикатурами.

Приманка по-прежнему была не тронута. Запах протухшей рыбы ударил в нос. С тех пор как он соорудил "Надежду", прошло больше двух недель - и никаких результатов. В чем же, собственно, причина? В конструкции ловушки он был уверен. Если бы ворона схватила приманку, все было в порядке. Но вороны даже не смотрели в эту сторону, и тут уж ничего не поделаешь...

Что же не нравилось им в его "Надежде"? Ведь с какой стороны ни посмотри - подозрительного в приманке нет ничего. Вороны отличаются тем, что, охотясь за отбросами, оставляемыми человеком, все время вертятся вокруг человеческого жилья, соблюдая при этом крайнюю осторожность. Они точно состязаются в терпении с человеком. Пока в их сознании тухлая рыба в этой яме не превратится в нечто совершенно обычное... В общем, терпение - это далеко еще не капитуляция... Наоборот, когда терпеливость начинаешь воспринимать как поражение, тогда-то настоящее поражение и начинается. Ведь именно поэтому он и выбрал название "Надежда". Мыс Доброй Надежды - не Гибралтар, а Кейптаун... Медленно волоча ноги, мужчина вернулся в дом... Снова пришло время сна.

Когда женщина увидела его, она задула лампу, будто только сейчас вспомнив об этом, и пересела ближе к двери, где было посветлее. Неужели она еще собирается продолжать работу? Ему вдруг нестерпимо захотелось сделать что-нибудь. Подскочив к женщине, он сбросил с ее колен коробку с бусами. Черные шарики, похожие на плоды какого-то растения, рассыпались по земляному полу и мгновенно погрузились в песок. Женщина испуганно смотрела на него, не проронив ни слова. Мужчина стоял с тупым выражением лица. С обмякших губ вместе с желтой слюной сорвался жалобный стон.

- Бесплезно... Ненужная трата сил... Совершенно бесполезный разговор... Ты уже отравлена...

Женщина молчала. Она тихо перебирала пальцами уже нанизанные на нитку бусы. Они сверкали, как кусочки желе. Мужчину охватил озноб: дрожь снизу от ног поднималась выше и выше.

- Да, это точно. Скоро уже ничего нельзя будет изменить. В один прекрасный день мы обнаружим, что в деревне не осталось ни одного человека, только мы... Мне все понятно... Правда... Правда... Теперь нас это ждет, и очень скоро... И когда пойдем, что нас предадут, будет поздно... Мы отдали все силы, но им на это наплевать.

Женщина, неотрывно глядя на зажатые в руках бусы, тихонько покачивала головой.

- Нет, не может этого быть. Как они будут жить, если уйдут отсюда, - сразу ведь не устроишься?..

- А не все ли равно? Разве существование здесь хоть сколько-нибудь похоже на жизнь?

- Но есть песок, поэтому...

- Песок? - Мужчина, стиснув зубы, повел подбородком. - Песок, а для чего он? Ломаного гроша на нем не заработаешь, только жизнь утяжеляет.

- Нет, его продают.

- Продают?.. Кому же они его продают?

- Ну, на это, на строительство, что ли... Его в бетон добавляют...

- Не болтай! Здорово было бы, если бы в цемент добавляли этот песок - в нем ведь полно соли. Во-первых, это было бы нарушением строительных законов или там инструкций...

- Ну, конечно, тайно продают... Доставляют за полцены...

- Болтаешь, что на ум взбредет! Ведь когда фундамент или плотина развалится, их не спасет то, что песок был за полцены или даже даровой!

Женщина бросила на него сердитый взгляд. Потом опустила глаза, в тоне ее уже не было покорности.

- А нам что, не все равно? Не наше это дело, и нечего соваться!

Мужчина оторопел. Происшедшая в ней перемена была разительна – будто с лица ее упала маска. Это было лицо деревни, представшей перед ним в облике женщины. До сих пор деревня была для него лишь палачом. Или бесполезным хищным растением, прожорливой актинией. Себя же он считал несчастной, случайно схваченной жертвой. Однако жители деревни считали, что именно они брошены и покинуты всеми. Естественно, у них не было никаких обязательств по отношению к остальному миру. Значит, поскольку он принадлежал к тем, кто причиняет им вред, выставленные деревней клыки были направлены на него. Он еще ни разу не думал так о своих отношениях с деревней. Неудивительно, что он растерялся. Но отступить из-за этого – все равно, что перечеркнуть свою правоту!

– Может, и правда о других нечего беспокоиться, – В возбуждении он приподнялся. – Но на мошеннической торговле ведь кто-то здорово наживает, а? Можно и не гнуть спину на этих типов...

– Нет, продажа песка – это дело артели.

– Ну да... Но все равно в конце-то концов у кого больше акций, кто денег больше вложил, тот...

– Хозяева, у которых были деньги, чтобы купить себе шхуну, давно отсюда уехали... А к нам относятся очень хорошо... Правда, обмана никакого нет... Если думаете, что я вру, велите им показать записи, и вы сразу поймете.

Мужчина стоял растерянный, взволнованный. Он вдруг почувствовал себя жалким и беспомощным. Карта операции, где противник и свои войска были обозначены разным цветом, превратилась в какую-то загадочную картинку, на которой ничего нельзя разобрать. И не стоило так уж расстраиваться из-за этого журнала с карикатурами. Никого здесь не волнует, заливаешься ты дурацким смехом или нет... Он заборотал отрывисто, с трудом ворочая языком:

– Ну да... Да, конечно... Чужие дела... Это верно...

Потом с его губ сорвались слова неожиданные для него самого, не связанные с тем, что говорилось раньше.

– Надо бы не откладывая купить горшок с каким-нибудь растением. – Он сам поразился, но лицо женщины было еще более озадаченным, и он уже не мог отступить. – Мертво вокруг, даже глазу не на чем отдохнуть...

Женщина ответила тревожно:

– Может, сосну?... Нет, сосну я не люблю... В общем все равно что, можно хоть траву какую... Около мыса много ее растет, как она называется?

– Пушица, что ли. Но все-таки деревце лучше, а?

– Если дерево, то, может, клен или павлонию с тонкими ветками и большими листьями... Чтобы они развевались на ветру...

Развевались... Трепещущие гроздья листьев. Захоти они убежать, не убегут – прочно прикреплены к стволу...

Неизвестно почему, дыхание его вдруг стало прерывистым. Он готов был расплакаться. Быстро наклонившись к земляному полу, где были рассыпаны бусинки, он неловкими движениями начал шарить в песке. Женщина поспешно поднялась.

– Ничего, ничего. Я сама... Через сито все быстро просею.

Однажды, когда мужчина зашел по нужде за дом и смотрел на висевшую над краем ямы пепельную луну, такую близкую, что, казалось, ее можно потрогать рукой, он неожиданно почувствовал сильный озноб. Может, простудился?... Да нет, не похоже. У него много раз бывал озноб перед тем, как повышалась температура, но сейчас было что-то другое. Ему не казалось, что воздух колючий, не покрылся он и гусиной кожей. Дрожь ощущалась не в коже, а где-то в костях. Она расходилась кругами, как рябь на воде от брошенного камня. Тупая боль передавалась от одной кости к другой, и было не похоже, что она пройдет. Такое ощущение, будто вместе с ветром в него залетел ржавый жестяной бидон и с грохотом гуляет по телу.

Пока он стоял так, весь дрожа, и смотрел на луну, в голову пришли самые неожиданные ассоциации. На что похожа эта плоская луна? Болячка, покрытая рубцами и кое-где припудренная грубо смелотой мукой... Высохшее дешевое мыло... Или, может быть, заплесневевшая круглая алюминиевая коробка для завтраков... А ближе к центру совсем уж невероятные образы. Череп... Общая во всех странах эмблема яда... Присыпанные порошком белые кристаллы на дне бутылки для насекомых... Удивительное сходство между поверхностью луны и кристаллами, остающимися после того, как испарится цианистый калий. Бутыль

эта, наверное, все еще стоит около двери, засыпанная песком...

Сердце стало давать перебои, точно треснувший шарик пинг-понга. Какие-то жалкие ассоциации. Почему он думает все время о таких зловещих вещах? И без того в октябрьском ветре слышится горечь и отчаяние. Он проносится с воем, будто играя на дудке, сделанной из пустого стручка.

Глядя на край обрыва, чуть освещенный луной, мужчина подумал, что, может быть, испытываемое им чувство, будто внутри у него все спалено, – просто зависть. Зависть ко всему, что олицетворяет оставленное им наверху, – у улицам, трамваям, светофорам на перекрестках, рекламе на телеграфных столбах, дохлым кошкам, аптекам, где торгуют сигаретами. И так же как песок сожрал внутренности стен и столбов дома, зависть изъела его собственные внутренности и превратила его в пустую кастрюлю, оставленную на горячей печке. Кастрюля все больше раскаляется. Жар становится нестерпимым, вот-вот она расплавится. И рань чем говорить о надежде, нужно подумать, как преодолеть это мгновение и стоит ли его преодолевать.

Хочется более легкого воздуха! Хочется хотя бы чистого воздуха, не смешанного с тем, который я вдыхаю. Если бы можно было раз в день, взобравшись на обрыв, хоть по полчаса смотреть на море, как бы это было прекрасно! Ну это-то уж могли бы разрешить. Деревня стережет его слишком строго. Желание его совершенно естественно, тем более что он так добросовестно работал эти последние три месяца. Даже заключенному разрешают прогулки...

– Это невыносимо! Жить так круглый год, уткнувшись носом в песок. Это значит быть живо законсервированным. Неужели мне не разрешат хоть изредка гулять около ямы?

Но женщина, не находя ответа, молчала. У нее было такое выражение лица, точно она не знала, что делать с ребенком, который капризничает, потеряв конфету.

– Пусть попробуют сказать, что нельзя! – Мужчина разозлился. Он снова заговорил об этой ненавистной веревочной лестнице, вызывающей такие горестные воспоминания. – Когда я в тот день бежал, то видел их собственными глазами... И в нашем ряду есть несколько домов, к которым спущены лестницы!

– Да, но... – Она говорила робко, точно оправдываясь. – Большинство из них какое уж поколение живет в этих домах.

– А на нас они, что ж, не надеются, что ли?!

Женщина покорно опустила голову, словно собака, готовая ко всему. Если бы мужчина пил у нее на глазах цианистый калий, она бы, наверное, молчала так же покорно.

– Ладно, попробую сам договориться с этими подлецами!

Правда, в глубине души он не питал особых надежд, что переговоры будут успешными. Он уже привык к разочарованиям. Поэтому, когда все тот же старик пришел со вторыми переносчиками песка и принес ответ, он даже немного растерялся.

Но растерянность не шла ни в какое сравнение с тем, что он испытал, уразумев смысл ответа.

– Ну ладно... – Старик говорил медленно, запинаясь, будто перебирая в уме старые бумаги. – Это, ну, в общем, чтобы совсем уж нельзя было договориться, – такого нет... Я, к примеру, конечно, но если вы двое выйдете из дома и перед нами, перед всеми... будете это делать, а мы смотреть... Ну а то, что вы просите, это правильно, это можно будет сделать, ладно...

– А что мы должны делать?

– Ну, это... как его, самец и самка что? Спариваются... Вот так.

Переносчики песка дико захохотали. Мужчина замер, будто ему стиснули горло. Он с трудом начал соображать, о чем идет речь. Начал понимать, что он понимает. И когда понял, то предложение не показалось ему таким уж чудовищным.

Луч карманного фонаря, точно золотая птица, пролетел у ног мужчины. Это был какой-то сигнал. Вслед за ним еще семь или восемь лучей стали кружить по дну ямы. Подавленный этим нетерпением стоявших наверху людей, которые разве что не горели, как смола, он, еще не найдя слов, чтобы отвергнуть предложение, уже сам точно заразился их безумием.

Он медленно повернулся к женщине. Только что она размахивала здесь своей лопатой, но сейчас куда-то исчезла. Может, убежала в дом? Он заглянул в дверь и позвал ее.

- Что же нам делать?

Из-за стены раздался ее приглушенный голос:

- Ну их к черту!

- Но хочется же выйти отсюда...

- Нельзя так!

- Да ладно, нужно смотреть на это проще...

Вдруг женщина, задыхаясь, подступила к нему.

- Вы что, с ума сошли?.. Не иначе с ума сошли.. Просто разум потеряли!

Ну разве можно такое делать!.. я же еще не рехнулась!

Может, и правда?.. Может, и правда я сошел с ума?.. Ожесточенность женщины заставила его отступить, но внутри росла и ширилась какая-то пустота... Я получил столько пинков! Какое же значение имеют теперь честь, достоинство?.. Когда на тебя смотрят, а ты делаешь что-то гадкое - это гадкое в той же степени марает и тех, кто смотрит... Быть увиденным и видеть - незачем возводить стену между этими двумя понятиями... Некоторое различие между ними, конечно, есть, но, чтобы оно исчезло, я устрою им это маленькое представление... Нужно подумать еще и о том, какую награду ты получишь за это!.. Свободно разгуливать по земле!.. Я хочу вытащить голову из этого затхлого болота и вздохнуть полной грудью!

Определив, где находится женщина, он неожиданно бросился на нее. Крик женщины, шум падения их сплетенных тел около стены дома вызвали наверху животное возбуждение. Раздался свист, хлопанье в ладоши, похотливые выкрики... Количество людей там значительно возросло, среди них были, кажется, и молодые женщины. Число фонарей, скользивших по двери дома, стало раза в три больше, чем вначале.

Благодаря тому, что он застиг женщину врасплох, ему удалось выволочить ее наружу. Он сдавил ей шею, и женщина обмякла, как мешок. Полукруг огней над ямой напоминал праздничную иллюминацию. Хотя не было особенно жарко, у него из-под мышек струился пот, волосы взмокли, будто на него вылили ушат воды. Вопли зрителей, точно эхо отдаваясь в ушах, огромными черными крыльями застилала небо. Мужчине казалось, что это его крылья. Он ощущал этих людей, напряженно смотревших с обрыва, так же явственно, как самого себя. Они были частью его. Это от его вожеления у них бежала слюна. Он уже чувствовал себя не жертвой, а скорее представителем палачей.

Было темно, да и руки дрожали, и пальцы стали будто в два раза толще. Когда наконец он обхватил ее, она выгнулась и ловко выскочила из его рук. Утопая в песке, он бросился за ней. Но она снова отбросила его, точно стальная пружина. Опять схватив ее, мужчина начал молить:

- Прошу... Прошу тебя... Ведь я же все равно не могу... Давай сделаем только вид...

Но ему уже не нужно было удерживать ее. У женщины, казалось, пропало желание убежать. Вдруг он услышал звук рвущейся материи и в то же мгновение почувствовал резкий удар в низ живота, который нанесла локтем женщина, вложив в него всю свою злость, всю силу своего тела. Мужчина беззвучно согнулся пополам и обхватил руками колени. Склонившись над ним, женщина стала кулаками молотить его по лицу. На первый взгляд могло показаться, что движения у нее вялые, но каждый удар был увесистым, точно она толкла отсыревшие и слежавшиеся комки соли. Из носа у него хлынула кровь. На кровь налип песок, и его лицо превратилось в ком земли.

Возбуждение наверху спало, точно зонт, у которого обломали спицы. Смешались воедино выкрики негодования, насмешки, подбадривания, но они были какими-то нестройными, отрывочными. Пьяные, непристойные возгласы тоже не могли поднять настроение зрителей. Кто-то бросил что-то вниз, но его тут же обругали. Конец был таким же неожиданным, как и начало. Издали раздалось голоса, призывающие к работе, длинный хвост огней растаял, будто его потянули вверх. И только дул темный северный ветер, унося последние следы возбуждения.

Мужчина, избитый и засыпанный песком, смутно ощущал, что все шло как по писанному. Эта мысль теплилась где-то в уголке сознания, напоминавшего пропитанное потом белье, под которым лишь биение сердца было до боли отчетливым. Горячие, как огонь, руки женщины лежат у него под мышками, и запах ее тела точно колючками бьет в нос. Ему представилось, что он в ее ласковых руках - как маленький камешек в русле спокойной реки.

Проходили однообразные ночи песка, шли недели. Вороны по-прежнему игнорировали "Надежду". Приманка - вяленая рыба - уже перестала быть вяленой рыбой. Вороны не соблазнились ею, но бактерии, видимо, были менее разборчивы. Однажды утром он тронул приманку концом палки - от рыбы осталась только кожа, а сама она превратилась в черное липкое месиво. Сменив приманку, он решил еще раз проверить, не испортилось ли его устройство. Он отгреб песок, открыл крышку и замер, пораженный. На дне бочонка скопилась вода. Ее было всего сантиметров десять, но это была почти совсем прозрачная вода, гораздо чище той ржавой, которую им ежедневно привозили. Разве в последнее время шел дождь?.. Нет, дождя не было недели две, не меньше... Тогда, может быть, это вода, оставшаяся от дождей, которые шли раньше?.. Ему бы хотелось так думать, но смущало то, что бочонок протекал. Действительно, когда он поднял его, сквозь днище полилась вода. Поскольку на такой глубине не могло быть песчаного родника, напрашивалась мысль, что вытекавшая из бочонка вода все время откуда-то пополняется. Во всяком случае, так выходит теоретически. Но откуда ей пополняться в этих пересохших песках?

Мужчина с трудом сдерживал все возрастающее волнение. Можно было представить себе только один ответ. Капиллярность песка. Поверхность песка из-за высокой удельной теплоемкости обычно высушена, но, если немного углубиться, там песок всегда влажный. Это происходит, несомненно, потому, что испарение с его поверхности действует как помпа, выкачивающая влагу из нижних слоев. Представив себе это, можно легко объяснить и обильный туман, поднимающийся с дна утром и вечером, и необычную влажность, пронизывающую деревянные стены и столбы дома и вызывающую гниение. В конце концов, сухость песков объясняется не просто недостатком воды, а скорее тем, что всасывание песка через капилляры никогда не достигает скорости испарения. Другими словами, пополнение воды идет непрерывно. Только эта циркуляция происходит со скоростью, невысказанной в обычной почве. И наверное, его "Надежда" где-то нарушила циркуляцию воды. Видимо, расположение вкопанного бочонка, ширина щели между ним и крышкой - все это не позволяло просачивающейся снизу воде испаряться, и она скапливалась. Каково это расположение и как все это связано между собой, он не мог еще точно объяснить, но после тщательного изучения сумел бы, несомненно, повторить свой опыт. И не исключено, что ему удалось бы построить еще более эффективное сооружение для скапливания воды.

Окажись опыты удачными - и ему не придется больше капитулировать, если перестанут подвозить воду. Но еще важнее другое: оказывается, весь песок - огромный насос. Ему казалось, что он сидит на всасывающей помпе. Чтобы успокоить бешеные удары сердца, ему пришлось сесть и перевести дух. Пока нельзя никому об этом говорить. В случае чего - это сильное оружие.

Он не мог сдержать радостного смеха. Хотя он должен был молчать о своей "Надежде", очень трудно было скрыть переполнявшую его сердце гордость. Неожиданно мужчина закричал тонким голосом, обхватил женщину, стелившую постель. Но она вывернулась, а он упал на спину и стал смеяться, дрыгая ногами, будто живот ему щекотал бумажный шар, наполненный легким газом. Ему казалось, что рука, которую он держал у лица, свободно плавает в воздухе.

Женщина тоже смеялась, но как-то принужденно - просто чтобы не портить ему настроение. Мужчина представлял себе протирающуюся без предела чистую сеть подземных ручейков, тонкими серебристыми нитями поднимающимися вверх по узким промежуткам между песчинками. Женщина же подумала о другом - не иначе о половом акте, который должен последовать за этим. Ну и ладно, Только потерпевший кораблекрушение и чудом не утонувший в состоянии понять психологию человека, которому хочется смеяться уже потому, что он дышит.

По-прежнему находясь на дне ямы, он испытывал такое чувство, будто поднялся на высокую башню. Может быть, весь свет вывернулся наизнанку, и теперь возвышенности и впадины поменялись местами. Во всяком случае, он нашел в песке воду. А это значит, что жителям деревни не справиться с ним так просто. Пусть прекращают теперь доставку воды, он обойдется без них сколько угодно. И он снова начинал безудержно хохотать, стоило ему подумать о том, как они забегают. Ему даже казалось, что он уже выбрался из ямы. Он огляделся, и вся яма предстала перед его взором. Очень трудно судить о мозаике, если не смотреть на нее с расстояния. Подойдя вплотную, вы заблудитесь в деталях. Оторвавшись от одной детали, спотыкаетесь о другую. До сих пор он видел скорее всего не песок, а лишь отдельные песчинки.

То же он мог бы сказать о той, другой женщине и о своих сослуживцах. До

сих пор он вспоминал только отдельные мелкие детали, необычайно разросшиеся в его воображении: ноздри мясистого носа... Сморщенные губы... гладкие тонкие губы... тупые пальцы.. тонкие пальцы... звезды в глазах... длинная бородавка под ключицей... бегущие по груди лиловые жилки... Смотреть в упор вблизи - тошно. Но на расстоянии все это кажется крошечным, не больше малясынького насекомого. Вон там далеко копошатся сослуживцы, пьющие чай в учительской. А вон там, в уголке, - та женщина, обнаженная, лежит в сырой постели, полузакрыв глаза не шевелясь, хотя пепел с ее сигареты вот-вот упадет. Без всякой зависти он думал об этих маленьких насекомых, будто это были формы для печенья, пустые внутри. И не нужно быть настолько фанатичным пирожником, чтобы настойчиво печь в печенье, которого никто не просил, - лишь бы использовать формы. Если ему случится еще раз завязать с ними отношения, то придется начинать все с самого начала. Перемены, происшедшие в песке, были в то же время и переменами в нем самом. В песке вместе с водой он словно обнаружил нового человека.

Так к его ежедневному уроку прибавилась работа над сооружением для сбора воды. Стали скапливаться цифры и диаграммы: место, где должен быть закопан бочонок... форма бочонка... связь между временем, когда светит солнце, и скоростью скопления воды... влияние температуры и атмосферного давления на эффективность сооружения. Женщина никак не могла понять, почему он так усердно возился с ловушкой для ворон. Она убеждала себя, что ни один мужчина не может обойтись без какой-нибудь игрушки, и, если он находит в этом удовлетворение, - прекрасно. Кроме того, он почему-то стал проявлять большой интерес к ее надомной работе. Во всем этом не было ничего плохого. Так что пусть забавляется. Но и у мужчины были на этот счет свои соображения и мотивы. Его исследование неожиданно натолкнулось на серьезное препятствие, потребовав сопоставления и увязки целого ряда условий. И хотя количество собранного материала росло, он никак не мог найти закономерность, которая позволила бы объединить все в стройную систему. К тому же, если он хотел получить верный результат, необходимо было иметь радиоприемник, чтобы слушать сводку и прогнозы погоды. Так приемник стал общей целью для обоих.

В начале ноября воды в бочонке скапливалось по четыре литра в день, а затем день ото дня воды стало прибывать все меньше. Может быть, под влиянием температуры? Но для проведения опытов в полном объеме надо, видимо, ждать весны. Наступила долгая жестокая зима, и вместе с песком в воздухе начали носиться льдинки. Чтобы купить приемник получше, он решил хоть немного помочь женщине. Яма тоже имела свои преимущества - в нее не залетал ветер. Но зато и солнце почти не заглядывало. Даже в те дни, когда песок промерзал, в воздухе его носилось ничуть не меньше, чем обычно, и нужно было без устали отгребать его от дома. Кожа на руках потрескалась и кровоточила.

Наконец зима кончилась. Наступила весна. В начале марта приемник был куплен. На крыше установили высококую антенну. Женщина радостно и удивленно крутила полдня ручки. В конце месяца она почувствовала, что беременна. Прошло еще два месяца. Огромные белые птицы три дня летели с запада на восток. И еще через день женщина пожаловалась на нестерпимую боль. Она увидела, что вся в крови. Какой-то человек из деревни - у него в родне был ветеринар - поставил диагноз: выкидыш. Решили отвезти на пикапе в город, в больницу. Ожидая машину, мужчина сел рядом, позволив взять себя за руку, а другой поглаживал ей живот.

Но вот к яме подъехал пикап. Впервые за полгода была спущена лестница. Женщину, запеленатую в одеяло, как кокон, на веревке подняли наверх. До последней минуты она с мольбой смотрела на него глазами, полными слез. Будто не замечая, он отвернулся.

После того как ее увезли, веревочная лестница продолжала висеть. Мужчина робко подошел к ней и прикоснулся кончиком пальца. Убедившись, что она не исчезает, он стал медленно подниматься. Небо было какого-то грязно-желтого цвета. Руки и ноги тяжелые, будто он вышел из воды... Вот она, долгожданная лестница...

Ветер, казалось, вырывал дыхание изо рта. Обойдя вокруг ямы, он поднялся выше, откуда видно было море. Море тоже было мутно-желтое. Он глубоко вдохнул, но воздух был шершавый, совсем не такой, каким представлялся ему. Обернувшись, он увидел облако пыли на краю деревни. Наверное, пикап с женщиной... Да, зря он, пожалуй, не рассказал ей все о ловушке до того как уйти.

На дне ямы что-то зашевелилось. Это была его тень. Чуть выше тени - сооружение для сбора воды. Одна планка отошла. Вероятно, наступили, когда несли женщину. Он поспешил обратно, чтобы исправить поломку. Вода, как он и рассчитывал, поднялась до четвертой отметки. Поломка не так уж серьезно. В доме трескучим голосом пело радио. С трудом сдерживая слезы, он опустил руки в бочонок. Вода обожгла холодом. Но он остался в том же положении, на корточках, даже не пошевелившись.

Спешить с побегом особой необходимости нет. Теперь в его руках билет в оба конца - чистый бланк, и он может сам, по своему усмотрению заполнить в нем и время отправления, и место назначения. К тому же непреодолимо тянет рассказать о своем сооружении для сбора воды. И жители деревни, ему не найти. Не сегодня, так завтра он кому-нибудь все расскажет. А побег - об этом еще будет время подумать.

Объявление в связи с заявлением об исчезновении

Имя исчезнувшего - Ники Дзюмпэй

Год, месяц и день рождения - 1924, март, 7

Поскольку Ники Сино было подано заявление об исчезновении вышеуказанного Ники Дзюмпэя, последнему предлагается до 21 сентября 1962 года известить суд о своем местонахождении. В случае если подобное сообщение не поступит, он будет признан умершим. Всех, кому известно что-либо об исчезнувшем, прост до указанного срока сообщить об этом суду.

1962, февраль, 18 Гражданский суд

Постановление

Истец - Ники Сино

Пропавший без вести - Ники Дзюмпэй, родился - 1924, март, 7

Настоящим подтверждается, что после выполнения процедуры публичного объявления в связи с заявлением об исчезновении вышеназванного лица об указанном лице с 18 августа 1955 года, то есть более семи лет, не поступало никаких сведений. В связи с вышеизложенным выносится следующее постановление: исчезнувшего выносится следующее постановление: исчезнувшего Ники Дзюмпэя считать умершим.

1962, октябрь, 5 Гражданский суд

Подпись судьи